

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ № 6 (109) / 2020

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, Е. А. Булат, А. Н. Гордей, Е. А. Гапанович,
Е. Г. Задворная, Т. В. Поплавская,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Гуркова О. С.</i> Неолексемы, связанные со сферой электронных коммуникаций, в составе метафорических контекстов разной протяженности	7
<i>Дзігадзюк В. П.</i> Рэпрэзентацыя катэгорыі праспекцыі ў мастацкім тэксьце.....	15
<i>Тур В. В.</i> Микро- и макровариативность толкований значения слова (на примере лексикографического описания английских наименований артефактов)	22
<i>Цуна А. И.</i> О модификации структурных моделей сложных диалогических единств.....	28
<i>Чжан Аньци.</i> Владение китайским интернет-сленгом: социолингвистическое исследование.....	34

Романское и германское языкознание

<i>Гурская А. О.</i> Семантическая структура многозначных пространственных предлогов, обозначающих отношения включения (<i>in, inside, into, within</i>).....	42
<i>Зуевская Е. В.</i> Особенности использования средств выражения категории каузальности в немецкоязычной художественной литературе и публицистике	49
<i>Король Ю. А.</i> О семантике английских глагольных неологизмов последних десятилетий (на материале глаголов, образованных от наименований социальных сетей)	57
<i>Курганова Н. И.</i> Истоки вариативности образа мира.....	64
<i>Туттик Д. И.</i> Узуальная вариативность в контексте систематизации женского рода (на материале французских наименований действующего лица).....	71

Исследования славянских языков

<i>Бувечич А. А.</i> Концепт «Слово Божье» в Библии и русском религиозно-философском дискурсе	77
<i>Семянькевич А. В.</i> Сістэма марфемнага словаўтварэння беларускіх множналікавых назоўнікаў	84
<i>Чайка Н. У.</i> Механізмы сінтаксічнай дэрывацыі ў беларускай мове	91

Проблемы прикладной лингвистики

<i>Степанова Д. В., Жданович М. А.</i> Особенности выделения ключевых слов из научно-технических текстов предметной области «Информационные технологии»	98
---	----

Литературоведение

<i>Мобаракабади Э.</i> Проблематика мужских образов в романе «Вдали от обезумевшей толпы» Томаса Гарди	106
<i>Первушина Л. В.</i> Духовно-религиозное содержание творчества Дойны Галич Барр	114
<i>Хмяльніцкі М. М.</i> Матыў памяці і тэма Беларусі ў міжваеннай паэзіі Леанарда Падгорскага-Аколава	128
<i>Церковский А. Л., Жишкевич А. И.</i> Интермедиаальный код в современной детской литературе с позиции литературоведения и лингвистики.....	134
<i>Наши авторы</i>	142

CONTENTS

General and Typological Linguistics

- Gurkova V. S.* Neolexemes Related to the Sphere of Electronic Communications in the Structure of Metaphorical Contexts of Different Length..... 7
- Digadyuk V.* Representation of the Category of Prospection in the Literary Text.. 15
- Tur V. V.* Micro- and Macrovariability of Lexicographic Descriptions (Case of Definitions of English Artifact Names) 22
- Tsupa H. I.* On Modification of Structural Models of Complex Dialogic Units..... 28
- Zhang Anqi.* Chinese Internet Slang Proficiency: Sociolinguistic Studies 34

Romance and Germanic Linguistics

- Hurskaya A.* The Semantic Structure of Polysemous Spatial Prepositions Denoting the Relation of Inclusion (*in, inside, into, within*)..... 42
- Zuevskaya E.* Peculiarities in the Use of Means of Expressing of the Category of Causality in German Fiction and Journalistic Texts 49
- Karol Y. A.* On Semantics of English Verbal Neologisms of the Past Decades (Based on Verbs, Derived from Social Networks Names)..... 57
- Kurganova N. I.* Towards the Origins of the National and Cultural Specifics of the World Image 64
- Toupik D. I.* Conventional Variability in the Context of Systematization of the Feminine Gender (on the Material of the French Agent Title Names)..... 71

Slavonic Languages

- Buyevich A. A.* The concept «Word of God» in the Bible and Russian Religious and Philosophical Discourse 77
- Semenkevich O. V.* The Morphemic Word-Formation System of Pluralia Tantum Nouns in the Belarusian Language 84
- Chaika N. V.* Mechanisms of Syntactic Derivation in the Belarusian Language 91

Applied Linguistics

<i>Stepanova D. V., Zhdanovich M. A.</i> Extraction of Keywords from Texts of the Subject Area “Information Technologies”	98
--	----

Studies in Literary

<i>Mobarakabadi Ebrahim.</i> The Problem of Male Images in the Novel “Far From the Madding Crowd” by Thomas Hardy	106
<i>Pervushina L.</i> Spiritual and Religious Content in the Fiction by Dojna Galic Barr.....	114
<i>Khmalnitski M.</i> Memory Motif and the Theme of Belarus in Leonard Podhorski-Okolów’s Interwar Poetry	128
<i>Tserkovsky A. L., Zhyshkevich A. I.</i> Intermedial Code in Modern Children’s Literature from the Standpoint of Literary Criticism and Linguistics	134
<i>Our authors</i>	142

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

О. С. Гуркова

НЕОЛЕКСЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ СО СФЕРОЙ ЭЛЕКТРОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ, В СОСТАВЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ КОНТЕКСТОВ РАЗНОЙ ПРОТЯЖЕННОСТИ

В статье сосредоточено внимание на различных типах минимальной и развернутой метафоры на примере неометафор, тематически восходящих к сфере электронных коммуникаций. Отмечены приемы построения развернутых метафорических конструкций разных типов на базе генитивных, предикативных и атрибутивных метафорических словосочетаний. Последние могут выполнять текстообразующую функцию. Тексты-метафоры, основанные на переосмыслении понятий из сферы электронных коммуникаций, чаще всего относятся к «сетевой поэзии», «поп-индустрии», языке массмедиа и разговорной речи. Чаще всего они связаны с языковой игрой и реализацией юмористического эффекта.

Метафора как наиболее продуктивный способ образования вторичных значений широко представлена практически во всех современных дискурсивных практиках. Востребованность метафор и интерес к процессу метафоризации во многом обусловлены необходимостью с помощью образно-выразительных средств всесторонне и глубоко отражать все отношения и противоречия в обществе [1, с. 143]. Одним из источников образования неометафор и обогащения метафорикона современной русской речи является сфера электронных коммуникаций (ЭК), что весьма характерно для «неологического общества» начала XXI века. «Сегодня, когда мир стал терять материальные формы, а реальность становится виртуальной, энергичность слова неизмеримо возросла, и на мир стало возможным влиять энергией оцифрованного слова», – отмечает М. И. Конюшкевич [2, с. 5].

Когда человек подыскивает сравнение, чтобы собеседник мог легко представить предмет речи, его внешние черты или характер, эталоном для такого сравнения служит что-то хорошо известное, близкое, понятное. В начале XXI века областью таких «эталонных» реалий оказывается мир компьютеров и Интернета [3, с. 503].

Основная причина использования метафорических новаций – экстралингвистическая. Развитие высоких технологий и их широкое применение во всех сферах жизнедеятельности, процессы глобализации в экономике, политике, науке и культуре, а также общественно-политические и экономические изменения внутри страны получают закономерное отражения в лексико-семантических системах языков [4, л. 163].

Неометафоры, рожденные в сфере электронных коммуникаций, активно употребляются как в современных художественных текстах, так и в медийно-публицистических, что является свидетельством их востребованности

в разных дискурсивных практиках, обусловленной активной «компьютеризацией», «виртуализацией» и «сетевизацией» коллективного сознания современного носителя языка, в первую очередь молодежи. Некоторые из них достаточно прочно «освоились» за пределами сферы ЭК и стали фактом языковых новаций (*перезагрузка отношений, системный сбой, драйвер роста* и т.д.).

Огромное количество исследований посвящено изучению метафоры в ракурсах различных отраслей науки. При этом на рубеже XX–XXI веков в учении о метафоре наметились новые ориентиры. Так, во второй половине XX века метафора становится самостоятельным объектом русской лингвистической теории, «что было обусловлено поисками ее научного обоснования как языкового явления. В этот период и начала формироваться лингвометафорология как самостоятельная отрасль лингвистики, хотя соответствующий статус она приобрела только в последнее десятилетие» [5, с. 55]. «Именно всплеск всестороннего интереса к метафорогенной деятельности и механизму метафоризации, глубокое исследование различных ее сторон позволили в свое время А. Вежицка, вслед за Н. Blumenberg, утверждать, что метафорология – отдельная самостоятельная ветвь лингвистических исследований», – подчеркивает О. Н. Лагута [6, с. 7].

«В самом общем смысле любой текст, в котором употреблены метафоры, может пониматься как метафорический текст. Однако использование метафор в тексте может носить различный характер. В тексте могут быть употреблены единичные языковые метафоры как орнаментальные средства, тематически несвязанные между собой и не создающие целостного метафорического образа на предметном уровне текста», – отмечает О. А. Рыкова [7, л. 22]. Таким образом, метафорический текст является словесным произведением, в пространстве которого разворачивается целостный предметный образ, представленный метафорическими единицами, которые объединяются единой тематической линией.

Интерес для исследования новых метафор представляют работы С. Б. Кураша. В монографии «Метафорика русской и белорусской поэзии: тексто-дискурсивный аспект» им излагается концепция, в основу которой положены понятия интерактивности и изоморфизма, обеспечивающие «возможность для глобальных аналогий в рамках языковой системы, текста и дискурса, в том числе во взаимосвязях трех указанных макросистем» [8, с. 171]. **Целью** данной статьи является выявление неометафорических контекстов, тематически восходящих к сфере электронных коммуникаций, и типов развернутых неометафор, основанных на понятиях, связанных с ЭК, выполнение ими текстообразующей функции.

Материалом для исследования послужили тексты и фрагменты текстов разных сфер коммуникации, структурными элементами которых являются неолексемы, связанные с ЭК, функционирующие в них во вторично-номинативной функции. Большинство примеров было найдено посредством привлечения интернет-ресурсов (Национального корпуса русского языка, поисковых систем Яндекс и Google).

Когда идет речь о метафоре, обычно в качестве примеров приводятся простые предложения или словосочетания, в которых некоторые слова употреблены метафорически, а остальные – в своем обычном (прямом) значении [9, с. 155].

Вместе с тем установлено, что, проходя свой путь «от словосочетания до интертекста, метафора обретает в каждой из форм своего контекстного бытия новые признаки и свойства, заставляя говорить каждый раз о некотором особом феномене (развернутая метафора, метафора-текст, интертекстовая метафора)» [10, с. 109]. Согласно интеракционистской точке зрения М. Блэка (interaction view), «метафора – это не просто замена одного имени другим, а взаимодействие (interaction) двух понятийных областей. Следовательно, метафорический контекст следует рассматривать сквозь призму отражения в нем этого взаимодействия» [9, с. 162].

Минимальная метафора

Минимальным метафорическим контекстом является контекст-бинарма, т.е. метафорические словосочетания различных типов.

По характеру семантических отношений между компонентами метафорических словосочетаний можно выделить два их типа.

1. Конструкции, которые отражают приписывание свойств одного предмета другому: *Биохакинг – перезагрузка организма* (<https://zen.yandex.ru/media>); *Головоломные лайфхаки для прокачки молодого врача* (Медицинский вестник, № 33, 15.08.2019).

2. Конструкции, в которых описываемый объект прямо сопоставляется с другим объектом, т.е. метафора-сравнение по Ю. И. Левину [12, с. 293]: *Двоичный бит твоих волос* (Did on <https://www.sunhome.ru/poetry/vinchester>); *В эпическом мегатексте, распадающемся на фрагменты микросюжетов, осколки идей, пиксели обесцененных слов, драматург попытался передать картину мира, взорванного 11 сентября* (М. Шимадина, «Дмитрий Волкострелов воссоздал мир после 11 сентября» // Известия, 2012.11.28).

3. Минимальные предикативные конструкции: *[Elanor, nick] нет, я глуху. Все так.:) самоучитель прав, придется это признать* (ICQ переписка, 2007.11.24).

Собранный материал показывает, что к такого рода минимальным включениям тяготеет разговорная речь и отчасти медийная коммуникация.

Развернутые метафоры (РМ)

Развернутые метафорические конструкции, основанные на вторично-номинативном использовании лексем, связанных с ЭК, в большей степени характеризуют тексты «сетературы» (в первую очередь – «сетевой поэзии»), поп-индустрии, в несколько меньшей степени – медийной коммуникации.

Однофокусная развернутая метафора (ОРМ) состоит из образно-смыслового фокуса (отправной метафоры, являющейся развиваемой частью, и развивающей части, представляющей собой эксплицированную предикацию признаков и свойств метафоризирующего компонента фокусной метафоры и ее метафоризируемой составляющей) [10, с. 27].

В большинстве ОРМ образно-смысловой фокус составляют эксплицированные метафоры (т.е. такие, в которых фокус имеет и названный объект из «сферы источника», и названный объект из «сферы прибытия» метафоры). В большинстве таких примеров смысловой фокус может быть вычленен в качестве метафорической бинармы. Вторичные номинации, связанные со сферой ЭК, отмечены нами в составе отправных фокусов при построении ОРМ на базе:

- генитивных метафорических словосочетаний, например: *Как получать фуры лайков и тонны денег* (Н. Соболев «Путь к успеху. Как получать фуры лайков и тонны денег»); *«Я чувствую тебя мегабайтами нежности...»* (<https://www.inpearls.ru>);

- предикативных сочетаний: *И сердце бьётся по низам, // Заряди меня, ты – мой Power Bank, Power Bank* (<https://www.gl5.ru/r/rasa/rasa-power-bank.html>); *Писатель – он и есть гипертекст, высказывание во времени и пространстве* (Е. Н. Шагалова «Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века» // Газета.ру, 19.11.10);

- атрибутивных метафорических словосочетаний, например: *Мой смайловый отдых* (<https://ok.ru/video/62891627959611-1>); *Пиксельный узор – мерч, одежда, аксессуары...* (<https://vse-footbolki.ru>); *Вот видишь, какие хакнутые яблоки продают!* (<http://vkrugudruzei.ru>).

Анализ собранного материала позволяет утверждать, что среди многофокусных РМ (МРМ) чаще всего встречаются двуфокусные развернутые неометафоры, в которых один из фокусов главный, а другой – развивающий, например: *И коснувшись снова страсти брызг // Так хочу тебя в себя скачать // Пусть качает сердце мегабайты счастья // В память наизусть, в память наизусть* (Л. Давыдова «Мегабайты счастья» // <https://stihi.ru>); *Бит, байт, кусочек стекла, // Вплетенный в большую картину. // По линиям связи бежит пустота, // Бежит в Интернет-паутину. ... Монитор всего лишь кусок стекла, // За которым проволока и пустота. Бит, байт, осколок души, // Растаявший в общем потоке* (А. Дмитри «Бит, байт» // <https://www.stihi.ru>).

В метафорических конструкциях, выраженных сложным предложением, как правило, смысловой фокус проявляется в каждой или в нескольких из предикативных частей, например: *Я – терабайт, я жду перезагрузку, // обид по умолчанию сбросить груз // и вновь перевести «аmour»* на русский, // закоротив все минусы на плюс* (Е. Шушманов «Терабайт любви» // <https://stihi.ru>).

В приводимом далее примере соблюдается «прямая последовательность расположения развиваемого и развивающего фокусов многофокусных развернутых метафор, это позволяет автору точнее донести смысл высказывания, так как при прямом порядке следования метафорических фокусов установление единого ассоциативного ряда не вызывает затруднений у адресата текста» [5, с. 58], ср.: *Блютютелькой в блютютельку блютуза, // Я попадаю в звуках ритм-энд-блюза! // На пятом этаже студентке ВУЗа, // Я новый блюз с утра передаю. // Но мой блютуз другого не находит, // Она с меня*

зеленых глаз не сводит, // И между нами **не блютуз искрой проходит!** // На ощупь кнопок я не нахожу! // **Эмоций шторм!** На море чувств, магнитных волн! // Мой ритм-энд-блюз, // **На море чувств, штормит блютуз!** // В стихии волн, // Зелёных глаз, любви синдром! // Мой ритм-энд-блюз, // **На море чувств штормит блютуз!** // А я решаю кнопками задачу! // **Не сопрягается блютуз**, я чуть не плачу! (В. Дэнин «Блютуз. Ритм-энд-блюз» // <https://www.chitalnya.ru>). Таким образом, в приведенной развернутой метафоре в цепи предложений отправным фокусом является «завоевание симпатий девушки → подключение по блютузу», а развивающими (дополняющими) – «не блютуз искрой проходит», «на море чувств, магнитных волн», «штормит блютуз», «не сопрягается блютуз».

Также интересным представляется следующий пример, в котором развертывание метафорического высказывания происходит по цепочке «лицо → смайлик», «лицо → эмоция», «нос → тире» и т.п.: Эти очки делают его похожим на «смайлик». **Лицо-эмоция**, составленное из текстовых символов. **Очки-восьмерка, нос-тире и рот – косая черта** (У. Гибсон «Распознавание образов» // <http://booksburg.net>).

Ср. ряд аналогичных примеров: **Безлимитная любовь** // Сколько хочешь бери, сколько хочешь бери!.. Ты меня **обнули**, ты меня **обнули**... // Ты **подобрал пароль**, ты был так близко. // Зачем меня **взломал**, **кидаю в «чёрный список»** (Л. Чеботина, «Безлимитная любовь» // <https://www.gl5.ru>); **Строка** длиною в жизнь нас разделила... // Все, как всегда, // **Мерцающим курсором** судьбу я выводила... // **Любимый смайл**, ожиданье встречи... (А. Горячкина «Гигабайты любви» // <https://stihi.ru>).

Текстообразующие метафоры

Со структурно-композиционной точки зрения, метафорические сочетания с неолексемами, восходящими к ЭК, могут представлять собой «скелет» целого текста, т.е. выполнять текстообразующую функцию.

Важным для анализа текстообразующих свойств неометафор, восходящих к сфере ЭК, представляется сформулированное Д. Б. Ольховиковым понятие **м е т а ф о р и ч н о с т ь т е к с т а**, под которым понимается «результат семантико-стилистического взаимодействия отдельной метафоры, сравнения или другого тропа, имеющего качество отдельной метафоры, сравнения или другого тропа, имеющего качество метафоричности, со структурой текста и разноуровневыми элементами этой структуры» [13, с. 17]. По словам исследователя структуры и семантики метафоры М. Л. Новиковой, «метафора нередко представляет собой остов, основу текста» [14, с. 29]. При совпадении границ развернутой неометафоры и всего текста мы, таким образом, имеем дело с **метафорическим текстом, или текстом-метафорой** [Там же]. Ср.: Утро зевает. Солнце **offline**, // Рыскают тучи акулами. // Бьют небоскрёбы по плавникам // Хищных стеклянными скулами. // День подключился. // **Глючит Wi-Fi**, // **К осени блогу нет доступа**. // И косяками листья – минтай // Ветер глотает норд-остовый. // Жёлтый экватор год шелушит. // Небо контрастами брызнуло. // Жаль, истекает **unlim души**, //

Как ни платил бы пожизненно (П. Перов «Unlim» // <https://poembook.ru>). Здесь можно выделить три имплицированных образно-смысловых метафорических фокуса: «город в непогоду → море (океан)», «состояние природы → сетевая реальность», «состояние души → сетевая реальность», а также их «следствия». «Любой текст – определенным образом упорядоченное структурно-смысловое целое. Как видно, ключевыми в данном тексте являются неолексемы *unlim, offline, глючит Wi-Fi, подключиться, блог, доступ*, восходящие к сфере электронных коммуникаций. Кроме того, и заголовок данного текста – «Unlim» – занимает одну из его сильных позиций. Так, В. А. Масловой заголовок характеризуется как «доминанта смысла всего текста, подчиняющая себе его построение и восприятие» [15, с. 61]. Заглавие текста может рассматриваться в качестве одного из основных ориентиров при формулировании смысла текста [1, с. 78].

Обратимся к еще одному примеру: *Мой знакомый программист как-то раз в компании // Встретил девушку своей голубой мечты: // У нее, мол, интерфейс, как у мисс Испании, // И к тому же драйвера дивной красоты! // А поскольку раньше он не встречал аналоги, // То, как истинный технарь, потерял покой, // И засело у него в корневом каталоге, // Что, мол, надо изучить экземпляр такой. // В общем, он пошел на взлом, экспериментировал: // Рестораны и цветы, клубы до утра... // Наконец защиту снял и отформатировал, // И хотел нажать «искейн», мол, уже пора. // ...в тот же миг появились хлопцы и // Стали сразу говорить с ним начистоту, // Мол, остались у него две простые опции: // Или сходу заплатить, или – в Воркуту* (И. Мантаров «Хакер» // <http://www.hohmodrom.ru/project.php?prid=103380>). Развертывание текстообразующей метафоры подчиняется в приведенном тексте следующей логической последовательности: «внешность → интерфейс, драйвера», «намерение → корневой каталог», «добиваться расположения девушки → пойти на взлом», «завершить ухаживания → нажать клавишу “искейн”», «два варианта выхода из ситуации → две опции». Отметим также, что в данном тексте реализуется тема уподобления человека компьютеру посредством семантических моделей неометафор, таких как «компьютерные команды – управление человеческой жизнью», «программы и программное обеспечение компьютера – характеристика человека (состояние человека)».

В целом можно отметить, что в контекстологическом ракурсе неометафоры продолжают реализовать общезыковые механизмы метафорического контексто- и текстообразования, выявленные исследователями на примере иных дискурсивных сфер, прежде всего, языка художественной литературы [1; 10; 11; 14]. Однако есть и особенность: если художественная метафора разворачивается чаще всего на основании неких логических (например, причинно-следственных и т.д.) связей между звеньями метафоризации и соответствуют принципу «выводимости» последующего фокуса из предыдущего, например: *Если ты – проводка, // Я – троллейбус* (Р. Рождественский) (см. [10;

11; 14]), то в собранных нами неоконтекстах, основанных на МРМ, можно наблюдать скорее реализацию принципа «нанизывания» фокусов, логика отношений между которыми зачастую весьма условная и скорее имеет игровой характер, что демонстрирует большинство примеров, приведенных выше.

Собранный фактический материал определенным образом коррелирует с содержательными и жанрово-стилевыми параметрами текстов. Так, прежде всего, тексты-метафоры, основанные на переосмыслении и дискурсивной транспозиции понятий их сферы ЭК, чаще всего фиксируются в «сетевой поэзии» и «поп-индустрии». Зачастую их появление связано с языковой игрой и реализацией юмористического эффекта. Чем выше степень развернутости метафорического контекста, тем более вероятным является пересечение в нем различных семантических моделей неологического метафорообразования («человек – компьютер», «компьютер – человек», «природное» – «компьютерное» и т.д.).

Обобщение собранного материала позволило выделить два основных типа метафорических сочетаний, тематически восходящих к сфере ЭК, но имеющих тенденцию выходить за ее пределы, функционирующих в различных дискурсивных практиках коммуникативного пространства современного русского языка: 1) конструкции, которые отражают приписывание свойств одного предмета другому; 2) конструкции, в которых описываемый объект прямо сопоставляется с другим объектом; 3) минимальные предикативные конструкции.

В анализируемых контекстах нами отмечены приемы построения развернутых метафорических конструкций разных типов на базе генитивных, предикативных и атрибутивных метафорических словосочетаний. Последние могут включать в свой состав один, два и более образно-смысловых фокуса.

Со структурно-композиционной точки зрения метафорические сочетания с неолексемами, восходящими к ЭК, но выполняющими вторично-номинативную функцию, могут образовывать «скелет» текста (контекста) и тем самым выполнять текстобразующую функцию. Метафорическим текстом, или текстом-метафорой, следует считать РМ, у которой совпали границы с текстом. Чем выше степень развернутости метафорического контекста, тем более вероятно в нем пересечение различных семантических моделей неологического метафорообразования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ревуцкий, О. И.* Филологический анализ художественного текста : учеб. пособие / О. И. Ревуцкий. – Минск : РИВШ, 2006. – 320 с.
2. *Канюшкевіч, М. І.* Выбраныя працы: мова. Граматыка адносін / М. І. Канюшкевіч. – Мінск : Аверсэв, 2019. – 319 с.
3. *Мечковская, Н. Б.* История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета : курс лекций по общему языкознанию / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта, 2016. – 584 с.

4. *Карпова, Н. С.* Роль метафоры в развитии лексико-семантической системы языка и языковой картины мира: на материале английских и русских неологизмов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. С. Карпова. – Саратов, 2007. – 248 л.
5. *Коротенко, Л. В.* Индивидуально-авторская метафора и контекст (на материале произведений В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой) / Л. В. Коротенко // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2009. – № 2. – С. 54–60.
6. *Лагута, О. Н.* Метафорология: теоретические аспекты : в 2 ч. / О. Н. Лагута. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. – Ч. 1. – 114 с.
7. *Рыкова, О. А.* Метафора-текст как способ представления манипулятивной функции текста (на материале немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. А. Рыкова. – Курск, 2003. – 163 л.
8. *Илюхина, Н. А.* От тексто-дискурсивной концепции метафорики [рец. на кн. Кураш, С. Б. Метафорика русской и белорусской поэзии: тексто-дискурсивный аспект / С. Б. Кураш. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2020. – 322 с.] / Н. А. Илюхина // Весн. МГПУ ім. І. П. Шамякіна. – 2020. – № 1 (55). – С. 171–172.
9. *Блэк, М.* Метафора / М. Блэк // Теория метафоры : сб. // под общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – М., 1990. – С. 153–172.
10. *Кураш, С. Б.* Метафора и ее пределы: микроконтекст – текст – интертекст / С. Б. Кураш. – Мозырь : МГПИ им. Н. К. Крупской, 2001. – 121 с.
11. *Кураш, С. Б.* Метафорика русской и белорусской поэзии: тексто-дискурсивный аспект / С. Б. Кураш. – Мозырь : МГПУ, 2020. – 322 с.
12. *Левин, Ю. И.* Структура русской метафоры / Ю. И. Левин // Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Тр. по знаковым системам. – Тарту, 1965. – Т. 2, вып. 181. – С. 293–299.
13. *Ольховиков, Д. Б.* Лингвистическая характеристика и функции метафоричности текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Д. Б. Ольховиков ; Воен. ин-т. – М., 1988. – 21 с.
14. *Новикова, М. Л.* Метафора и текст / М. Л. Новикова // Русская речь. – 1982. – № 4. – С. 25–31.
15. *Маслова, В. А.* Филологический анализ художественного текста / В. А. Маслова. – Минск : Універсітэцкае, 2000. – 167 с.

This article focuses on different types of minimal and extended metaphors using the example of neo-metaphors, thematically ascending to the field of electronic communications. The paper also points out some methods of building extended metaphorical constructions of different types on the basis of genitival, predicative and attributive metaphorical phrases. The latter can perform a text-forming function. Metaphoric texts based on the revision of concepts from the sphere of electronic communications most often refer to “network poetry”, “pop industry”, the language of mass media and colloquial speech. Most often they are associated with a language game and the implementation of a humorous effect.

Поступила в редакцию 15.10.2020

РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ КАТЭГОРЫІ ПРАСПЕКЦЫІ Ё МАСТАЦКІМ ТЭКСЦЕ

У артыкуле на матэрыяле твораў В. Іпатавай і Л. Рублеўскай разглядаецца праспекцыя як форма дыскантынуума мастацкага твора. Аналізуецца моўная рэпрэзентацыя праспекцыі на розных сінтаксічных узроўнях. Актualізацыя часавага напрамку ў будучае на ўзроўні лексемы адбываецца з наяўнасцю прыслоўяў часу, формамі часу дзеяслова; на ўзроўні сказа – у незалежных канструкцыях з контрафактыўным значэннем, у розных тыпах складаных сказаў, у далучальных канструкцыях; у межах звышфразавога адзінства – сінсемантычнымі сказамі, у канструкцыях з імпліцытнай семантыкай, у рэдукаваных канструкцыях, ініцыюецца дэлібератыўнымі пытаннямі, з дапамогай фактару матывацыі. Вызначаецца спецыфіка і механізмы іх функцыянавання ў мастацкіх тэкстах пісьменнікаў. Выяўляюцца значэнні актуалізацыі катэгорыі – меркавання, прадбачання, разважання.

Вывучэнне праспекцыі як формы дыскантынуума адносіцца да аднаго з актуальных напрамкаў у сучаснай лінгвістыцы. Парушэнне часовай паслядоўнасці, часавыя зрухі з'яўляюцца неад'емнай асаблівасцю мастацкай прасторы, што цесна звязана з мнагапланавасцю сюжэта. Дыскантынуум на часовай плоскасці апавядання – гэта не толькі праява рэтраспектыўная. Лінейная паслядоўнасць падзей можа быць перапынена праспектыўным часавым планам. Н. У. Брускова [1, с. 40] вызначае праспекцыю, як «такую паслядоўнасць падзей, калі адрэзак тэксту, які папярэднічае, адсылае да падзей, якія мелі або будуць мець месца пасля падзей, апісаных ў наступным адрэзку». У гэтай сувязі трэба адзначыць, што дадзеная катэгорыя выключна тэкставая, паколькі актуалізуецца не толькі пры дапамозе моўных сродкаў, але і цесна звязана з наступным кантэкстам, які пацвярджае праспектыўнасць раней прадстаўленай інфармацыі.

На сучасным этапе пытанне вызначэння сродкаў выражэння катэгорыі праспекцыі адлюстравана ў даследаваннях наступных лінгвістаў і даследчыкаў: Ю. В. Багаяўленскай [2] (на матэрыяле газетных артыкулаў), Ю. М. Глушковай (у нарматыве навелы) [3], Н. Г. Смірновай [4] (у гістарычным дыскурсе), І. М. Кузьміной [5], Н. У. Брусковай [1] (на матэрыяле нямецкай мастацкай прозы), Я. А. Чыгоўскай-Назаравай [6] (у навуковых тэкстах). У сваіх працах навукоўцы абапіраліся на розныя лексічныя, граматычныя і сінтаксічныя параметры. Так, на матэрыяле англійскай, нямецкай, рускай моў вызначаюцца экспліцытныя маркеры катэгорыі – формы ўмоўнага ладу, розныя часавыя формы дзеяслова, лексічныя адзінкі часу, антрапонімы [1; 4; 5]. На сінтаксічным узроўні – парцэляцыя [2]. Да імпліцытных сродкаў дыскантынуума адносяцца паўтор, антрапонімы, загалоўак тэксту, стылістычныя адзінкі [1; 3].

Нягледзячы на значную колькасць прац, да сённяшняга часу не выпрацавана адзінай класіфікацыі маркераў рэпрэзентацыі катэгорыі праспекцыі на розных сінтаксічных узроўнях. Актуальнасць вывучэння дадзенай з'явы абумоўлена адсутнасцю даследавання катэгорыі праспекцыі ў беларускім мовазнаўстве, а таксама неабходнасцю выявіць тыпы і віды праспектыўных тэкстасструктур.

Мэта даследавання ў артыкуле – выявіць моўныя сродкі і спосабы рэпрэзентацыі праспекцыі ў мастацкім тэксе.

Тэкставая катэгорыя праспекцыі не робіць істотнага ўплыву падчас пабудовы сюжэта і кампазіцыі мастацкага твора. Гэта, у першую чаргу, звязана з тым, што сам прыём не часта ўжываецца, і сукупнасць усіх праспектыўных падзей не можа ўтвараць тэкст у сваім часе і прасторы. З іншага боку, праспекцыя, якая ўтварае самастойны закончаны тэкст, гэта даволі рэдкая з’ява.

Праспектыўны напрамак ажыццяўляецца на аснове значэнняў, якія ўзнікаюць пры актуалізацыі прасторы будучага, у залежнасці ад лексіка-семантычнай складаючай мастацкага тэксту – меркавання, прадбачання, разважання, няздзейснай магчымасці, умовы, мэты, намеру, жадання, прычыны, выніку. Ступень выяўленасці праспектыўнай тэкстаструктуры залежыць ад узаемадзеяння граматычных і лексічных сродкаў выражэння часавых адносін, сінтаксічнай і кантэкставай абумоўленасці ўжывання часавых форм дзеяслова. Дадзеная катэгорыя функцыянуе на ўзроўні лексем, сказа, звышфразавога адзінства (ЗФА).

Тэкставая катэгорыя праспекцыі праяўляецца на аснове рэпрэзентатыўных адносін з рознымі значэннямі сцвярджальнага, апавядальнага характару. Значэнне *меркавання*, якое ўзнікае ў чытача пры пераходзе ў прастору будучага, цесна звязана з няўпэўненасцю, інтуіцыяй. Розныя лексіка-граматычныя сродкі рэалізуюць дадзенае значэнне на ўзроўні семантыка-сінтаксічных тэкставых адзінак – лексем, сказаў, звышфразавых адзінстваў.

Праспектыўная прастора актуалізуецца з дапамогай канструкцый у саставе **прыслоўяў часу *некалі, калісьці* + буд. час: *Некалі гэтак жа, можа, будуць гаварыць пра мае кар’іны, калі яны ацалеюць, і гэтак жа спачувальна адстаўляць іх убок*** (Л. Рублеўская, с. 12¹); – *Гэта не зручальны прасцёнак... – горка сказаў хлопец. – Але, можа быць, яго калі-небудзь будзе насіць мой нашчадак* (Л. Рублеўская, с. 79). Як паказваюць прыклады, праспектыўнасць тэкстаструктуры можа падмацоўвацца дадатковымі лексіка-граматычнымі адзінкамі.

Значэнне меркавання можа рэалізоўвацца ў ЗФА з **умоўным ладам**. Праспектыўны напрамак маркіруецца незалежнымі канструкцыямі з контрафактыўным значэннем з дапамогай фарманта *б*: *Магдаліна прагаварыла: – А калі я адмоўлюся... (ад спадчыны) Мне можна будзе застацца ў інстытуце? – Ну, баюся, нічога выправіць нельга... У любым іншым інстытуце абышлося б. А тут...* (Л. Рублеўская, с. 72).

У мастацкім тэксце праспектыўны план назіраецца ў структуры **розных тыпаў складаназалежных сказаў**. Напрамак у часавую прастору будучага вызначаецца ў даданай **атрыбутыўнай частцы**: *Не ў сямейным ішчасці ўяўляўся лёс. <...> І таму хітрыкі сватоў здаваліся пасткай, у якую хочуць яе завабіць* (В. Іпатава, с. 27); у даданай **аб’ектнай**: *Магдаліна чапурыста села на лаўку, ад усяе душы спадзеючыся, што міма не пройдзе ніхто*

¹ Старонкі тут і далей падаюцца згодна з выданнямі Л. Рублеўскай [7] і В. Іпатавай [8].

са знаёмых (Л. Рублеўская, с. 106); *Не думала яна цяпер і пра тое, што пані Беата адпомсціць ёй за ганьбу Збароўскага* (В. Іпатава, с. 102); *даданай суб'ектнай: Не хацела нялюбага? Баялася, што знікне свабода, у якой жыла цяпер? Яна і сама не ведала* (В. Іпатава, с. 17). Як бачым, у дадзеных прыкладах, рэалізацыя праспекцыі адбываецца ў залежнай частцы складана-залежнага сказа.

Аднак ёсць выпадкі, калі зрух у часе ажыццяўляецца зместам галоўнай часткі складанага сказа з даданымі ўмоўнымі. Іншы раз у такіх адзінках назіраецца **кампрэсія**. Так, у наступным прыкладзе адсутнічае злучнік, што надае адценне выніковасці, і суб'ект у галоўнай частцы, анафарыстычнае неўжыванне якога кампенсуецца сродкамі з кантэксту: – *Малады, а разважае як! Пра народ наш, пра лёс Княства. Гібне яно, паны рада толькі пра маёмасць і ўласную славу дбаюць, не думваючы, што далей будзе. Але калі такія ў нас хлопцы растуць – мо не згінем!* (В. Іпатава, с. 91).

У творах В. Іпатавай і Л. Рублеўскай [8; 7] змена часавага плана актуалізуецца ў структуры **складаназалежных сказаў ускладненай будовы**. Праспектыўны зрух можа ажыццяўляцца ў адной ці ў некалькіх даданых частках. У залежнасці ад тыпу адносін паміж галоўнай і даданай праспектыўнай часткамі часавы напрамак у будучае назіраецца ў сказах з рознымі відамі падпарадкавання. Так, у тэкстаструктурах з сузалежным неаднародным падпарадкаваннем праспектыўная прастора актуалізуецца ў даданых частках з рознымі семантыка-сінтаксічнымі адносінамі, напрыклад, аб'ектнымі-атрыбутыўнымі: *Еўка сядзела насупраць, і радаснае нецярпенне ў душы змешвалася з неспакоем. Яна не думала аб тым, чым жа гэта скончыцца, чула толькі маладую радасць жыцця, шчымлівасць, надзею, што нешта зменіцца ў суровым яе жыцці, падначаленым капрызлівай і злапомнай пані Беаце* (В. Іпатава, с. 83). Пры паслядоўным падпарадкаванні часавы зрух актуалізуецца ў адной з даданых частак: – *Вы ўпэўненыя, што Сапегі – тыя людзі, за якіх варта памераць?* (Л. Рублеўская, с. 121). У дадзеным выпадку праспектыўны зрух эксплікаваны ў даданай праспектыўнай атрыбутыўнай частцы.

Часавы план змяняецца ў структуры **складаназлучаных сказаў**. У прыкладзе *Час разыходзіцца, а то прымуць за дамушнікаў* (Л. Рублеўская, с. 112) праспектыўнае перамяшчэнне ажыццяўляецца ў адной з частак на аснове супастаўлення з выніковымі адносінамі.

Перамяшчэнне падзей на часавай шкале маркіруецца ў **камбінаваных сказах** згрупаванай структуры з рознымі разнавіднасцямі сінтаксічных сувязяў. Так, намі вызначаны складаныя сказы са злучнікавай і падпарадкавальнай сувяззю паміж прэдыкатыўнымі часткамі, дзе праспектыўны напрамак назіраецца ў даданых аб'ектных з сузалежным аднародным падпарадкаваннем унутры блока: *Яна верыла, што сустрэліся яны недарэмна, і сэрца захлыналася ад светлай, якая бывае толькі ў маладосці, веры, што наперадзе чакае лепшае, што шчасце не абміне...* (В. Іпатава, с. 93).

Цікавым для даследавання з'яўляецца рэпрэзентацыя праспектыўнай прасторы ў структуры **далучальных канструкцый**. Такія адзінкі суадносны са сказам, прадстаўлены двухзвеннай структурай і характарызуюцца бяззлучнікавай сувяззю: – *А ад спадчыны адмоўся. У будучым будзе лягчэй. Цябе перастаюць звязваць з гэтай небяспечнай асобай* (Л. Рублеўская, с. 70).

Сінсемантычныя адзінкі далучаемай часткі, якія выражаны формамі будучага часу, на аснове прычынна-выніковых адносін раскрываюць сэнс аўтасемантычнага кампанента базавай часткі.

На ўзроўні звышфразавога адзінства праспектыўны напрамак апавядання ажыццяўляецца з дапамогай **фактару матывацыі**, які толькі падводзіць да змены ў часе. Сам зрух актуалізуецца формамі будучага часу. У кантэксце *Не ў сямейным ішчасці ўяўляўся лёс. Яе павінна было чакаць наперадзе нешта асаблівае, вялікае* (В. Іпатава, с. 27) фактар матывацыі прадстаўлены дзеясловам разумовай дзейнасці *ўяўляць*, а праспектыўны напрамак выражаны пераносным ужываннем прошлага часу ў значэнні будучага на аснове значэння супрацьпастаўлення.

Праспектыўнае значэнне прадбачання ўзнікае на аснове меркавання, бачання загадзя таго, што павінна адбыцца па верагодных фактах, выніках сюжэту. Лексіка-семантычная напаўняльнасць кантэксту і лексем імпліцытна праяўляе вызначаную канатацыю. Значную ролю ў выражэнні дадзенага значэння іншы раз ажыццяўляе інтанацыйны характар выказвання – ужыванне выклічніка, што надае большую катэгарычнасць канатацыі.

Зрух у часовай паслядоўнасці падзей мастацкага твора ажыццяўляецца рознымі формамі **часу дзеяслова**. Так, праспектыўная прастора актуалізуецца пры дапамозе лексемы *можжа* ў складзе складанага выказніка: *І гэта можжа быць знішчана!* (Л. Рублеўская, с. 47). Як бачым з прыкладу, прэдыкатыў, выражаны дзеепрыметнікам прошлага часу залежнага стану ў сукупнасці са звязкай *можжа*, атрымлівае значэнне магчымасці ажыццяўлення падзеі ў будучым.

Беларускі мастацкі твор характарызуецца вялікай колькасцю ўжывання сказаў умоўнага ладу, што абумоўлена характарам твора, які асноўваецца на разважанні, меркаванні, марах, прадбачанні герояў сюжэта: – *Ну што ж ты? Працягвай! – капрызна загадала Гальшка. – Я не засну. О, якія невыносныя гэтыя кавалеры! Князь Змітрок быў і прыгажэйшым, і спрытнейшым. Вось ён бы і кахаў так, як тут напісана!* (В. Іпатава, с. 103). Як бачна з прыкладу, пераход ў прастору будучага назіраецца ў сказе ўмоўнага ладу са значэннем жадання пры дапамозе фарманта *бы + будучы час*.

Праспектыўная прастора мастацкага твора на аснове значэння прадбачання ажыццяўляецца ў структуры **складаназалежных сказаў розных відаў**. Так, часавы зрух апавядання назіраецца ў **даданай меры і ступені**: *І прасядзеў з Магдай да поўначы, вытлумачыўшы ўвесь курс так цікава і проста, што Магдзе нічога не заставалася, акрамя як атрымаць назаўтра «выдатна»* (Л. Рублеўская, с. 105); у **даданай аб'ектнай**: – *Гэта ўсё азначае, што вы ад мяне не адчэпіцеся, – задумліва, але без варожасці*

прагаварыла Магдаліна (Л. Рублеўская, с. 97). Пры гэтым трэба адзначыць наяўнасць дадатковых сродкаў часу, адсутнасць якіх не перашкаджае пераходу да прасторы будучага.

Праспектыўны напрамак можа праяўляцца ў галоўнай частцы складана-залежнага сказа з часавым супрацьпастаўленнем з даданай: – *Адвага альбо мёд п'ець, альбо кайданы трэць. Ой, чую пагоню. **Не згодзяцца паны, што нявеста не ім дасталася*** (В. Іпатава, с. 97).

Творы В. Іпатавай і Л. Рублеўскай характарызуюцца праспектыўным планам, які актуалізуецца ў структуры **камбінаваных сказаў**. Неадпаведнасць мастацкаму часу ажыццяўляецца ў сказах згрупаванай структуры ў даданай прэдыкатыўнай частцы: *Яна ведала, што Раман – у поўнай уладзе бацькі, але пачуццё туманіла голаў, і **думкі пра тое, чым усё абярнецца, яна адганяла*** (В. Іпатава, с. 26).

Праспекцыя апавядання ажыццяўляецца ў межах ЗФА. У наступным фрагменце *Ці ж гэта яна марыла атрымаць ад жыцця? Павісла на тоненькім валаску паміж небам і зямлёй. **Варта зварухнуцца – і абарвецца валасок. І тады грэшніца грымнецца ў самае пекла. А пекла – гэта яхідная ўсмешка** дзядзькі Барыса, **люты твар** бацькі, кпіны і дакоры за плячыма і, **нарэшце, скрываўленая Раманава спіна*** (В. Іпатава, с. 26) сінсемантычныя кампаненты, праспектыўна звязаныя паміж сабой, раскрываюць сэнс аўтасемантычнага сказа з адносінамі супрацьпастаўлення. У дадзеным выпадку назіраецца ланцужковая міжфразаваая сувязь праз лексічную непаўнату, паўтор лексемы, аднародныя, выражаныя формамі будучага часу, выказнікі.

Арыентацыя ў праспектыўны план вызначаецца на ўзроўні ЗФА **сінсемантычнымі сказамі, аб'яднанымі паралельнай сувяззю**. Сродкам перадачы праспектыўнага напрамку выступаюць формы будучага часу: – *...Ды яшчэ мова – нераспрацаваная, з русізмамі. Я не думаю, **што тыя вершы будзе перапісваць у шытак дзяўчынкі, каб перачытваць і плакаць над імі. Наўрад юнак стане вучыць іх на памяць і ў яго будуць палаць шчокі і шчымець сэрца ад прагі жыцця і подзвігу. Не працывіць іх філосаф у роздуме пра жыццё і смерць*** (Л. Рублеўская, с. 111).

Выяўлены факты, калі пераход у прастору будучага ажыццяўляецца на ўзроўні **рэдукаваных канструкцый**: *Асабліва калі спадзяешся пражыць з гэтым мужчынам доўга-доўга, да канца зямнога жыцця – і сустрэцца ў нябесным. Ды калі яшчэ маеш справу з выбітным талентам. **Ох, нялёгка мне з ім давядзецца...** Так што Нюта мела рацыю. Якое там нармальнае жыццё...* (Л. Рублеўская, с. 61). З прыкладу бачна, дыферэнцаваная рэдукцыя з прычынна-выніковымі адносінамі ажыццяўляецца на аснове выключна сэнсавага ўзаемадзеяння пры бяззлучнікавай сувязі. Аднаўленне семантыкі часткі складанага выказніка ажыццяўляецца пры дапамозе кампанентаў як у прэпазіцыі, так і ў постпазіцыі.

У наступным прыкладзе на ўзроўні звышфразавага адзінства дыферэнцыяцыя сэнсу адсутных даданых членаў ажыццяўляецца з кантэксту з дапамогай прэпазіцыйна выражаных дыстантна размешчаных сродкаў:

– *Вось прозвішча таго, хто верагодна, забраў архіў Сахнут-Бічэўскага: Ілья Яфрэмавіч Ялецкі.*

Магдаліна схаладнела.

– *Гэта ж дзед Марка!*

Кастусь змрочна завязаў тасёмкі на папачцы.

– *Прабачце... Гісторыя цесна сплятае ніці чалавечых лёсаў... Марк, я ўпэўнены, нічога не ведае пра дзедавы запасы. Думаю, ён дапаможа...* (Л. Рублеўская, с. 107). Як бачым, праспектыўнасць рэдукаваных канструкцый экспліцытна выражана граматычным маркерам часу часткі прэдыкатыва.

Вельмі часта ў мастацкай прасторы праспектыўны напрамак актуалізуюць рэдукаваныя канструкцыі з дапамогай форм будучага часу на аснове адносін супастаўлення. Дыферэнцыяцыя сэнсу актуалізуецца спосабам супастаўлення фактаў рэальнага і патэнцыяльнага на ўзроўні звышфразывага адзінства: – *Я так і ведаў, што мне не давядзецца перапісваць сваю «Князеўну» ў зялёных колерах. Хаця, магчыма, і варта было б...* (Л. Рублеўская, с. 61).

Тэкставая катэгорыя праспекцыі ажыццяўляецца ў беларускім мастацкім тэксце на аснове лексіка-семантычных адносін разважання. Такое значэнне звязана з думкамі, меркаваннямі, вывадамі, якія з’явіліся ў выніку роздуму над чым-небудзь.

Пашыраны ў творах мастацкай літаратуры звышфразавыя адзінствы, праспектыўнасць якіх ініцыюецца **дэлібератыўнымі пытаннямі**. Такія сказы кваліфікуюцца як унутранае запытанне да самаго сябе, з аднаго боку, з мэтай уласнага атрымання адказу: *Але, напраўдзе, што, калі дазнаецца князь Барыс пра ейнае падарожжа? Давядзецца апраўдвацца: хацела, маўляў, паглядзець, як смерды Купалле спраўляюць* (В. Іпатава, с. 19). *Але ці паверыць мудры дзядзька? Гляне пранікліва, і здасца, што вочы кудысьці ў самую глыбіню душы зазірнулі* (В. Іпатава, с. 19); з другога – адказ на якія персанаж не ведае і канатацыйна звязаны с меркаваннем, сумненнем, няўпэўненасцю: *І бачыўся ёй мёртвы Марцін – разбітая ўдарам галава, кроў, што густа хлынула на яго твар, змяніўшы яго да непазнавальнасці... Хто пахавае яго? Хто запомніць яго магілу?* (В. Іпатава, с. 102); – *Табе б, мая кветачка, паспаць лепей. Куды і як заўтра паскачаце? Невядома, куды ён пацягне цябе, маладзенчык гэткі! – загаварыла Баркулабіха* (В. Іпатава, с. 90). Як бачым, дэлібератыўныя пытална-адказныя комплексы з’яўляюцца разважальнымі па сваім значэнні, што прадвызначае адносіны меркавання для пераходу ў часавую прастору, адрозную ад моманту гутаркі ў сюжэце.

Цікавым для даследавання з’яўляецца актуалізацыя праспекцыі на сінтаксічным узроўні з дапамогай канструкцый з імпліцытнай семантыкай. Так, у наступных прыкладах (1) *Можна, раздобраная суседка і Карла Карлавіча прытуліць? Але кабета грэбліва скрывілася ў бок крумкача: – Цьфу... Сіла нячыстая... напалохала... І вось жыве ж такая поскудзь і чалавека перажыве!* (Л. Рублеўская, с. 74); (2) – *Вы ўпэўненыя, што Сапегі – тыя*

людзі, за якіх варта паміраць? Гаспадар уздрыгнуў, нібыта пытанне выцяла яго, адказаў, як пераконваючы сам сябе. – Яны абараняюць Літву ад Кароны (Л. Рублеўская, с. 121) у выніку логіка-семантычных адносін паміж кампанентамі звышфразавога адзінства канструкцыя набывае імпліцытную семантыку адмоўя ‘не, не прытуліць’ (1) і згоды ‘да, варта паміраць’ (2) з тым жа праспектыўным напрамкам.

Такім чынам, катэгорыя *праспекцыя* рэалізуецца на аснове лексіка-семантычных адносін – меркавання, разважання, прадбачання – на ўзроўні лексемы, сказа, звышфразавога адзінства. Аналіз функцыянавання праспекцыі ў тэксе беларускага мастацкага твора дазволіў вызначыць наступныя спосабы і сродкі яе выражэння. Актualізацыя часовага напрамку ў будучае ажыццяўляецца ў канструкцыі з прыслоўем часу + буд. час; граматычна катэгорыя рэпрэзентавана формамі часу дзеяслова. На сінтаксічным узроўні праспектыўная прастора назіраецца ў незалежных канструкцыях з контрафактыўным значэннем, у структуры розных тыпаў складаназалежных сказаў з праспектыўнай галоўнай або даданай часткай, у структуры складаназлучаных, камбінаваных сказаў згрупаванай структуры з рознымі разнавіднасцямі сінтаксічных сувязяў, у далучальных канструкцыях. У межах звышфразавога адзінства праспекцыя ажыццяўляецца з дапамогай сінсемантычных сказаў, фактару матывацыі, дэлібератыўных пытанняў, у канструкцыях з імпліцытнай семантыкай, рэдукаваных канструкцыях.

ЛІТАРАТУРА

1. Брускова, Н. В. Особенности категории проспекции / Н. В. Брускова // Высказывание и текст. Семантические аспекты : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания, Моск. гос. ин-т междунар. отношений ; редкол.: Е. М. Вольф, Т. З. Черданцева (отв. ред.) [и др.]. – М., 1987. – С. 40–49.
2. Богоявленская, Ю. В. Ретроспективная и проспективная парцелляция в СМИ / Ю. В. Богоявленская // Полит. лингвистика. – 2017. – № 2. – С. 88–93.
3. Глушкова, Ю. Н. Категория проспекции и ее нарушение в нарративе новеллы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. Н. Глушкова ; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 2002. – 22 с.
4. Смирнова, Н. Г. Реализация категорий ретроспекции и проспекции в тексте «курса русской истории» В. О. Ключевского / Н. Г. Смирнова // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2015. – № 9-1. – С. 163–167.
5. Кузьмина, И. Н. Временной дисконтинуум в тексте (на материале немецкой художественной прозы) / И. Н. Кузьмина // Вестн. Новгор. гос. ун-та. – 2008. – № 49. – С. 70–74.
6. Чиговская-Назарова, Я. А. Textoобразующие категории проспекции и ретроспекции в научном тексте (сравнительно с художественным) / Я. А. Чиговская-Назарова // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. – 2009. – № 6. – С. 31–34.

7. Рублеўская, Л. Сэрца мармуровага анела : аповесці, раман / Л. Рублеўская. – Мінск : Мастац. літ., 2012. – 350 с.
8. Інатава, В. Прадыслава : аповесці і апавяданні : для сярэд. і шк. узросту / В. Інатава. – Мінск : Беларусь, 1997. – 272 с.

The article investigates the question of determining the ways of language marking of prospection in the Belarusian literary text. The meanings of discontinuum actualization based on the lexical-semantic component of the text are presented. Lexical and grammatical markers of transition to the time space of the future are identified and systematized. The findings of the research determine the functions of the category of prospection at the level of a word, a sentence, a super-phrasal unity.

Поступила в редакцию 20.11.2020

В. В. Тур

**МИКРО- И МАКРОВАРИАТИВНОСТЬ
ТОЛКОВАНИЙ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА
(на примере лексикографического описания
английских наименований артефактов)**

Обсуждаются теоретические следствия принципа когнитивной лингвистики, согласно которому семантика языковых единиц не может рассматриваться исключительно в качестве набора признаков объекта концептуализации, но с необходимостью предполагает включение в модель описания и ее субъекта. Анализируется понятие интерпретации (*construal*) применительно к семантике лексических единиц. На материале словарных определений наименований артефактов в английском языке исследуется феномен селекции как одного из параметров интерпретации. На основании сопоставления разных словарей делается вывод о существовании двух уровней вариативности толковых дефиниций: в соответствии со степенью обнаруживаемых различий они могут быть охарактеризованы как случаи микро- и макровариативности, разница между которыми заключается в том, что макровариативность может приводить к нетождественным результатам членения смыслов в словарях.

Фундаментальным принципом когнитивной лингвистики является трактовка значения языковых единиц как когнитивного феномена, а не объективной сущности, существующей независимо от носителя языка и напрямую связывающей язык и окружающую действительность (подробную критику объективного подхода к значению, сводящего последнее к логическому условию истинности см. в [1]). Когнитивный подход к семантике языковых единиц предполагает, что значение не может рассматриваться исключительно в качестве набора признаков *объекта* концептуализации, но с необходимостью предполагает включение в модель описания и ее *субъекта* [2]. Роль субъекта концептуализации заключается в выборе «способов видения» объекта, объединяемых общим понятием *интерпретации* (*construal*) – «отношение между говорящим (слушающим) и той ситуацией, которую он концептуализирует» [3, р. 487–488].

Тот очевидный факт, что один и тот же объект/явление действительности может быть рассмотрен с разных точек зрения (ср. известный пример из работы Г. Фреге, в котором отмечается, что планета Венера может быть обозначена двумя разными по смыслу языковыми знаками – *утренняя звезда* vs *вечерняя звезда* [4]) поднимает важный лингвистический вопрос о реализуемых в языке разных способах интерпретации воспринимаемых явлений действительности и тех языковых средствах, которые обеспечивают вариативность и многообразие интерпретаций одного и то же референта.

Не будет большим упрощением сказать, что одна из основных задач когнитивной лингвистики во многом сводится к поиску существующих параметров интерпретации (*construal phenomena*), обуславливающих вариативность способов языковой концептуализации. Результатом поисков в этом направлении стали многочисленные классификации выявленных параметров в работах многих когнитивистов. Так, Р. Лангакер выделяет три параметра интерпретации (затем названные параметрами фокальной настройки (*focal adjustment*)):

1) селекция (*selection*) – способность избирательно подходить к разным элементам концептуализации, профилируя одни и игнорируя другие;

2) перспектива (*perspective*) – языковое выражение положения, из которой рассматривается ситуация (профиль/база, точка наблюдения (*viewpoint*), дейксис, объективность/субъективность);

3) абстракция (*abstraction*) – способность образовывать языковые категории, фиксируя сходства и различия между концептами [3].

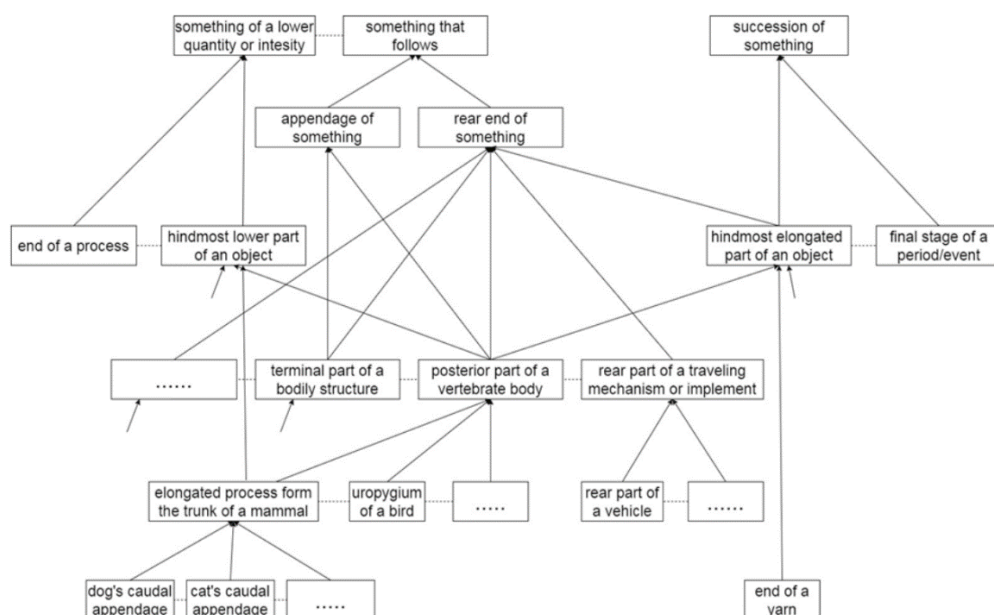
Классификации в других работах отличаются названиями и количеством называемых параметров; при этом, однако, суть выделяемых параметров во многом совпадает. Так, классификация Л. Талми включает четыре параметра: 1) схематизация (*schematization*); 2) перспектива (*perspective*); 3) распределение внимания (*distribution of attention*); 4) динамика сил (*force dynamics*) [5].

Четыре параметра называются и в работе У. Крофта и А. Круза: 1) внимание/салиентность (*attention/salience*); 2) сравнение (*judgement/comparison*); 3) перспектива (*perspective/situatedness*); 4) гештальт (*constitution/gestalt*) [6].

Если перспектива (остановимся здесь на классификации Р. Лангакера) оказывается наиболее значимым параметром интерпретации для построения целостного высказывания, то *абстракция* и *селекция* играют важную роль и при интерпретации значения отдельных лексических единиц.

А б с т р а к ц и я как параметр интерпретации значения проявляется при определении уровня схематизации смысла – многоуровневая структура значения слова обуславливает неоднозначность его семантики: «то, что представляется разными значениями с одной стороны, оказывается примерами вариативности одного значения с другой» [7, р. 99]. Задача семантического описания многозначного слова, таким образом, состоит не в выборе единственного уровня абстракции, на котором могут быть описаны его значения, а в определении границ вариативности тех уровней, на которых эти значения закреплены в языке и могут быть выбраны субъектом концептуализации

[8; 9]. Данная особенность семантики слова была продемонстрирована нами ранее на примере лексикографического описания значения английского слова *tail* 'хвост' (рисунок).

Уровни схематизации значений в семантике английского слова *tail* [10]

Следующим параметром интерпретации, на котором и будет сосредоточено наше внимание в данной статье, является *селекция*. Как было сказано выше, *селекция* как параметр интерпретации играет важнейшую роль при конструировании значения отдельных лексических единиц. Поиск необходимых и достаточных признаков при определении «объективных» границ лексического значения, имевший место в эпоху структурализма, уступил место в рамках когнитивной парадигмы признанию неопределенности, диффузности смыслового содержания, границы которого подвижны и зависят от выбора субъектом той или иной модели концептуализации.

В работе У. Крофта и А. Круза разграничиваются понятия семантического потенциала (*purport*) – концептуальное содержание, ассоциирующееся с языковым знаком, – и собственно лексического значения, которое, согласно концепции, является *интерпретацией* семантического потенциала. В то время, как концептуальное содержание многомерно, полимодально и диффузно, то его интерпретация (то есть собственно конструирование лексического значения) представляет собой операцию, состоящую из 1) референтного соотношения, 2) образования внутренней структуры и 3) атомизации (установления внешних границ). Иными словами, конструирование лексического значения происходит в процессе *интерпретации* семантического потенциала слова, а интерпретация, в свою очередь, включает *селекцию*, т.е. **выбор признаков** для формирования внутренней структуры значения [6].

Согласно представленной точке зрения лексикографические дефиниции, задача которых состоит в селекции признаков для описания наиболее закреплённых в языковом коллективе примеров интерпретации семантического потенциала слова, представляют собой живые образцы конструирования структуры лексического значения. Сказанное обусловило выбор словарных дефиниций в качестве объекта описываемого исследования, цель которого состоит в раскрытии типов несоответствий в толковании лексических единиц в разных словарях при совпадении их референтной соотнесенности.

Материалом послужили словарные определения наименований одежды, оружия и кулинарных изделий в английском языке на материале пяти онлайн-словарей: Cambridge English Dictionary (CED), Merriam-Webster Dictionary (MWD), Collins English Dictionary (COBUILD), Oxford learner's dictionaries (OLD), Dictionary.com (DC).

В результате исследования нами были выявлены два уровня вариативности, которые в соответствии со степенью обнаруживаемых различий могут быть охарактеризованы как случаи *микро-* и *макровариативности*. Микровариативность в результате селекции признаков при интерпретации значения проявляется на уровне:

1) взаимозаменяемости имплицитующих друг друга признаков, например:

- *Steak* 'стейк' – *cut from a fleshy part of a beef carcass* 'вырезается из мясной части говяжьей туши' (здесь и далее перевод наш. – В. Т.) (Merriam-Webster Dictionary) ↔ *without much fat on it* 'без большого количества жира' (COBUILD) ↔ *good quality* 'высокого качества' (Oxford Learners' Dictionary);

- *Bow* 'лук' – *consisting of piece of wood or metal* 'состоит из деревянного или металлического элемента' (OLD) ↔ *made of a strip of flexible material (such as wood)* 'изготовлен из гибкого материала (например, дерева)' (MWD);

- *Pullover* 'пуловер' – *piece of clothing made of wool or cotton* 'вид одежды, изготавливаемый из шерсти или хлопка' (OLD) ↔ *piece of clothing that is usually made of a warm material such as wool* 'вид одежды, обычно изготавливаемый из теплых материалов (например, шерсть)' (CED);

2) несовпадения объема информации в рамках тождественных признаков, например:

- *Nunchuk* 'нунчаки' – *consisting of two sticks linked loosely with a chain or fine rope* 'состоят из двух стержней, соединенных короткой цепочкой или тонким шнуром' (COBUILD) vs *consisting of two foot-long hardwood sticks joined by a chain or thick cord that stretches to body width* 'состоят из двух стержней длиной фут, из твердых пород дерева, соединенных цепочкой или толстым подвесом, растягивающимся на ширину тела' (Dictionary.com);

- *Rifle* 'ружье' – *with a rifled bore* 'с нарезной частью канала ствола' (MWD) ≈ *with spiral grooves cut in the inner surface of the gun barrel* 'со спиралевидной нарезкой на внутренней поверхности ствола' (DC);

• *Dress* ‘платье’ – *covers the body and part or all of the legs* ‘покрывает тело и часть или всю длину ног’ (COBUILD) $\approx$ *covers the top half of the body and hangs down over the legs* ‘покрывает верхнюю часть тела и свободно ниспадает вдоль ног’ (CED).

3) несовпадения введенных в структуру дефиниции дифференциальных признаков, например:

• *Rifle* ‘ружье’ – *a gun with a long barrel* ‘огнестрельное оружие с длинным стволом’ (COBUILD) $\neq$ *weapon with a rifled bore* ‘оружие с рифленным стволовым каналом’ (Merriam-Webster Dictionary);

• *Shoe* ‘туфля’ – *having a thick or stiff sole... and an upper part of lighter material (such as leather)* ‘состоит из толстой или твердой подошвы и верхней части из более легкого материала (например, кожи)’ (MWD) $\neq$ *usually made of a strong material such as leather* ‘обычно из прочного материала, например, кожи’ (CED);

• *Tunic* ‘туника’ – *loose + covers the top part of your body* ‘свободная + укрывает верхнюю часть тела’ (CED) $\neq$ *sleeveless + worn on the top part of your body* ‘без рукавов + укрывает верхнюю часть тела’ (COBUILD) $\neq$ *hip-length or longer* ‘до бедер или длиннее’ (MWD) $\neq$ *reaches to the hips and is worn over trousers or a skirt* ‘достигает бедер и носится поверх юбки или брюк’ (OLD, CD).

Макрoвариативность, в свою очередь, проявляется на уровне:

1) несовпадения категориальных признаков, например: *Blouse* ‘блузка’ – 1) *a kind of shirt worn by a girl or woman* ‘вид рубашки для женщин’ (COBUILD) $\neq$ 2) *a piece of clothing like a shirt that women wear* ‘предмет одежды для женщин похожий на рубашку’ (CED, OLD) $\neq$ 3) *a usually lightweight, loose-fitting garment for women...* ‘обычно легкий, свободный предмет одежды для женщин...’ (DC), где в первом случае блузка включается в категорию рубашек как подвид, во втором – категория блузок лишь сравнивается с семантически близкой категорией рубашек, но между ними устанавливается граница (*like a shirt* ‘как рубашка’), а в третьем случае связь с рубашкой оказывается для конструирования дефиниции вообще нерелевантной;

2) несовпадения семантических фреймов, в рамках которых выстраивается структура дефиниции. Так, для семантического описания наименований блюд и кулинарных изделий ядерными модулями информации являются знания о составляющих ингредиентах и способах приготовления обозначаемого денотата, а также о способе употребления денотата в пищу (*soup* ‘суп’ – *...usually hot* ‘обычно горячий’ (только в Cambridge English Dictionary из проанализированных словарей)); способе сервировки (*omelet* ‘омлет’ – *...served folded in half* ‘...подается сложенным напополам’ (только в Cambridge English Dictionary)); социально-культурных нормах (*ice-cream* ‘мороженое’ – *...often eaten as a dessert* ‘...часто служит в качестве десерта’ (только в Oxford Learners’ Dictionary)); национально-культурном контексте (*pasta* ‘паста’ – *...of Italian origin* ‘...итальянского происхождения’ (только в Oxford Learners’ Dictionary) и т.п.

Разница между микро- и макровариативностью словарных дефиниций заключается в том, что последняя может приводить к нетождественным результатам членения смыслов в словарях: на определенном этапе та или иная фреймовая модель может достичь степени автономности, достаточной для интерпретации ее как отдельного значения или оттенка значения. Так, например, отделение значения *dish* ‘блюдо’ для слова *pasta* ‘паста’ обусловлено распространенностью денотата в качестве блюда, подаваемого в кафе и ресторанах, где фрейм, включающий особенности и процесс приготовления, утрачивает релевантность с точки зрения потребителя:

Pasta ‘паста’ – 1. *paste in processed form...* ‘тесто, подвергшееся технологической обработке...’, 2. *a dish of cooked pasta* ‘приготовленная паста, блюдо’ (Merriam-Webster Dictionary).

Проведенное исследование вариативности лексикографических дефиниций наглядно демонстрирует тот факт, что признаковая структура и границы лексического значения не могут быть описаны исключительно в терминах «объективного» семантического содержания, стоящего за языковым знаком, но с необходимостью детерминируются способами интерпретации этого содержания субъектами концептуализации. Таким образом, селекция семантических признаков и выбор когнитивной модели, совершаемые пользователем языкового знака, являются одним из важнейших аспектов конструирования лексического значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакофф, Дж. В чем ошибается объективистская метафизика / Дж. Лакофф // Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф ; пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – С. 246–260.
2. Verhagen, A. Construal and Perspectivization / A. Verhagen // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / ed.: D. Geeraerts, H. Cuyckens. – N. Y. : Oxford Univ. Press, 2007. – P. 48–82.
3. Langacker, R. W. Foundations of cognitive grammar / R. W. Langacker. – Stanford, CA : Stanford Univ. Press, 1987. – Vol. 1. – 528 p.
4. Фреге, Г. Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика : сб. науч. ст. – М., 1997. – № 35. – С. 352–379.
5. Talmy, L. Toward a cognitive semantics / L. Talmy. – Cambridge, MA : MIT Press, 2000. – Vol. 1. – 565 p.
6. Croft, W. Cognitive linguistics / W. Croft, D. A. Cruse – N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2004. – 374 p.
7. Geeraerts, D. Words and other wonders: papers on lexical and semantic topics / D. Geeraerts. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter; 2006. – 505 p.
8. Tuggy D. Ambiguity, polysemy and vagueness / D. Tuggy // Cognitive linguistics. – 1993. – Vol. 4 (3). – P. 273–290.

9. Tuggy, D. Schematicity / D. Tuggy // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / ed.: D. Geeraerts, H. Cuyckens. – N. Y. : Oxford Univ. Press, 2007. – P. 82–117.

10. Тур, В. В. Тождество и отдельность лексического значения (на примере семантики английской лексемы *tail* ‘хвост’) / В. В. Тур // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. – 2020. – № 2. – С. 52–63.

The paper presents the results of a comparative analysis of dictionary definitions of the names of clothes, weapons and culinary names in English, which was carried out on the material of five dictionaries. Two levels of variability of semantic descriptions are revealed: micro- and macrovariations. The difference between the levels lies in the fact that the latter may lead to nonidentical results of splitting of senses in different lexicographic descriptions.

Поступила в редакцию 19.11.2020

А. И. Цупа

О МОДИФИКАЦИИ СТРУКТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ СЛОЖНЫХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ

В статье рассматриваются два варианта модификации структуры сложного диалогического единства – расширение и усечение. Выделяются разновидности комплементарных реплик, участвующих в расширении сложного диалогического единства. Устанавливается зависимость между способом модификации и иллокутивными характеристиками финальной реплики сложного диалогического единства.

Актуальным вопросом теории диалога остается изучение диалогических единств (И. П. Святогор, Н. Ю. Шведова, Т. И. Мартыненко, Г. В. Бырдина, Н. Н. Гастева, Е. В. Вохрышева, М. Я. Блох и др.) [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7], в том числе и сложных диалогических единств (С. М. Поляков, Л. С. Маркина, Г. А. Пенькова, В. Д. Николаева и др.) [8; 9; 10; 11]. Несмотря на достаточное количество работ в данной области, нерешенным остается ряд проблем, одной из которых является определение структурных типов сложного диалогического единства (далее ДЕ). В частности, анализ разговорной диалогической речи позволяет выделить наряду с базовыми структурными моделями сложных ДЕ (бинарной, цепочечной, прерывающейся, смешанной) [12; 13] и некоторые модифицированные структуры.

Целью данной работы является установление способов модификации структуры сложных ДЕ в русском разговорном диалоге и выявление характеристик модифицированных ДЕ. Данная цель предполагает решение следующих задач:

- определение признаков комплементарных реплик как средства наращивания сложного ДЕ и выделение разновидностей таких реплик;
- установление условий усечения сложного ДЕ;
- выявление корреляций между иллокутивной функцией финальной реплики сложного ДЕ и способом его модификации.

Материалом для анализа послужили 200 сложных ДЕ, отобранных из изданий «Русская разговорная речь. Тексты», «Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы» [14; 15] (в приведенных ниже фрагментах сохранены орфографические и пунктуационные особенности оригинала).

Модифицированные модели сложных ДЕ формируются двумя способами: путем расширения, наращивания за счет дополнительной, необязательной реплики или путем усечения реплики, входящей в состав структурного типа. Рассмотрим данные тенденции более подробно.

В случае расширения ДЕ его структура усложняется за счет употребления необязательной, или комплементарной, реплики, под которой в настоящем исследовании понимается высказывание, характеризующееся наличием семантической (тематической) связности с предыдущим высказыванием (или всем ДЕ в целом), но при этом находящееся с предшествующей репликой в отношении слабого иллюкутивного вынуждения. Как известно, под иллюкутивным вынуждением понимается одно из «проявлений законов сцепления, действующих на пространстве диалога» [16, с. 86–87]; причем это сцепление может быть как сильным (ср. пару «вопрос – ответ»), так и слабым («сообщение – принятие к сведению»). Соответственно комплементарная реплика, имеющая характер дополнительного, необязательного замечания-комментария, может присоединиться к любому структурному типу сложного ДЕ при условии, что его последняя реплика носит репрезентативный характер (именно это обстоятельство и создает предпосылки для формирования между репликами отношения слабого вынуждения).

Анализ сложных ДЕ, включающих в свою структуру комплементарные реплики, позволил выделить несколько семантико-прагматических разновидностей таких реплик.

Во-первых, это реплики резюмирующего и обобщающего характера, которые подводят своеобразный итог речевого взаимодействия собеседников в рамках соответствующего ДЕ. Такие реплики могут носить либо чисто констатирующий, либо эмоционально-оценочный характер. Первый вариант представлен в следующих ДЕ:

(1) *А. Нели нет у вас?*

Б. Нет.

А. И не было?

Б. Была. Но сейчас нет.

А. Давно была?

Б. Полчаса назад.

А. Исчезла (финальная комплементарная реплика представляет собой нейтральную констатацию факта);

(2) *(Соседки по дому А. и Б. встречаются на улице)*

А. Здравствуйте, что там в овощном?

Б. Ниче нету.

А. Совсем?

Б. Токо картошка.

А. Молодая?

Б. Нет, старая. А больше ничего.

А. Ну пойду посмотрю (резюмирующая комплементарная реплика фиксирует итоговое намерение говорящего).

Реплики эмоционально-оценочного характера представлены в следующих контекстах:

(3) *А. (жена) Как Володя (друг Б.)? Операцию сделали?*

Б. (муж) Да. Камень вырезали.

А. А почка?

Б. Сохранили.

А. Слава богу! (финальная реплика выражает радость, облегчение говорящего);

(4) *Мальчик-подросток раскачивается на ветке. К нему обращается проходящая мимо женщина.*

А. Мальчик, ну зачем ты на ветке качаешься? Она же может сломаться!

Б. Ну и что?

А. Дерево ведь живое, и ему будет больно!

Б. Ну и что?

А. С тобой, я вижу, говорить бесполезно (оценочная комплементарная реплика подводит итоговую черту, констатируя бессмысленность продолжения разговора);

(5) *А. (входит в кухню. Матери) Ты чем это занимаешься?*

Б. Машину стиральную чиню. Починила уже.

А. Сама?

Б. А чё? Я по инструкции, всё прочитала и сделала.

А. Ну ты гигант! (комплементарная реплика в шутливой форме выражает восхищенную оценку), ср. сходный вариант шутливого итогового комментария:

(6) *А. Проголодался?*

Б. А?

А. Проголодался?

Б. Н-е-т!

А. Какой-то ты голодоустойчивый человек.

Подчеркнем, что при всех частных различиях в семантико-прагматических характеристиках завершающих реплик в приведенных ДЕ все они, будучи содержательно объединены со всем ДЕ, иллокутивно не связаны с предшествующими речевыми ходами, что и дает основания интерпретировать их в качестве комплементарных. Так же комплементарная реплика может носить речэтикетный характер. Такой вариант представлен в ДЕ, которые завершаются итоговым выражением благодарности:

(7) *А. Девушка, у вас есть часы?*

Б. (смотрит на часы) Без пятинацати.

А. Чего?

Б. Три.

А. Спасибо большое.

Как отмечалось выше, единственным условием, обеспечивающим возможность присоединения к ДЕ комплементарной реплики, является репрезентативный характер предшествующей ей реплики. В силу того, что репрезентативная реплика может завершать ДЕ, построенное по любой структурной модели, рассматриваемый вариант модификации в принципе может быть представлен в любой модели. Так, почти все приведенные выше примеры иллюстрируют модификацию бинарных ДЕ (см. контексты 1, 2, 3, 4, 5, 7), пример 6 демонстрирует модификацию прерывающейся модели. Приведем пример наращивания цепочечной модели:

(8) А. Я сегодня пятерку получила!

Б. Хорошо. А по какому (предмету)?

А. По математике.

Б. Ну молодец! (резюмирующий оценочный комментарий, выражающий похвалу).

Отметим, что подавляющее большинство приведенных выше примеров иллюстрирует модификацию бинарной модели сложного ДЕ; при этом важно подчеркнуть, что это обстоятельство связано не с тем, что эта модель особенно подвержена такой модификации, а с тем, что бинарная модель в целом по своей частотности значительно превосходит частотность цепочечной и прерывающейся моделей.

Несколько иначе дело обстоит с ДЕ, которые завершаются директивными репликами. Здесь решающее значение для того, будет ли сложное ДЕ строиться по стандартной модели или реализуется в модифицированном варианте, зависит от двух факторов. Так, важно, является ли реакция адресата позитивной или негативной. Во втором случае нежелание (невозможность) выполнить ожидаемое действие, как правило, вербализуется, и образуется стандартная модель сложного ДЕ. Если же реакция адресата является позитивной (т. е. он выполняет соответствующее действие), то модель построения ДЕ зависит от того, вербализует ли он свое согласие (понятно, что если несогласие/отказ выполнить действие подразумевает – в случае кооперативного поведения – облигаторную вербализацию, то согласие/выполнение действия делает такую вербализацию необязательной). В случае вербализации согласия образуется стандартная модель, в случае же отсутствия вербализации стандартная модель оказывается усеченной. Таким образом, именно для ситуаций, когда действие выполняется, возможны как стандартная, так и усеченная реализация структурной модели ДЕ. Ср.:

(9) А. Пойдем тогда что ль Елизавете Михайловне позвоним?

Б. Какой Михайловне?

А. Елизавете

Б. Ну давай.

В данном случае адресат директивного речевого действия вербализует согласие, вследствие чего реализуется стандартная законченная прерывающаяся модель сложного ДЕ.

Иная картина наблюдается в следующем диалогическом фрагменте:

(10) *(разговор с дочерью)*

А. Тань, вынеси мусор, пожалуйста.

Б. Не могу, я устала.

А. А я не устала? Я же с работы.

Б. Ну ма-а-м, потом.

А. Ведро же полное. Давай без разговоров. Ну-ка быстро!

Первые четыре реплики данного ДЕ строятся по стандартной бинарной модели, что обусловлено нежеланием адресата выполнять требуемое действие и соответственно вербализацией этого нежелания; при этом последняя, пятая реплика остается безответной, так как, судя по всему, действие все же выполняется. В принципе адресат (Таня) мог бы и вербализовать факт согласия при помощи реплики типа *Ну, ладно; Хорошо* или т. п., но подобные реплики, как уже отмечалось, легко опускаются, в силу чего ДЕ остается усеченным.

Как в случае с расширением, усечению могут подвергаться любые структурные модели ДЕ, причем и в данном случае по употребительности лидирует бинарная модель (см. пример 9). Далее следуют смешанная и прерывающаяся структуры, усеченные варианты которых представлены в контекстах 10 и 11 соответственно:

(11) *А. Я там открыла, ничего?*

Б. Где? У Кирилла?

А. Угу.

Б. Хорошо-хорошо.

А. Посмотри, не открылось бы много (в данном случае представлена смешанная структурная модель, состоящая из прерывающейся (1–4) и незаконченной бинарной модели (5));

(12) *А. Передайте, пожалста.*

Б. Это что?

А. За двоих.

Б. (передает дальше Г.) (в данном случае в усеченном варианте представлена прерывающаяся модель).

Таким образом, проведенный анализ показал, что наряду с базовыми структурными моделями (бинарной, цепочечной, прерывающейся и смешанной моделями) в русском разговорном диалоге возможны и модифицированные структуры сложных ДЕ, причем образование таких структур коррелирует с иллокутивной функцией завершающей реплики. Если структурный тип завершается репрезентативной репликой, то к модели может присоединиться комплементарная реплика, что обуславливает расширение модели; если же финальная реплика является директивной, то ДЕ (в случае позитивной реакции на побуждение) может подвергаться усечению.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Святогор, И. П.* О некоторых особенностях синтаксиса диалогической речи в современном русском языке (диалогическое единство) / И. П. Святогор. – Калуга, 1960. – 113 с.
2. *Шведова, Н. Ю.* Очерки по синтаксису разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 337 с.
3. *Мартыненко, Т. И.* Диалогическое единство: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. И. Мартыненко. – Ростов н/Д, 2005. – 170 л.
4. *Бырдина, Г. В.* Динамическая структура русской диалогической речи : учеб. пособие / Г. В. Бырдина ; Твер. гос. ун-т, Каф. рус. яз. – Тверь : ТГУ, 1992. – 84 с.
5. *Гастева, Н. Н.* Диалогическое единство как особая синтаксическая единица / Н. Н. Гастева // Проблемы теории и практики изучения русского языка. – Пенза, 1998. – Вып. 1. – С. 63–69.
6. *Вохрышева, Е. В.* Специфика и структура диалогических единств с идентифицирующим вопросам : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Вохрышева. – Л., 1990. – 16 с.
7. *Блох, М. Я.* Диалогическое единство и проблема его выделения / М. Я. Блох, С. М. Поляков // Проблемы лексико-стилистического анализа : сб. науч. тр. / под ред. Г. А. Гвоздевой, Г. И. Шейдемана. – М. : Изд-во УДН, 1986. – С. 88–95.
8. *Поляков, С. М.* Сложное диалогическое единство с односторонней организацией: (на материале британского варианта английского языка) : дис. ... канд. ... филол. наук : 10.02.04 / С. М. Поляков. – М., 1985. – 184 л.
9. *Маркина, Л. С.* Четырехчленные диалогические единства в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. С. Маркина. – Л., 1973. – 16 с.
10. *Пенькова, Г. А.* Многокомпонентные диалогические единства / Г. А. Пенькова // Структура предложения и лексико-грамматические отношения : сб. науч. тр. Ленингр. пед. ин-та им. Герцена. – Л., 1972. – С. 176–192.
11. *Николаева, В. Д.* Структурно-семантические и прагматические особенности трехчленных диалогических единств в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. Д. Николаева. – Киев, 1987. – 173 л.
12. *Чалова, О. Н.* Структурная и лингвопрагматическая организация устной научной дискуссии (на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. Н. Чалова. – Минск, 2013. – 116 л.
13. *Berenguer Oliver, J.* Estrategías del discurso conversacional: algunos casos de relato encatalán y español / J. Berenguer Oliver. – Univ. de València (España), 1994. – 453 p.
14. *Земская, Е. А.* Русская разговорная речь : тексты / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1978. – 307 с.

15. *Китайгородская, М. В.* Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М. : Яз. Слав. культур, 2010. – 496 с.
16. *Баранов, А. Н.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 84–99.

The article discusses two options of the structure modification – expansion and clipping – in a complex dialogic unit. Moreover, different varieties of complementary utterances involved in the expansion of a complex dialogic unit were determined. It was discovered that the formation of modified structures correlates with the illocutionary function of the final phrase. If the structural model ends with a representative utterance, then, a complementary utterance can join the model, which causes the model to expand. If the final phrase is directive, then, the complex dialogic unit (in the case of a positive reaction to the order) may be clipped.

Поступила в редакцию 13.10.2020

Чжан Аньци

ВЛАДЕНИЕ КИТАЙСКИМ ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГОМ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В статье рассматриваются результаты исследования владения китайским интернет-сленгом на основе данных социолингвистического онлайн-анкетирования. Проведен сравнительный анализ данных по полу, характеру занятий (учеба или работа), возрасту респондентов с целью выявления зависимости владения китайским интернет-сленгом от данных социальных факторов.

По данным 45-го Статистического отчета о развитии Интернета в Китае [1], опубликованных Китайским информационным центром Интернета, в марте 2020 г. количество его пользователей достигло 904 млн человек, степень доступности Интернета составляет 64,5 %, 897 млн пользуются телефоном для входа в сеть. Очевидно, что Интернет глубоко проникает в каждую область существования человека и порождает, по сути, новый образ жизни людей. Создание Интернета повлекло за собой и изменение способов коммуникации и, в частности, привело к появлению и развитию китайского интернет-сленга.

Как сообщается в Докладе о языковой ситуации в Китае в 2020 г., «... развитие интернет-сленга уже имеет 20-летнюю историю. За это время влияние интернет-сленга на языковую жизнь постепенно увеличивается. Граница между виртуальным и реальным миром стирается, интернет-сленг постепенно всесторонне входит в реальную языковую жизнь» [2]. Это делает актуальным проведение социолингвистического исследования интернет-сленга, цель которого – выявление зависимости владения китайским интернет-сленгом от определенных социальных факторов.

С этой целью в феврале 2020 г. нами было проведено социолингвистическое анкетирование в Интернете. В качестве материала исследования были взяты 30 интернет-сленгизмов, в том числе 10 слов из «Словаря интернет-сленга Синьхуа» [3]. Поскольку этот словарь был опубликован в 2012 г., зафиксированные там сленгизмы (всего 1 216; далее мы будем называть их «старыми») имеют уже достаточно длительную историю существования. Поэтому были также добавлены 20 более новых слов, созданных предположительно после 2012 г., которых нет в этом словаре, но они имеются в интернет-словаре Сяоцзи [4].

В списке взятых интернет-сленгизмов есть 5 слов с одним иероглифом, 15 слов с двумя иероглифами, 4 слова с тремя иероглифами, 6 слов с четырьмя иероглифами. Двухсложные слова (т.е. слова с двумя иероглифами) занимают большую часть от общего объема китайских слов, и такая же тенденция сохраняется и в словаре Синьхуа (647 двухсложных слов из всех 1 216 слов) и в интернет-словаре Сяоцзи (182 – из 352 слов). Эти слова употребляются в текстах разных жанров интернет-коммуникации (форумов, сообщений, новостей, видео и т.д.). Кроме этого, мы также учитывали и то, что эти слова демонстрируют разные способы словообразования.

В нашей анкете «Опрос об употреблении китайского интернет-сленга» содержится 17 вопросов. Эти вопросы можно условно разделить на четыре группы.

Первая группа вопросов отражает демографические данные и связь с Интернетом: пол информантов (1 вопрос), сферу деятельности и место учебы/работы (2), их возраст (3), количество времени, проводимого в Интернете (4), и предпочитаемые пользователями сферы интернет-коммуникации (5).

Вторая группа вопросов касается особенностей распространения интернет-сленга среди информантов (насколько хорошо, по собственным оценкам, они его знают, каковы источники интернет-сленга – откуда узнают опрашиваемые интернет-сленгизмы, где и как можно найти объяснение незнакомому интернет-сленгизму). В анкете также даются 30 интернет-сленгизмов, про каждый из которых информант должен был ответить, знает ли и использует ли он это слово.

В третьей группе вопросов мы спрашивали о частоте и месте употребления интернет-сленгизмов, а также о самом любимом или заинтересовавшем в последнее время интернет-сленгизме.

Наконец, четвертая группа вопросов касалась отношения к интернет-сленгу (мы спрашивали, почему информанты его используют, каковы, с их точки зрения, недостатки интернет-сленга).

В основном вопросы имеют закрытый характер (были предложены варианты ответов), 2 вопроса были открытыми.

Анкетирование проводилось с 14 по 24 февраля 2020 года. Опрос совершался анонимно, анкеты заполнялись онлайн, по ссылке <https://www.wjx.cn/m/57420539.aspx>, в опросе могли участвовать все желающие. В итоге мы получили 714 анкет.

Далее мы кратко проанализируем некоторые ответы на вопросы первой группы, более подробно – ответы на вторую группу вопросов; третья и четвертая группы не будут здесь рассматриваться в силу незначительного объема статьи.

1. Пол. В опросе приняли участие всего 714 человек, в том числе 453 женщины (63,45 %) и 261 мужчина (36,55 %).

2. Место учебы и работы. Среди опрошенных было 67,37 % учащихся из более 12 учебных заведений со всего Китая и 32,91 % работающих из различных кругов общества.

3. Возраст. По возрасту респонденты разделялись на 4 группы. Большинство респондентов родились в 1990–1999 гг. (42,44 %) и после 2000-х гг. (47,76 %); число родившихся в 1980–1989-х гг. и до 1980 г. незначительно (соответственно 4,2 и 5,6 %).

4. Количество времени, проводимого в Интернете. Данные анкетирования показывают нам, что большинство пользователей тратят в сутки 4–7 часов на Интернет, количество пользователей, которые проводят 8–11 часов и меньше 3 часов в сети, почти равнозначно (около 18 % от общего числа), и только 5,04 % опрошенных находятся в Интернете более 12 часов в день.

5. Приоритетные области интернет-контента. Кроме этого, мы также обратили внимание на ресурсы, которые в наибольшей степени привлекают интернет-пользователей. Более половины опрошенных выбрали «горячие» новости (64,01 %)¹, развлекательное видео (53,22 %) и социальные сети (50,56 %), после них – информацию о «звездах», компьютерные игры, спорт и анимацию.

6. Уровень знания интернет-сленгизмов², по собственным оценкам информантов

По уровню знания интернет-сленгизмов информанты распределились следующим образом: только 14,01 % респондентов считают, что они хорошо знают интернет-сленгизмы, 8,4 % человек, напротив, – «плохо». Большинство же (77,59 %) опрошенных считает свой уровень знания сленгизмов «нормальным» (т.е. средним).

При этом лица женского пола несколько чаще считают свое знание сленгизмов хорошим, чем лица мужского пола (15,23 по сравнению с 11,88 %).

¹ Под «горячими» новостями в китайском обществе понимаются те, которые привлекают всеобщее внимание и являются в наибольшей степени популярными на данный момент.

² Говоря об уровне знания интернет-сленгизмов, мы понимаем, что характер нашей анкеты не позволяет говорить о реальном владении информантами этой подсистемой языка. Как известно, «в условиях анкетирования «парадокс наблюдателя» выступает наиболее явно [5, с. 126], и «сама форма анкеты исключает возможность получения объективного материала: ведь мы обращаемся непосредственно к языковому сознанию говорящего и получаем самооценку его речи» [6, с. 213].

Еще более различаются ответы информантов, если их дифференцировать по месту работы/учебы: число хорошо знающих сленгизмы учащихся почти на 10 % превышает число работающих информантов (17,26 и 7,23 % соответственно), и это говорит о том, что именно учащаяся молодежь более активно участвует в распространении сленга.

В соответствии с результатами анкетирования почти треть пользователей старшего возраста думают, что они плохо знают интернет-сленг. У остальных информантов таких ответов значительно меньше (менее 10 %). Напротив, наибольший процент ответов «хорошо знаю интернет-сленг» обнаруживаем у пользователей, родившихся после 2000-х гг. (16,42 %); процент таких ответов последовательно уменьшается с увеличением возраста информантов.

Как показывает таблица, информанты считают, что важную роль в создании и распространении интернет-сленга сыграли интернет-сообщения, социальные сайты и интернет-видео.

Роль различных ресурсов в распространении интернет-сленгов

Источники интернет-сленга		Кол-во информантов, %	
Интернет	социальные сети	483	67,65
	интернет-сообщения	525	73,53
	сетевые игры	165	23,11
	интернет-видео	372	52,1
	новостные сайты	161	22,55
вне Интернета	семья и друзья	172	24,09
	программы телевидения	208	29,13
другое		22	3,08

При этом ответы на вопрос об источниках интернет-сленга различаются в зависимости от пола респондентов. Так, респонденты-женщины, в отличие от мужчин, считают, что важнейшим источником интернет-сленга являются социальные сети. Для респондентов-мужчин важнее роль интернет-сообщений как источника интернет-сленга.

Немного различаются представления об источниках интернет-сленга у учащихся и работающих информантов. Если в целом данные для информантов-учащихся и работающих информантов совпадают, то для источников «сетевые игры» и «новостные сайты» наблюдаются большие различия: первый из этих источников сленга оказался более важен для учащихся (26,82 по сравнению с 15,32 %), второй – для работающих респондентов (34,04 по сравнению с 16,84 %).

Возраст респондентов также влияет на ответы информантов относительно тех источников, из которых говорящий черпает элементы сленга. Среди этих источников для опрошенных, родившихся после 2000 г. и в 1990–1999 гг.,

очевидно важную роль в овладении сленгом играют интернет-сообщения, интернет-видео и социальные сети. Однако для людей, родившихся до 1989 г., более важную роль, чем у молодых, сыграли новостные сайты. Кроме этого, такие оффлайн-источники, как «семья и друзья», «программы телевидения», указали 47,5 % и 50 % респондентов, родившихся до 1979 г., и это доказывает, что у этих респондентов они выступают в роли основных источников интернет-сленга. Интернет-сообщение, видимо, в любой возрастной категории играет важную роль в распространении знаний об интернет-сленге.

Реальная степень известности¹ интернет-сленгизмов проверялась нами по словам, которые были взяты в качестве материала. Это, прежде всего, следующие слова из словаря Синьхуа: 囧 jǐǒng ‘смушение, неловкость’, 汗 hàn ‘нечего сказать в ответ’, 萌 méng ‘милый, симпатичный’, 菜鸟 cǎiniǎo ‘салага’, 潜水 qiánshuǐ ‘посещать форум, но не оставлять сообщений’, 酱紫 jiàngzǐ ‘таким образом’, 内涵 nèihán ‘двузначный’, 河蟹 héxiè ‘удалить’, 灌水 guànshuǐ ‘заполнять форум бесполезной информацией’, 给力 gěilì ‘клевый’, ‘прикольный’.

Среди этих слов наибольший ИИ имеют три: 萌 méng ‘милый, симпатичный’, 给力 gěilì ‘клевый, прикольный’ и 菜鸟 cǎiniǎo ‘салага’ – их отметили более 50 % опрошенных. Однако и остальные слова также более или менее известны информантам: средний ИИ слова равен 45,81 %. Наименее знакомым для опрошенных носителей является слово 灌水 guànshuǐ ‘заполнять форум бесполезной информацией’ – 20,59 %.

В среднем ИИ всех этих старых слов равняется примерно 46 %.

Затем был проведен сравнительный анализ этих слов отдельно а) по полу, б) месту работы/учебы и в) возрасту.

Оказалось, что средний ИИ слов у женщин намного превышает средний ИИ у мужчин: 51,19 %, по сравнению с 36,48 %. Это соответствует и тому, что более 50 % голосов от респондентов-женщин получили 7 слов, а для респондентов-мужчин таким было только одно слово (萌 méng ‘милый, симпатичный’). Эта тенденция сохраняется и для отдельных слов, причем в некоторых случаях она еще более велика, ср.: 萌 méng ‘милый, симпатичный’ (разница почти в 30 %), 酱紫 jiàngzǐ ‘таким образом’ (разница почти в два раза). Меньше этот разрыв – у слов, мало известных как женщинам, так и мужчинам: 河蟹 héxiè ‘гармония; удалить’ (примерно на 6 %), 灌水 guànshuǐ ‘заполнять форум бесполезной информацией’ (более 2 %).

Если проследить корреляцию места работы/учебы и ИИ этих, более «старых» сленгизмов, то можно увидеть, что респонденты-работающие, по сравнению с учащимися, немного лучше знают эти слова: 47,19 %, по сравнению с 45,01 %.

¹ Далее мы будем использовать количественный параметр – индекс известности (ИИ), который представлен долей в процентах лиц, ответивших в анкете, что они знают этот сленгизм.

Ответы на вопрос о знании интернет-сленгизмов, появившихся до 2012 г., различаются также в зависимости от возраста респондентов. По нашим данным, лучше всего осведомлены об этих словах респонденты, родившиеся в 1980–1989 гг. (средний процент ответивших – 53,33 %), на втором месте респонденты, родившиеся в 1990–1999 гг. (чуть меньше – 50,96 %). Для самых младших и самых старших респондентов средний ИИ этих слов меньше примерно на 10–14 %. Это понятно, так как родившихся в 1980–1989 гг., наверное, можно было бы назвать создателями интернет-сленга первого поколения, в то время как жизнь и особенно молодые годы лиц более старшего возраста в меньшей степени были связаны с Интернетом.

Остальные 20 слов взяты из словаря Сяоцзи: 怼 *duǐ* ‘словами опровергать, возражать’, 盘 *pán* ‘шлифовать; наказать кого-л., разбираться с кем-л’, 凉凉 *liángliáng* ‘холодно; используется для описания того, что дело сорвалось или что-л. или кто-л. были старым или устаревшим’, 吃瓜 *chīguā* ‘наблюдать, не имея отношения к вопросу’, 开挂 *kāiguà* ‘включать стороннюю программу, жульничать в играх’, 么么哒 *mēmedá* ‘чмок’, 吃土 *chītǔ* ‘есть землю; жить очень бедно, нечего есть (из-за излишней траты денег)’, 安利 *ānlì* ‘рекомендовать’, 前方高能 *qiánfānggāonéng* ‘нечто удивительное должно произойти’, 硬核 *yìng hé* ‘хардкорный, крутой; «жесть»’, 洪荒之力 *hóng huāng zhī lì* ‘первозданная сила’, 你行你上 *nǐ xíng nǐ shàng* ‘Можешь – делай, если нет, то молчи’, 柠檬精 *níng méng jīng* ‘чувство зависти’, 然并卵 *rán bìng luǎn* ‘без толку, бесполезно’, 细思极恐 *xì sī jí kǒng* ‘тщательно обдумывать – бояться до крайности’, 划水 *huá shuǐ* ‘грести воду; не стараться; отлынивать от работы’, 不明觉厉 *bù míng jué lì* ‘не понимаю, но похоже, что круто’, 喜大普奔 *xǐ dà pǔ bēn* ‘радостная новость, все празднуют и спешат ее распространить’, 真香 *zhēn xiāng* ‘употребляется для описания того, что в первое время кто-л. резко противится чему-л., но потом изменяет свое отношение’, 小目标 *xiǎo mù biāo* ‘малая цель – зарабатывать 100 млн: метафора с сарказмом, употребляется для описания мечты, которая вряд ли сбудется’.

Эти слова оказались более знакомыми опрошенным информантам: их знают в среднем 53,24 % информантов. 12 слов среди их набрали более 50 % голосов информантов: 怼 *duǐ*, 凉凉 *liángliáng*, 吃瓜 *chīguā*, 开挂 *kāiguà*, 盘 *pán*, 真香 *zhēn xiāng*, 么么哒 *mēmedá*, 吃土 *chītǔ*, 安利 *ānlì*, 前方高能 *qiánfānggāonéng*, 硬核 *yìng hé*, 洪荒之力 *hóng huāng zhī lì*.

Эти слова были далее проанализированы с точки зрения соотношения с тремя параметрами: полом, местом работы / учебы и возрастом.

Так, оказалось, что средний ИИ этих слов у респондентов-женщин (60,17 %) гораздо выше, чем у респондентов-мужчин (41,21 %): почти на 20 %, что даже больше, чем разрыв в ИИ более «старых» интернет-сленгизмов.

Параметр места работы/учебы респондентов оказал сравнительно слабое влияние на знание интернет-сленга: средний ИИ слов у учащихся составляет 53,88 %, у работающих – 51,81 %. Гораздо более значимо влияние возраста

на знание этих сленгизмов: ИИ этих слов у опрошенных, родившихся в 1990–1999 гг., достиг 59,82 %, эта доля намного превышает долю других возрастных категорий. На втором и третьем месте респонденты, родившиеся после 2000 г. (50,69 %) и в 1980–1989 гг. (49,83 %). Напротив, у самых старших опрошенных в нашем исследовании (родившихся до 1979 г.) ИИ этих 20 слов намного меньше – всего 27,63 %.

Наконец, в этой части анкеты есть также вопрос «Когда вы сталкиваетесь с незнакомым интернет-сленгизмом, как вы обычно ищите его объяснения?». Судя по данным, большинство людей (три четверти опрошенных) находят объяснение сленгизму в Интернете, 45,66 % спрашивают у друзей, и только пятая часть информантов «не собираются пока выяснять его значение». Тем самым, несмотря на то что Интернет является для опрашиваемых самым надежным источником ответов на данный вопрос, чуть ли не половина информантов не отрицает и возможности активизации личных контактов для узнавания новых слов.

Далее мы стремимся выявить следующее: как зависит способ поиска значения незнакомого сленгизма от пола, возраста, от того, учится информант или работает?

Более четверти (25,67 %) респондентов-мужчин и только 16,78 % из респондентов-женщин решили относительно незнакомого интернет-сленгизма, что «пока не будут выяснять». Для обоих вариантов ответа «буду искать в Интернете» и «спрошу у друзей» доля ответов респондентов-женщин больше примерно на 8 %, чем у респондентов-мужчин. Это показывает, что женщины более активно выясняют значения интернет-сленгизмов, в большей степени интересуются этой подсистемой языка.

Далее, разбивка информантов относительно этого вопроса анкеты на учащихся и работающих не показала значительных различий, хотя доля учащихся немного превышает долю работающих в тех случаях, когда информанты намерены все же заняться поиском значения сленгизма («буду искать в Интернете» – соответственно 76,72 % и 72,34 %, «спрошу у друзей» – 46,78 % и 43,40 %).

В то же время параметр возраста оказался более значимым для ответов на этот вопрос. По стремлению выяснить значение незнакомого интернет-сленгизма респонденты, родившиеся в 1990–1999 гг., находятся на первом месте (только 15,51 % из них ответили, что «пока не будут выяснять», это самый низкий процент в рубрике, для опрошенных других возрастных категорий доля этого варианта ответа меньше примерно на 5–10 %). Кроме этого, данные еще показывают, что, в сравнении с лицами, родившимися до 1989 г., более молодые люди охотнее ищут объяснения в Интернете и у друзей.

Мы сделали попытку выявить зависимость владения китайским интернет-сленгом от таких социальных факторов, как пол, возраст и вид занятости. Результаты нашего исследования показывают, что место работы/учебы не явилось здесь определяющим социальным фактором, в отличие от пола и возраста.

Так, по сравнению с респондентами-мужчинами, респонденты-женщины выше оценивают свой уровень знания сленгизмов, это также доказывается

средним индексом известности интернет-сленгизмов. К тому же лица женского пола активнее выясняют значение незнакомого интернет-сленгизма. Тем самым лица женского пола более положительно относятся к интернет-сленгу и, вероятно, лучше им владеют.

Интернет-сленг часто ставят в один ряд с молодежным сленгом, как социолект, обусловленный возрастом. Данные нашего анкетирования показывают, что возраст действительно играет важную роль в процессе овладения интернет-сленгом. Чем моложе информанты, тем увереннее они отвечают, что знают интернет-сленг. Кроме этого, при сравнении степени известности старых и новых сленгизмов у лиц разных возрастных категорий «пик» ИИ более старых сленгизмов (появившихся до 2012 г.) приходится на долю информантов, родившихся в 1980–1989 гг., а «пик» для более новых слов (возникших в 2012–2019 гг.) – на долю информантов, родившихся в 1990–1999 годах.

Нами также отмечено у информантов-женщин и лиц более молодого возраста отличающее их общее свойство: они тратят больше времени на Интернет, в особенности – на социальные сети, и активнее выясняют незнакомые слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. 第45次中国互联网络发展状况统计报告 = The 45th China Statistical Report on Internet Development [Electronic resource] / China Internet Network Information Center, 2020. – Mode of access : http://www.cac.gov.cn/2020-04/27/c_1589535470378587.htm. – Date of access : 12.06.2020.
2. 中国语言生活状况报告 (2020) = Доклад о языковой ситуации в Китае в 2020. Государственный комитет по работе в области языка и письменности КНР. – Пекин : Коммерческое изд-во, 2020. – 347 с.
3. 新华网络语言词典 = Словарь языка Интернета Синьхуа / под ред. Ван Лэй. – Пекин : Коммерческое изд-во, 2012. – 233 с.
4. 小鸡词典 = Интернет-словарь Сяоцзи [Electronic resource]. – Mode of access : <https://jikipedia.com/>. – Date of access : 20.12.2019.
5. Словарь социолингвистических терминов / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред. В. Ю. Михальченко. – М., 2006. – 312 с.
6. Беликов, В. И. Социолингвистика : учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 315 с.

Creation of such an integral part of our life as Internet has led to the Internet slang emergence, which requires serious research. In 2020, in order to define the dependance of using the Chinese internet slang on certain social factors, the author conducted a sociolinguistic online survey. The survey comparative analysis considered gender, nature of occupation (study or work), age of the respondents, and made it possible to establish that the nature of occupation (study or work) was not the main determining social factor. In contrast, it was due to gender and age. Females and younger people are better at using the Internet slang, possibly because they spend more time on the Internet, and they are more interested in social media, and search unfamiliar words more actively than representatives of other social groups.

Поступила в редакцию 30.11.2020

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А. О. Гурская

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МНОГОЗНАЧНЫХ
ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДЛОГОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ОТНОШЕНИЯ
ВКЛЮЧЕНИЯ (*IN, INSIDE, INTO, WITHIN*)

В статье освещаются результаты исследования связи пространственного и непространственных значений многозначных предлогов английского языка, которые обозначают отношение включения. Устанавливается семный состав пространственного значения изучаемых предлогов. Делается вывод о характере и видах связи значений исследуемых предлогов.

Исследованием предлогов и их семантической структуры занимаются отечественные и зарубежные ученые самых разных лингвистических направлений. В рамках компонентного анализа семантическая структура предлогов представляется в виде композиционных моделей, где семантика предлогов есть комбинация сем [1, с. 18]. Согласно теории прототипов семантическая структура предлогов содержит нескольких пространственных значений, имеющих прототипическую организацию. Эти значения, в свою очередь, выступают основой для образования непространственных значений [1, с. 23]. Геометрический подход к изучению предлогов предполагает учет расположения предметов в пространстве и их геометрические формы [2, с. 265]. Топологический подход к изучению предлогов подразумевает изучение топологических связей между объектами: включение (*containment*), поддержка (*support*) и контакт (*contact*), центральным из которых является «включение» [2, с. 267]. Функциональный подход к изучению предлогов заключается в идее, что существуют дополнительные ограничения на употребления ряда пространственных предлогов, которые определяются их способностью передавать «функциональную» информацию (т.е. информацию об определенном взаимодействии между предметами) [2, с. 267].

Несмотря на обширность исследований предлогов, остаются невыясненными вопросы о механизмах образования новых значений предлогов, о характере связи между их отдельными значениями. Данная статья освещает результаты исследования связи пространственного и непространственных значений многозначных предлогов английского языка *in, inside, into, within*.

Для установления типов связей между значениями рассматриваемых нами предлогов на первом этапе исследования устанавливался семный состав пространственного значения. Выявление связей между пространственным и непространственными значениями изучаемых предлогов на втором этапе работы проводилось на основе анализа связи отдельных сем пространственного значения с непространственными значениями.

Предлоги *in, inside, into, within* ‘в, внутри, в пределах’ обозначают отношение включения, т.е. указывают на нахождение локализуемого объекта во внутреннем регионе локализуемого объекта. Разграничение значений этих предлогов на основании их дефиниций представляется трудновыполнимым, так как часто они трактуются как синонимы. Например, в словарных статьях предлог *in* может передаваться через *into; inside* – через *in, into*, или *within; within* – через *inside*.

В ходе исследования были выявлены семы, входящие в состав пространственного значения рассмотренных нами предлогов. Семантическую структуру пространственных предлогов, обозначающих отношения включения в английском языке, образуют различные комбинации сем включение и дирекционал. Сема ВКЛЮЧЕНИЕ обеспечивает измерение пространственных параметров описываемой ситуации в координатах «внутри – снаружи», сема ДИРЕКЦИОНАЛ – в координатах «статика – перемещение»¹.

Необходимо отметить, что включение может быть полным (ВКЛЮЧЕНИЕ_п) или не получать спецификации (ВКЛЮЧЕНИЕ_{п/ч}). Сема ДИРЕКЦИОНАЛ может быть обязательной (+ДИРЕКЦИОНАЛ), возможной (+/–ДИРЕКЦИОНАЛ), или вовсе исключаться (–ДИРЕКЦИОНАЛ).

Наиболее широкой пространственной семантикой обладает предлог *in*, который может обозначать как полное, так и частичное включение, стативные и дирекциональные отношения, например: ВКЛЮЧЕНИЕ_п и + ДИРЕКЦИОНАЛ: *She climbed in the car* ‘Она забралась в машину’; ВКЛЮЧЕНИЕ_п и – ДИРЕКЦИОНАЛ: *The knives are in a locked drawer* ‘Ножи лежат в запертом ящике’; ВКЛЮЧЕНИЕ_{п/ч} и + ДИРЕКЦИОНАЛ: *He took the umbrella in his hands* ‘Он взял зонт в свои руки’; ВКЛЮЧЕНИЕ_{п/ч} и – ДИРЕКЦИОНАЛ: *The flowers are in the vase* ‘Цветы стоят в вазе’.

Предлоги *inside, within, into* способны реализовать по 2 комбинации сем. Они обнаруживают такие комбинации, как ВКЛЮЧЕНИЕ_п и –ДИРЕКЦИОНАЛ (например, *She kept her hands inside her pockets* ‘Она держала руки в карманах’), ВКЛЮЧЕНИЕ_п и + ДИРЕКЦИОНАЛ (например, *The noise seems to be coming from within the building* ‘Шум, кажется, идет из здания’; *Put the bowl into the fridge* ‘Поставьте миску в холодильник’).

Употребляясь в пространственном значении и обозначая отношение ВКЛЮЧЕНИЕ, как полное, так и частичное, рассматриваемые предлоги категоризуют релятумы как «контейнеры» для локализуемых объектов. Так, в примере *You can put your pyjamas in the bottom drawer* ‘Вы можете положить свою пижаму в нижний ящик’, наименование «ящик» выступает контейнером для наименования «пижама». Необходимо отметить, что отношение частичного включения может наблюдаться не только с объектами,

¹ Термины сем включение и дирекционал используются нами вслед за Л. А. Тарасевич (Семантика и функционирование предлогов с пространственным значением (на материале немецкого и русского языков) / Л. А. Тарасевич. – Минск : МГЛУ, 2014. – 272 с.)

способными «включать» что-то в свое внутреннее пространство. Как указывает К. Вандেলাуз, некоторые объекты (например, руки) могут рассматриваться как «контейнеры» не на основе их формы, способной вместить в себя другой объект, а потому, что они могут определять положение содержимого. Отсюда следует, что руки могут интерпретироваться как «контейнер», который может содержать в себе объект, и из которого этот объект может быть удален [цит. по З, с. 36]. Например, *He had a suitcase **in** his hand* ‘У него в руке был портфель’.

В структуру семантики многозначных пространственных предлогов, обозначающих отношения включения, помимо пространственного значения, входят от 2 до 4 значений (таблица).

Значения, выделяемые в семантической структуре пространственных предлогов английского языка, обозначающих отношения включения

Предлоги	Пространственное значение	Темпоральное значение	Значение условия/состояния	Значение способа действия, средства или инструмента	Значение части-целого
<i>in</i>	+	+	+	+	+
<i>into</i>	+	+	+	—	—
<i>inside</i>	+	+	—	—	—
<i>within</i>	+	+	—	—	—

В семантику предлога *in* входят темпоральное значение, значение условия и состояния, значение способа действия, средства или инструмента, значение части-целого.

Модель «контейнера» можно наблюдать не только в пространственном значении предлога *in*. В темпоральном значении предлог *in* приписывает именам объектов, заполняющих его правую валентность¹, категоризацию, согласно которой временные отрезки функционируют как «контейнеры» для событий, описываемых в его левой валентности: *Her birthday is **in** November* ‘Ее день рождения в ноябре’.

Сравнение примеров с пространственным и темпоральным значениями предлога *in* показывает, что в некоторых случаях при метафорическом переносе происходит не только категоризация временного отрезка как «контейнера», но и изменяется характер заполнения левой валентности предлога.

¹ Валентность – общая сочетательная способность слов и единиц любых уровней [4]. Согласно теории валентности, предлог управляет существительным, которое чаще всего стоит с его правой стороны, что позволяет говорить о правой, или активной, валентности предлога. Левая валентность, соответственно, является пассивной и заполнена элементом, который управляет предлогом.

Так, в примере *I've left my keys in the car* 'Я оставил свои ключи в машине' пространственные отношения включения наблюдаются между наименованиями двух объектов: *ключи* и *машина*. В примере же *Some trees lose their leaves in autumn* 'Некоторые деревья теряют свои листья осенью', дословно 'в осени', в котором наблюдается метафорический перенос пространственного значения на темпоральное, во времени локализуется не наименование объекта, а действие: *терять листья*. Таким образом, при метафорическом переносе левая валентность занята не именем объекта, а именем действия, которое происходит с объектом.

Модель «контейнера» реализуется также в значении условия и состояния предлога *in*, например: *He shook his head, in sadness and grief* 'Он покачал головой в грусти и горе'. Анализ показывает, что в качестве релятумов здесь выступают наименования чувств, эмоций, состояний и др., которые категоризируются как «контейнеры».

Примечательно, что наименования погодных условий в английском языке тоже категоризируются как «контейнеры», куда помещаются те или иные объекты, например: *I've been standing in the rain for over an hour* 'Я стоял под дождем больше часа', дословно 'Я стоял в дожде'. Как видно из примера, локализуемый объект (в данном случае человек) помещается в пространство релятума (в дождь). Для сравнения в русском языке в такой же ситуации профилируется область «верх-низ»: *Я стою под дождем*. Как отмечает И. С. Бороздина, «одинаковые пространственные отношения могут получать различную вербализацию в разных языках, что можно объяснить тем, что носители различных языков могут по-разному структурировать и концептуализировать пространство (например, английское *in the English Faculty* и русское *на факультете английского языка*)» [5, с. 3].

Наименования занятий человека, рода его деятельности или профессии также функционируют как «контейнеры», указывая на вовлеченность/включенность человека в некий процесс, например: *It is four years since I was in politics* 'Прошло 4 года с тех пор, как я занимаюсь политикой', дословно 'Прошло 4 года с тех пор, как я в политике'.

В значении части/целого предлога *in*, которое используется для отражения разнообразных математических пропорций, также наблюдается функционирование локализуемого объекта как «контейнера»: *Income tax stands at 23 pence in the pound* 'Подходный налог составляет 23 пенса за фунт'.

Как мы уже отмечали, некоторые словарные статьи описывают предлог *inside* с помощью предлога *in* [6; 7]. Исследование показывает, что предлог *inside* способен реализовывать только сему ВКЛЮЧЕНИЕ_п, что приводит к невозможности субституции предлога *in*, который может обозначать как полное, так и частичное включение, на предлог *inside*. Например: *He was holding a mug of coffee in his right hand* 'Он держал кружку кофе в правой руке' * *He was holding a mug of coffee inside his right hand* 'Он держал кружку кофе внутри правой руки'. В то же время обратная замена предлогов

приемлема, например: *A radio was playing **inside** the flat.* = *A radio was playing **in** the flat* ‘В квартире играло радио’. Несмотря на то, что в большинстве случаев замена предлога *inside* на *in* возможна, при употреблении *inside* с наименованием физических частей тела его субституция на предлог *in* приведет к изменению первоначального значения всей фразы. Например: *She could feel the baby kicking **inside** her.* ‘Она могла чувствовать, как ребенок пинается внутри нее’ **She could feel the baby kicking in her.*

В семантике *inside* и *within*, помимо пространственного, выделяется темпоральное значение. Выявлено, что в предложной конструкции с данными предлогами в темпоральном значении левая валентность предлога заполнена наименованием действия, которое может быть выполнено, или будет выполнено, или выполнялось непосредственно в указанные рамки, не нарушая заданных границ, например: *We'll be back **inside** the hour* ‘Мы вернемся в течение часа’; *Tickets were sold out **within** two hours* ‘Билеты были распроданы в течение двух часов’.

Разграничение предлогов *inside* и *within*, которые имеют сходное пространственное значение и одинаковый набор реализуемых сем, заключается в разной сочетаемости предлогов. *Inside* употребляется с наименованиями объектов, имеющих конкретные границы, а *within* может употребляться и с наименованиями объектов без четких ограничений, например: *A house must also be **within** easy reach of the station, buses and car parks* ‘Дом также должен быть вблизи от станции, автобусов и парковок’. В ситуациях с наименованиями объектов, имеющих четкие границы, предлоги могут быть взаимозаменяемыми, например: (1) *The noise seems to be coming from **within** the building* ‘Шум, кажется, идет из здания’, дословно ‘Шум, кажется, идет изнутри здания’; (2) *The sound was coming from **inside** the house* ‘Звук шел из дома’.

В семантику предлога *into* входят темпоральное значение и значение условия и состояния. Что касается темпорального значения, оно носит процессуальный характер, указывая на длительность происходящего процесса, например, разговор начался и продолжался вплоть до поздней ночи: *Andy and I talked well **into** the night* ‘Мы с Энди разговаривали вплоть до поздней ночи’.

Установлено, что в значении условия и состояния с помощью предлога *into* реализуется пространственная схема – направленное движение с последующим возможным или желаемым включением локализуемого объекта в локализующий, представленный неким состоянием, условием или занятием: *She fell **into** a deep sleep* ‘Она погрузилась в глубокий сон’; *An investigation **into** the accident is underway* ‘Ведется расследование происшествия’, дословно ‘Расследование в аварии продолжается’.

Стоит отметить, что, хотя оба предлога (и *into*, и *in*) могут обозначать отношение условия/состояния/деятельности, между ними наблюдаются некоторые семантические различия. Рассмотрим два сходных примера: (3) *He's **in** trouble* ‘У него проблемы’, дословно ‘Он в проблемах’ и (4) *He's got **into***

trouble ‘Он попал в неприятности’. Несмотря на то, что в обоих примерах объект находится в одинаковых условиях (*‘в проблемах’*), в первом случае (3) мы говорим лишь о его состоянии (–ДИРЕКЦИОНАЛ), тогда как в (4) мы подчеркиваем переход к этому состоянию – *попасть в неприятности* (+ДИРЕКЦИОНАЛ).

Как показывает исследование, неоднородным является не только пространственное, но и темпоральное значение предлогов. Так, у предлога *in* выделяются два варианта темпорального значения: темпоральное значение, образованное в результате проецирования семы ВКЛЮЧЕНИЕ_п (*I wish you all every possible success in the future* ‘Я желаю вам всяческих успехов в будущем’) и темпоральное значение, выводимое из семы +ДИРЕКЦИОНАЛ (*I’ll be back in a second* ‘Я вернусь через секунду’).

Между количеством значений и объемом пространственной семантики предлогов наблюдается закономерная взаимосвязь. Предлоги, способные реализовать большее количество комбинаций сем (предлог *in*), имеют большее количество непространственных значений.

Развитие значений многозначных пространственных предлогов, выражающих отношения включения, происходит на основе семантической деривации посредством метафорического переноса пространственных отношений на непространственные (временные, причинные и т.д.) отношения.

Однако помимо этого исследование семантики имен, образующих левое и правое окружение предлога *in* в значении условия или состояния, показывает, что в ряде случаев позицию справа от предлога занимает имя меньшего объекта, например: *He looked very handsome in his uniform* ‘Он выглядел очень красивым в своей форме’; *There were a couple of boys in baseball caps* ‘Несколько мальчиков стояло в бейсболках’. Это противоречит тому факту, что в предложных конструкциях фоном является имя большего объекта, а фигурой – меньшего.

В подобных выражениях отношение объектов друг к другу описывается как пространственное, но предлог не указывает на местонахождение локализуемого объекта, т.е. значение предложной конструкции является квазипространственным. Установлено, что такое отношение возникает в результате идиоматизации предложной конструкции при кодировании ее внутренней формы [8, с. 143]: в позицию справа от предлога помещается имя объекта, на который обращается внимание, так как он является коммуникативно более значимым.

Сходная ситуация происходит и в примере *The castle now lies in ruins* ‘Замок теперь лежит в руинах’, где локализуемый объект уже прекратил свое существование. Поместив лексему *руины* в позицию локализующего объекта, мы обращаем внимание на образ некогда существовавшего замка, показывая, что теперь от него остались только руины.

Выявлено, что значения многозначных пространственных предлогов, обозначающих отношения включения, организованы по принципу радиальной связи с центральным звеном – пространственным значением, отдельные

компоненты которого, проецируясь на непространственные сферы, ведут к образованию новых значений. Цепочечная организация семантической структуры изученных предлогов не выявлена.

Полученные результаты, с одной стороны, подтверждают идеи других исследователей о радиальном характере связи значений предлога. С другой стороны, они дополняют уже имеющиеся результаты исследования семантики предлогов информацией о том, что значения предлогов могут образовываться не только посредством метафорического переноса пространственного значения, но и за счет идиоматизации предложной конструкции с пространственным значением.

Ряд употреблений предлогов, обозначающих отношение включения, однако, не обнаруживает связи с пространственным значением. Установлено, например, что для значения способа действия, средств или инструментов предлога *in* связь с пространственным значением не объективируется. Как указано в работе С. Линдстомберга, «*segments of language are containers: we say that we express our thoughts in words and that we can put our thoughts into words – all as if words and so forth were containers* ‘сегменты языка являются “контейнерами”: мы говорим, что выражаем свои мысли словами (досл. «в словах») и что мы можем выразить свои мысли словами (досл. «в словах») – как будто слова и т.п. являются “контейнерами”» [9, с. 77]. Возможно, так можно интерпретировать и пример *The questionnaire, in Spanish, took approximately 45 min to administer* ‘Обработка анкеты на испанском языке заняла около 45 минут’, где, однако, речь идет не о сегменте языка, а о целом языке.

Можно предположить наличие ассоциативных связей между значением способа действия, средств, инструментов и пространственным значением предлога, что, однако, требует дальнейшего изучения.

Таким образом, в ходе предпринятого исследования был установлен семный состав пространственного значения английских предлогов, обозначающих отношения включения. В состав входят семы: ВКЛЮЧЕНИЕ_п, ВКЛЮЧЕНИЕ_{п/ч}, +ДИРЕКЦИОНАЛ, +/-ДИРЕКЦИОНАЛ, –ДИРЕКЦИОНАЛ. Помимо пространственного значения в структуре семантики изученных предлогов наблюдаются от 2 до 4 значений, которые образуются в результате метафорического переноса пространственного значения предлога или идиоматизации предложной конструкции. Значения исследуемых предлогов организованы по принципу радиальной связи, центральным звеном которой является пространственное значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарасевич, Л. А. Предлоги в системе языка: проблемы и решения : учеб.-метод. пособие / Л. А. Тарасевич ; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск : МГЛУ, 2011. – 72 с.
2. Юсубов, Д. В. О подходах к изучению семантики предлогов / Д. В. Юсубов // Скандинавская филология. – 2015. – Вып. 13. – С. 260–272.

3. *Suchostawska, L.* Space and Metaphor. Polish verbal prefixes expressing the relations INTO-OUT OF and TO-AWAY FROM / L. Suchostawska. – Wrocław : Oficyna Wydawnicza Politechniki Wrocławskiej, 2005. – 147 p.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева [Электронный ресурс]. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – Режим доступа : <http://tapemark.narod.ru/les>. – Дата доступа : 04.05.2020.
5. *Бороздина, И. С.* Сравнительный анализ способов вербализации идентичных пространственных отношений в различных языках (на примере английского и русского языков) / И. С. Бороздина // Теория языка и межкультурной коммуникации. – 2008. – № 1 (3). – С. 1–5.
6. *Merriam-Webster Online Dictionary* [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.merriam-webster.com>. – Date of access : 12.03.2020.
7. *Longman Dictionary of Contemporary English Online* [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.ldoceonline.com>. – Date of access : 12.03.2020.
8. *Тарасевич, Л. А.* Предложные конструкции с пространственным значением: к проблеме идиоматизации (на материале немецкого и русского языков) / Л. А. Тарасевич // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та. – 2015. – № 2. – С. 141–146.
9. *Lindstromberg, S.* English Prepositions Explained (Revised edition) / S. Lindstromberg. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2010. – 273 p.
10. *British National Corpus (BNC)* [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.english-corpora.org/bnc>. – Date of access : 04.05.2020.
11. *Oxford English Dictionary* [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.lexico.com>. – Date of access : 12.03.2020.

The results of the research have demonstrated that there is a radial connection between the meanings of the prepositions denoting the relations of inclusion in English. It is also noted that the meanings of the studied prepositions can be formed not only through metaphorical transfer of their spatial meanings, but also due to the idiomatization of the whole construction with the spatial meaning.

Поступила в редакцию 02.11.2020

Е. В. Зуевская

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ КАУЗАЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ

В статье рассматриваются особенности функционирования разноуровневых средств выражения причинно-следственных отношений в немецком языке. В ходе сопоставления текстов художественной литературы и публицистики выявлены закономерности распределения отдельных средств выражения категории каузальности и описана их специфика в исследуемых функциональных стилях.

Интерес ученых самых разных областей знания к проблеме причинно-следственных отношений обусловлен специфичностью данной категории, которая отражает первоочередную значимость причинных отношений в жизни человека. Так, с позиции философии утверждается, что «принцип причинности претендует на всеобщность, на то, что он истинен в отношении всего, что возникает в действительности» [1, с. 27]. Данные отношения фиксируют закрепление в языке важнейшей ступени человеческого мышления – логического вывода, переход от констатации к логическому мышлению, умозаключению. А. Т. Кривоносов, проводя анализ логического уровня языковых структур, отмечает, что причинно-следственная связь лежит в основе любого умозаключения [2, с. 232]. Именно поэтому изучение проблематики выражения причинно-следственных отношений языковыми средствами не утрачивает своей актуальности.

Средства, обслуживающие категорию каузальности в современном немецком языке, разнообразны и относятся к разным уровням языка. На грамматическом уровне причинно-следственные отношения получают свое выражение при помощи сложноподчиненных предложений с союзами *weil, da, zumal, so dass, als dass*, сложносочиненных предложений с союзами и наречиями *denn, nämlich, doch, deshalb, deswegen, daher* и бессоюзных предложений, а также предположно-падежных конструкций и причастных оборотов. На лексическом уровне данное значение выражает ряд существительных и глаголов. На словообразовательном уровне причинность выражается с помощью сложных слов и дериватов [3, с. 67–80], [4, с. 55–70, 135–150].

С целью выявления особенностей функционирования разноуровневых средств выражения причинно-следственных связей в современной немецкой публицистике и художественной литературе методом сплошной выборки было отобрано 1 000 микроконтекстов с семантикой причины и следствия из материалов газетных статей и художественной литературы.

Первое отличие, отмеченное уже на этапе отбора материала, касалось количества средств выражения причины и следствия в исследуемом материале. Среди средств выражения категории причины и следствия в обоих стилях преобладали средства с семантикой причины (73 % всех примеров). Средства с семантикой следствия встречались почти в 3 раза реже (27 % случаев), что свидетельствует о том, что средства выражения причины являются более важными в процессе общения, т.е. обладают большей коммуникативной значимостью по сравнению со средствами выражения следствия.

На следующем этапе анализа была предпринята попытка установить взаимозависимость между семантикой причины и следствия и теми средствами, которые для ее выражения употребляются в обоих функциональных стилях. Результаты количественного анализа нашли свое отражение на рис. 1.

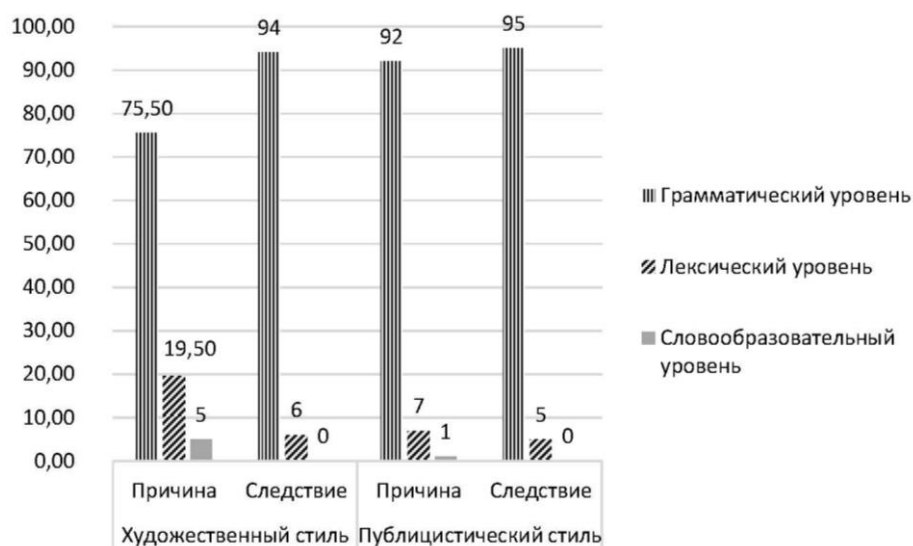
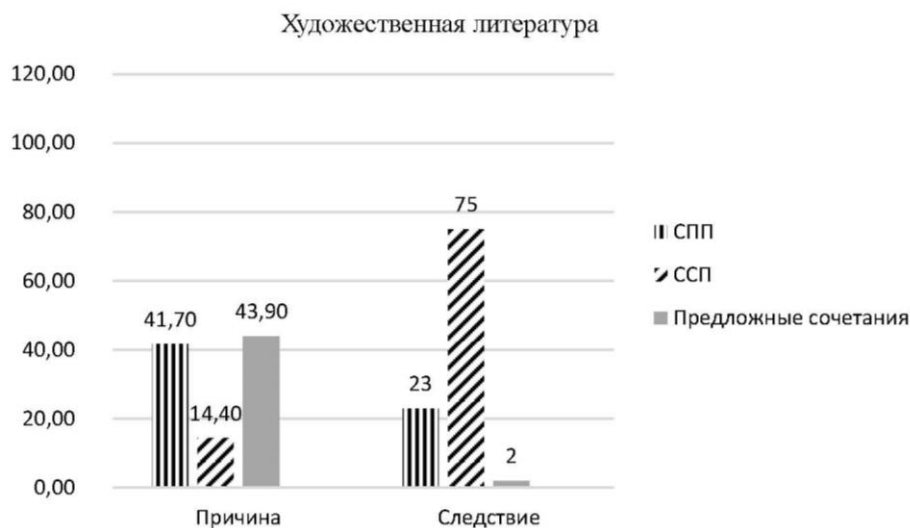

Рис. 1. Распределение средств выражения каузальности в исследуемых стилях на отдельных языковых уровнях, %

Как видно по количественным данным, представленным на рис. 1, в выборе языковых средств выражения причины и следствия в текстах исследуемых стилей прослеживается ряд особенностей. Так, грамматические средства выражения каузальности являются наиболее употребительными как в художественной литературе, так и в публицистике. Языковые единицы лексического уровня существенно чаще используются в художественной прозе. В публицистическом же стиле процент лексических средств выражения причины и следствия крайне мал (5–7 %). Что касается языковых средств словообразовательного уровня, то можно отметить, что данные средства встречаются лишь в единичных случаях и выражают только семантику причины. Для выявления закономерностей выбора тех или иных языковых средств, выражающих значение причины и следствия в исследуемых стилях, был проведен более глубокий анализ.

Общая картина распределения средств выражения причины и следствия на грамматическом уровне представлена на рис. 2.

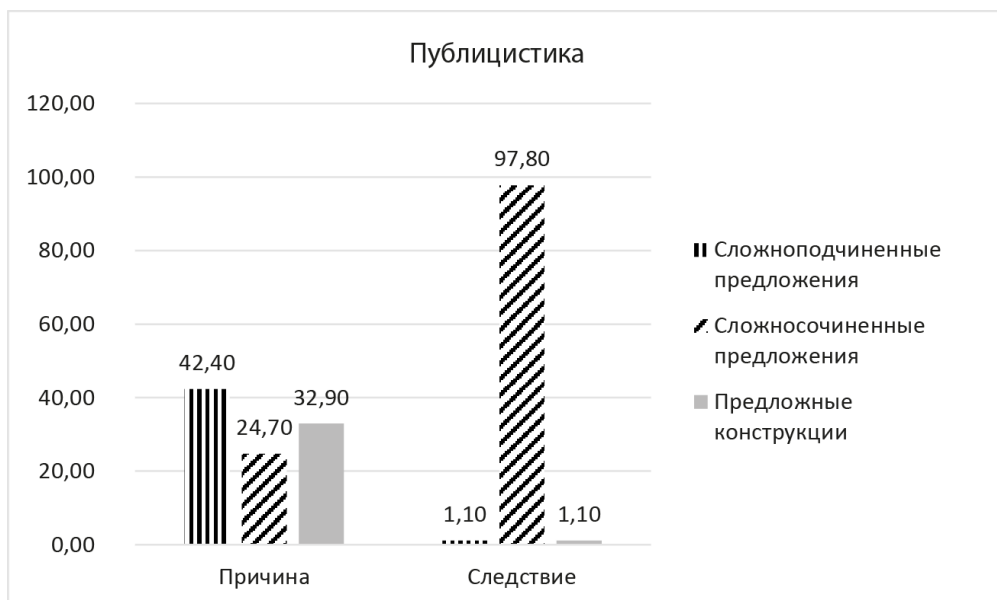

Рис. 2. Количественное соотношение грамматических средств выражения причины и следствия в исследуемых стилях, %

При детальном рассмотрении отдельных грамматических средств было установлено, что наиболее употребительным в сложноподчиненных предложениях, выражающих причину, как в текстах художественного, так и публицистического стиля является союз *weil* (58–61 % всех синтаксических средств выражения причины).

Er grinste, weil er die Abenteuerlust in ihren Augen aufblitzen sah, und wusste, dass die Krise vorerst überstanden war / Oussama B. hatte bereits in Frankreich in Haft gesessen, weil er Anfang 2015 den Angriff auf das Satiremagazin "Charlie Hebdo" bejubelt und mit eigenen Anschlägen gedroht hatte.

Следует отметить, что *weil* является чисто каузальным союзом и несет в себе обоснование без второстепенных значений. Он может употребляться как в предшествующих придаточных предложениях, так и в придаточных предложениях, следующих за главным.

Союз *zumal* был встречен значительно реже – в 15 % синтаксических конструкций в текстах художественного стиля и лишь в 2,7 % синтаксических конструкций в публицистике.

Mit jedem Schritt wurde mir dieser Körperkontakt unangenehmer, zumal seine Hände heiß und verschwitzt waren / Einen Sieg bei der Parlamentswahl im Juni sei aber noch keine ausgemachte Sache, zumal ihm kein ordentlicher Parteiapparat zur Verfügung stehe.

Союз *zumal* позволяет добавить различные факты к ранее указанной причине, усиливая таким образом значимость обоснования.

Сложноподчиненные предложения с союзом *da*, указывающим на знакомую собеседнику причину, представлены лишь в 5 % синтаксических конструкций в художественном стиле и отсутствуют в публицистике.

Da London unseren Geheimdienstquellen zufolge in den nächsten Tagen wieder Luftangriffe deutscher Marinegeschwader zu erwarten hat, haben wir beschlossen, ab sofort nach Sicherheitsprotokoll Stufe eins zu verfahren.

Основным способом связи между частями сложносочиненных предложений, выражающим причину, является союзный, он реализуется в художественных и публицистических текстах при помощи союза *denn* (22–26 % всех синтаксических конструкций).

*Der Wein war schwer von Gewürz, und die alte Frau schien dem Wasser hier mitten in der Stadt zu misstrauen, **denn** sie hatte den Wein ohne Verdünnung erwärmt. / Sein Optimismus überrascht, **denn** letztlich ist es vor allem die türkische Opposition, ob parlamentarisch organisiert oder nicht, die ihr Ziel verfehlt hat.*

Обоснование при сочинительной связи с помощью союза *denn* возможно только в постпозиции, после одной из частей сложного предложения. Это связано с тем, что обе части предложения относительно самостоятельны (и не всегда напрямую связаны), и обоснование имеет характер последующего пояснения.

Наряду с союзными сложносочиненными предложениями в публицистических текстах также регулярно используются бессоюзные предложения с семантикой причины (10,5 % всех синтаксических конструкций).

Der Kontrast zum Auftritt Petrys ist augenfällig: Nach ihrer Rede waren die meisten Delegierten sitzen geblieben, der Applaus war verhalten / Frankreichs Wähler haben sich für das Abenteuer entschieden: Die Auseinandersetzung wird ausgetragen von einem unkonventionellen Kandidaten, der aus dem Nichts die Führung in der ersten Runde der Präsidentenwahl errang, und einer ausgebufften Politikerin, die über fünf Jahre ihr Image glättete, um in die zweite Runde der Wahlen zu gelangen. Und das ist ihr gelungen.

Такого рода конструкции являются нетипичными для художественной прозы и встречаются лишь изредка (1,5 % всех синтаксических конструкций).

Среди каузальных предлогов в публицистических и художественных текстах превалирует предлог *wegen* (от 40 % в стиле художественной литературы, до 80 % в публицистике). Особенностью данного предлога является то, что он несет в себе каузальное значение без дополнительных оттенков.

*Meine Schwester Madeleine besucht auch die Saint Lennox. **Wegen** des Krieges macht sie erst dieses Jahr ihren Abschluss / Mum hatte ein ziemlich schlechtes Gewissen **wegen** meiner vorgeblichen Grippe / Merkel muss es bei ihrem Besuch in Putins Präsidentendatscha also schaffen, Druck **wegen** dessen Rolle im Ukraine-Konflikt auszuüben und ihn gleichzeitig zur Zusammenarbeit für einen Frieden in Syrien zu bewegen.*

Обращает на себя внимание также тот факт, что среди предлогов с семантикой причины большей частотностью обладают однозначные предлоги (*wegen, aufgrund zufolge, dank*), многозначные же предлоги (*aus, vor,*

durch), у которых семантика причины актуализируется в тексте и зависит от лексического окружения, употребляются существенно реже и демонстрируют большую частотность в диалогах художественных текстов, практически не встречаясь в публицистике.

*Ich nickte. Der Chronograf steht da einfach so herum? In unserer Zeit ist er im Keller in einem Safe eingeschlossen, **aus** Angst vor Dieben / Wir zittern jetzt schon **vor** Angst. Gideon schien es egal zu sein, dass Mr Marley ihn noch hören konnte.*

В противоположность указанным выше примерам предлоги *zufolge*, *anlässlich*, *aufgrund* ограничены в своем употреблении в основном публицистическими текстами.

*Früheren Umfragen **zufolge** hat Macron gute Chancen, neuer Präsident Frankreichs zu werden / „Der Herzog und die Herzogin (Prinz William und seine Frau Kate) freuen sich, dieses Bild **anlässlich** des zweiten Geburtstags von Prinzessin Charlotte zu teilen“, hieß es in einer Mitteilung des Palasts / Russland wäre **aufgrund** seiner 20 Kilometer langen, gemeinsamen Grenze mit Nordkorea ebenfalls unmittelbar von einer Eskalation betroffen*, что связано с определенными семантическими ограничениями. Так, например, предложения с предлогом *zufolge* указывают на различные сообщения, опросы, выступления и характеризуются достаточно высокой официальностью. Предлог *anlässlich* используется в основном в официально-деловом стиле для указания на повод события. Использование *aufgrund* ограничено названием только действий, процессов и состояний в качестве причины.

Аналогично средствам выражения причины был выполнен анализ функционирования средств выражения следствия на грамматическом уровне. Как показывают количественные данные, более широкий спектр грамматических конструкций с семантикой следствия представлен в художественном стиле, в котором обнаружены все типы данных конструкций. В публицистическом стиле такие конструкции, как сложноподчиненные предложения и предложные сочетания, представлены лишь единичными примерами.

*Was würde ein Mensch über sich und die Welt herausfinden, wenn ein böser Dämon ihm die Sinne vernebelte, **so dass** er weder den Himmel noch die Erde, noch Gegenstände, Menschen oder irgendetwas anderes wahrnehmen könnte?*

При выражении следствия в немецкоязычных художественных и публицистических текстах на грамматическом уровне наиболее употребительными являются примеры с сочинительной связью, среди которых несомненным лидером являются примеры с наречием *deshalb* (48 % всех синтаксических конструкций в художественной литературе и 73 % в публицистике): *Mein Bruder Nick war zwölf und fand Geschichten mit Zauberern und Feen blöd, **deshalb** tippte er auf die spionierenden Einbrecher. Leslie und ich waren für die Privatdetektive*. При этом наречием *deshalb* не всегда соединяются две части сложного предложения, оно также регулярно используется в качестве вводного слова, когда необходимо подчеркнуть значимость следствия.

*Er kämpft für Arbeiter, ja, aber nur, wenn sie französische Arbeiter weißer Hautfarbe sind. **Deshalb** fliegt er aus dem Gewerkschaftsverbund CGT, deshalb verlässt er LO und NPA [58].*

Менее употребительными явились конструкции с *daher* (около 11 % в обоих стилях) и *deswegen* (16–17 %).

*Ach Gwen! Du hast selber gesagt, der erste Zeitreisende hieß de Villiers und der Graf muss **deswegen** entweder ein legales oder ein illegales Mitglied dieser Familie sein, das verstehst du doch, oder? Sonst hätten auch seine Nachkommen diesen Namen nicht / Das Buch, das zuoberst auf dem Stapel danebenlag, war mit dunkelbraunem Leder eingebunden und sehr dick und schwer, **daher** ließ ich es beim Blättern auf dem Stapel liegen.*

Наречие *daher* используется, когда говорящий делает окончательный вывод, указывая на то, что следствие не в связи со внешним воздействием, а под влиянием говорящего. Данная семантика накладывает определенные ограничения на использование *daher*, следствием чего является его низкая частотность как в художественной прозе, так и в публицистике. Также и наречие *deswegen*, как правило, используется для передачи информации в устной речи, что и подтверждается его встречаемостью лишь в речи персонажей художественных произведений.

Наименее частотными оказались придаточные предложения с союзом *so dass* (1 % примеров в публицистике и около 20 % в художественной литературе) и *als dass* (около 4 % примеров в художественной литературе).

*Wir werden Sie mit genügend Geld ausstatten, **so dass** Sie auf sich allein gestellt existieren können / Die deutlichste Spur wies nach Brevnov bei Prag, doch Brevnov war zu unbedeutend und durchsichtig, **als dass** es das Versteck der Teufelsbibel hätte sein können.*

Частотность лексических средств выражения причины и следствия в художественной литературе существенно выше, нежели в публицистике. При этом как в публицистике, так и в художественной прозе преобладают существительные (соответственно 76 % и 66 % всех лексических средств выражения причины и 100 % всех средств выражения следствия).

*Tilney gab es keinen **Grund**, Schwierigkeiten anzunehmen. Ihr Leben ist von den Wächtern auf das Genaueste protokolliert / Rumzumachen? Was für ein unschönes Wort. Ich wäre Euch sehr dankbar, wenn Ihr mich über **die Ursache** Eures Unmuts aufklären und dabei an eure Ellenbogen denken könntet. Sie gehören bei dieser Figur nach unten. / Was es allerdings gibt, ist die Geschichte von einer Gruppe von Flüchtlingen, Frauen und Kinder aus Frankreich, Hugenotten, die vor den Massakern in der **Folge** der Pariser Bluthochzeit geflohen und bis hierher an unser Ende der Welt gelangt sind.*

Наряду с существительными для выражения причины в отобранном корпусе материала также используются глаголы.

Mehrere Brände haben am Wochenende in Thüringen einen Sachschaden von weit über einer halben Million Euro verursacht / „Ihr glaubt also, der Mord an einem unschuldigen Mädchen würde Gottes Beifall hervorrufen? Interessant.“ Gideons Hand fuhr in die Rockinnentasche, doch dann zuckte er unmerklich zusammen.

Средствами выражения причины на словообразовательном уровне являются сложные слова и дериваты, однако как в текстах художественного стиля, так и в публицистике данные образования представлены единичными примерами: „Warum ausgerechnet hier oben, Gwenny?“, hörte ich Gideon hinter mir fragen. „Charlotte hat **Höhenangst**“, erklärte ich / In Deutschland ist die **Prüfungsangst** nicht ganz so ein gravierendes Thema. Allerdings gibt es auch hier enorme Unterschiede zwischen den Geschlechtern / „Nur **interessehalber**: Wie viel hast du der Hebamme gezahlt, Grace?“, fragte Falk de Villiers. Seine Augen hatten sich in der letzten Minute zunehmend verengt, und als er Mum jetzt ins Visier nahm, sah er aus wie ein Wolf.

Средств выражения следствия на словообразовательном уровне в обоих функциональных стилях выявлено не было, что свидетельствует об их незначительной роли в выражении категории каузальности в немецком языке.

Подводя итоги сопоставительного анализа, возможно констатировать как ряд сходств, так и различий в функционировании средств выражения причины и следствия в художественных и публицистических текстах.

Среди схожих черт следует отметить, что в обоих функциональных стилях преобладают грамматические средства выражения каузальности, среди лексических средств чаще используются существительные, словообразовательные же средства употребляются лишь в исключительных случаях. Частота использования отдельных средств выражения причины связана в первую очередь с их коммуникативной значимостью. Так, наибольшей частотностью, независимо от стиля, обладают грамматические средства, с помощью которых говорящий помещает причину в позицию ремы в высказывании. Наряду с этим фактором, значимой оказывается нейтральность тех или иных средств, их возможность широкого сочетания с другими языковыми средствами, что влечет за собой их бóльшую употребительность.

Обнаруженные же различия в употреблении средств выражения причинных отношений касаются, в первую очередь, удельного веса и разнообразия грамматических конструкций. Так, несмотря на номинативность публицистического стиля, в нем чаще употребляются сложные предложения, благодаря чему удается наглядно показать взаимосвязь нескольких действий, событий, процессов, что сложно сделать с помощью других языковых средств. В художественных текстах отмечена бóльшая вариативность средств выражения причины, в частности наиболее разнообразно представлены предложные конструкции, что обуславливается отчасти авторской интенцией, отчасти способностью предложных конструкций более тонко передавать нюансы и оттенки значения, чтобы достичь определенного воздействия на воображение и чувства читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Князев, Н. А. Проблема причинности в философии : Концепция двух уровней : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 10.02.01 / Н. А. Князев. – М., 1993. – 40 с.
2. Кривоносов, А. Т. Язык, логика, мышление. Умозаключение в естественном языке / А. Т. Князев. – М.; Н.-Й. : Валанг, 1996. – 682 с.
3. Гулыга, Е. В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М. : Просвещение, 1969. – 184 с.
4. Buscha, J. Grammatik in Feldern: Ein Lehr- und Übungsbuch für Fortgeschrittene / J. Buscha. – München : Verlag für Deutsch, 1998. – 336 S.

The study of different-level means of expressing cause-and-effect relations in German made it possible to establish the regularities in the distribution of all means used for expressing the category of causality in fictional and journalistic texts. The frequency of grammatical means of expressing a cause is primarily associated with their communicative significance, so the most frequent grammatical means are those with the help of which the speaker places the reason in the position of the rheme in the sentence. Besides the neutrality of certain means, their possibility of wide combinability with other linguistic means is significant for their greater use.

Поступила в редакцию 01.12.2020

Ю. А. Король

О СЕМАНТИКЕ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

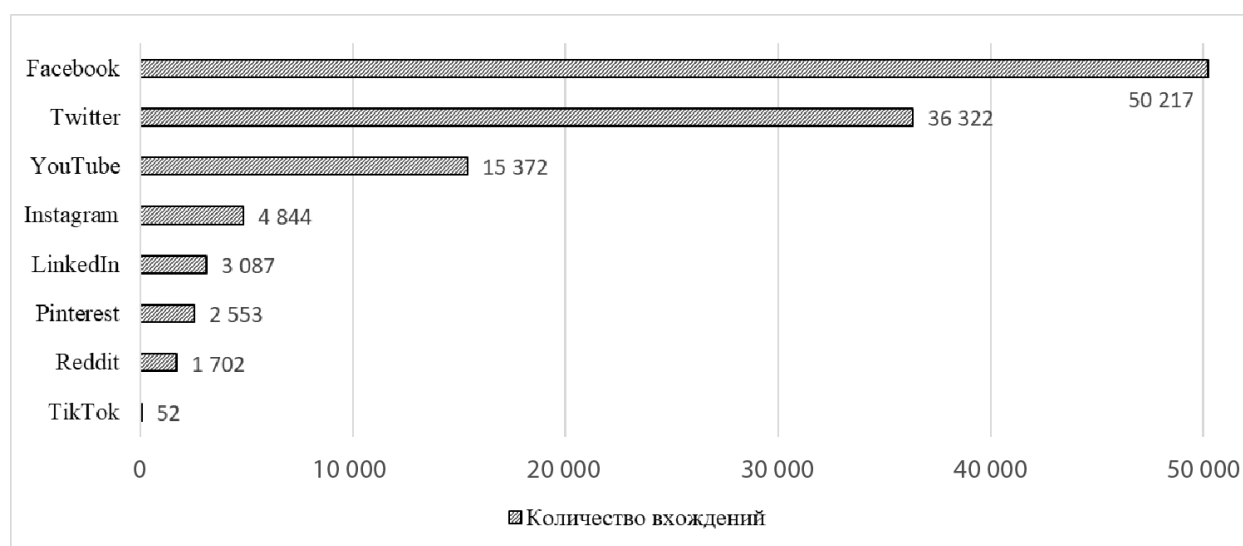
(на материале глаголов, образованных от наименований социальных сетей)

В статье рассматриваются особенности семантики английских глагольных неологизмов, образованных по конверсии от наименований популярных социальных сетей. Делается вывод о том, что новые отсубстантивные глаголы вписываются в известные модели типовых семантических отношений между производящей базой и производным словом. Общее для всех анализируемых глаголов словообразовательное значение модифицируется и конкретизируется в речевой практике, высвечивая наиболее значимые функциональные характеристики обозначаемых мотивирующим словом социальных сетей. Анализ контекстных употреблений шести глагольных неологизмов позволяет прогнозировать будущие пути их лексикализации и идиоматизации.

Важнейшим фактором обогащения лексической системы английского языка новыми единицами является неуклонное развитие сферы информационных технологий, в частности интернет-медиа. Одним из таких триггеров стало появление в 1996 г. первой виртуальной социальной сети Classmates.com и последующий стремительный рост популярности социальных платформ в 2003–2004 гг., когда в США были запущены LinkedIn, MySpace и Facebook.

В январе 2019 г. международное агентство «We Are Social» опубликовало отчет по итогам исследования в области интернет-коммуникации, содержащий рейтинг наиболее популярных социальных сетей по количеству пользователей [1]. При составлении списка использовались данные о количестве активных профилей для каждой платформы по состоянию на 25 января 2019 года. Согласно подсчетам лидирующие позиции занимают Facebook (2, 2 млрд пользователей), YouTube (1,9 млрд пользователей) и Instagram (1 млрд пользователей).

Популярность социально-сетевых ресурсов находит отражение в речевой практике в активном использовании их названий и, как следствие, в формировании на их базе новых слов, в частности глаголов. Так, в Корпусе современного американского английского языка (СОСА) [2] наименования популярных англоязычных социальных сетей, взятых из упомянутого выше рейтинга, представлены следующим образом:

Согласно корпусным данным наиболее частотными и, соответственно, ядерными единицами оказались *Facebook*, *Twitter*¹, *YouTube* и *Instagram*. Не случайно именно эти наименования стали производящими базами для новых глаголов *to Facebook*, *to Twitter*, *to YouTube* и *to Instagram*, уже получивших фиксацию в некоторых толковых словарях (например, в «Collins English Dictionary» и «Oxford Dictionary of English»). Примечательно, что комплексная структура единиц *Facebook*, *YouTube* и *Instagram* не мешает образованию соответствующих конверсиров, что связано, на наш взгляд, с популярностью данных социальных сетей и частотностью употребления их названий. Обращает на себя внимание тот факт, что менее частотные наименования *LinkedIn* и *TikTok* не демонстрируют подобной производящей активности (согласно Корпусу современного американского английского языка и известным нам

¹ Нами были отсеяны омонимичные формы со значением ‘щебетание’, выборку составили исключительно именные формы в единственном числе в общем падеже.

толковым словарям). Своего рода исключение составили периферийные единицы *Pinterest* и *Reddit*, для которых корпус фиксирует единичные употребления глаголов *to Pinterest* и *to Reddit*, но словари пока не включают их в свой словник. Это наблюдение свидетельствует о разной степени укорененности в системе английского языка единиц *to Facebook*, *to Instagram*, *to Twitter* и *to YouTube*, с одной стороны, и *to Pinterest* и *to Reddit* – с другой.

Настоящая статья ставит **целью** выявление особенностей семантики новых отсубстантивных глаголов в английском языке, образованных от наименований социальных сетей. Материалом исследования послужили отмеченные выше дериваты *to Facebook*, *to Instagram*, *to Twitter*, *to YouTube*, *to Pinterest* и *to Reddit*. Описание семантики производного слова, как неоднократно подчеркивалось дериватологами, требует обращения к значению источника деривации (и репрезентируемой концептуальной структуре), что обусловлено мотивационными отношениями между единицами. В случае отсубстантивных глаголов, по мнению П. Кипарского, наиболее важным является знание о типичном применении или функции обозначаемого мотивирующим словом денотата [3, р. 481]. Соответственно, актуализация фоновых знаний о функциональных характеристиках рассматриваемых социальных сетей станет необходимым шагом в процессе декодирования значений соответствующих производных глаголов.

На первом этапе нашего исследования в качестве источника информации о значениях отсубстантивных глаголов *to Facebook*, *to Instagram*, *to Twitter* и *to YouTube* и соответствующих производящих баз было выбрано их лексикографическое описание в толковом словаре английского языка «Collins English Dictionary» [4]. Поскольку, как отмечалось ранее, глаголы *to Pinterest* и *to Reddit* не зафиксированы ни в одном из доступных нам лексикографических изданий, они были исключены из рассмотрения на данном этапе исследования.

Сразу привлекает внимание тот факт, что практически все производные слова за исключением глагола *to Facebook* являются однозначными. Характерно также, что все описываемые глаголы, как и следовало ожидать, указывают в своем значении на то или иное действие, совершаемое в социальной сети, обозначаемой мотивирующим словом. Например, семантика глагола *to YouTube* (v) «1. to post (a video file) on the YouTube website ‘размещать (видеофайл) на сайте YouTube’» актуализирует информацию о традиционном типе использования денотата, обозначенного словом *YouTube* (n) «1. a website on which subscribers can post video files ‘сайт, на котором подписчики могут размещать видеофайлы’». В значении глагола *to Instagram* (v) «1. to share (a photograph) using the Instagram application ‘поделиться (фотографией) в приложении Instagram’», образованного от существительного *Instagram* (n) «1. a photo-sharing application for computers and mobile phones ‘приложение по размещению фотографий для компьютеров и мобильных телефонов’», предикат *to share* ‘делиться, размещать’ указывает на наиболее значимую, по мнению лексикографов, функцию данной социальной сети – размещение

фотографий. В папе *Twitter* (n) «1. a website where people can post short messages about their current activities ‘сайт, на котором пользователи могут размещать короткие сообщения о своих текущих делах’» → *Twitter* (v) «1. to write a short message on the Twitter website ‘написать короткое сообщение на сайте Twitter’» такой функцией является составление коротких сообщений. Очевидно, что все выделенные глагольные предикаты (‘post’, ‘share’, ‘write’) возможно свести к единому ‘размещать пост’, валентностное окружение которого зависит от особенностей социальной сети, обозначенной производным словом. Судя по словарным данным, для *Instagram* это фотография, для *YouTube* – видеоролик, для *Twitter* – текстовое сообщение.

Словарное толкование существительного *Facebook* (n) «1. a popular social networking website ‘популярный социально-сетевой ресурс’» не раскрывает важных характеристик денотата, в то время как в семантике производного глагола высвечиваются некоторые из них: *Facebook* (v) «1. to search for (a person’s profile) on the Facebook website ‘искать (чей-то профиль) на сайте Facebook’; 2. to use the Facebook website ‘пользоваться сайтом Facebook’». Предикаты *to search* ‘искать’ и *to use* ‘использовать’ определяют тип действия, а приращенный компонент в позиции объекта *a person’s profile* ‘чей-то профиль’ дополняет информацию об обозначаемом процессе. Если второе значение глагола *to Facebook* подсказывается лексико-семантической отнесенностью денотата существительного, то первое выводимо только благодаря обращению к фоновым знаниям о данной социальной сети.

Таким образом, по словарным данным семантика анализируемых глаголов указывает на действие, традиционно выполняемое в той или иной социальной сети, и варьируется в зависимости от денотативных характеристик производящих баз. Кроме того, имеет место появление добавочных компонентов в случае глагола *to Facebook*.

Обращение к контекстуальным употреблением глаголов *to Facebook*, *to Instagram*, *to Twitter*, *to YouTube*, *to Pinterest* и *to Reddit* в Корпусе современного американского английского языка (COCA) позволило несколько дополнить список наследуемых в процессе словообразования признаков для каждого из глаголов и увидеть пути их дальнейших семантических модификаций. Нами было отобрано и проанализировано 637 глагольных употреблений. По итогам контекстуального анализа были выделены некоторые регулярно актуализируемые предикаты¹. Это, во-первых, общее значение ‘пользоваться сайтом/проводить время на сайте’, отмечаемое лексикографами только в семантической структуре глагола *to Facebook*, характерно и для остальных производных:

<...> *the sacrifice he made to stay off Twitter, don’t text people, don’t instagram, things like that.* ‘<...> он сделал все, чтобы держаться подальше от Твиттера, не писал никому в мессенджерах, не пользовался Инстаграмом и тому подобное’;

¹ Все представленные далее примеры взяты из Корпуса современного американского английского языка

*They never blogged, Flickr'd, **YouTubed** and used any other Social Media* ‘Они никогда не вели блог, не пользовались Flickr, Ютубом и другими социальными медиа’;

*A lot of people **twitter** from their phones.* ‘Многие пользуются Твиттером со своих телефонов’;

*Then remove all these instances (all the blogging, tweeting, texting, **redditing** etc), and see what remains* ‘Затем исключите все моменты, когда вы пишете в блоге, переписываетесь в мессенджерах, пользуетесь твиттером, Reddit и другими сайтами, и посмотрите, что останется от вашего дня’;

*Maybe I'll **Pinterest**. I hear that's a thing* ‘Возможно, я начну пользоваться сервисом Pinterest. Слышал, что сейчас это модно’.

Во-вторых, значение ‘размещать пост’ свойственно не только глаголам *to Instagram*, *to YouTube* и *to Twitter*, но и дериватам *to Facebook* и *to Pinterest*. В случае первого форма публикации может быть абсолютно любой:

*Angelika **Facebooked** their love story* ‘Анджелика сделала пост в Фейсбуке про их историю любви’; *They're **facebooking** this. The video is out there* ‘Они все выкладывают в Фейсбук. То видео уже на странице’; *I'm definitely going to be **facebooking** a link over here right now!* ‘Я определенно собираюсь разместить эту ссылку у себя на странице в Фейсбуке прямо сейчас!’.

Что касается глагола *to Pinterest*, то речь идет о размещении понравившегося изображения на виртуальной «доске»:

*<...> to get everything done and done in a way that somehow looks like it should be **Pinterested*** ‘<...> сделать все настолько безукоризненно, чтобы хотелось разместить фото на Pinterest’.

Примечательно, что для глагола *to Instagram* были обнаружены единичные контекстные употребления, допускающие вариативность характера публикуемой информации:

*Oh, and Colin called from D.C. Sang Bruce Springsteen to him over the phone. <...> I **Instagrammed** it* ‘Да, и Колин позвонил из Вашингтона. Спел ему песню Брюса Спрингстина по телефону. <...> Я сделала пост об этом в Инстаграме’. В приведенном примере глагол может обозначать публикацию аудиофайла, графической и/или текстовой информации.

Глагол *to Instagram* интересен еще и тем, что в целом ряде употреблений его семантика не сводится к упомянутому ‘размещать пост (= фотографию)’, а также содержит в своем составе сему ‘сделать фотографию’ (мобильное приложение Instagram предоставляет такую техническую возможность). Ср.:

1. *I took a couple of pictures and **instagrammed** them* ‘Я сделал пару фото и выложил их в Инстаграм’;

2. *Well, that's why I need it – to **Instagram** the moment and preserve the memory. <...> You know, the brain does a lot of very interesting things. You know, remembering stuff is one of the things it does. You should give it a shot sometime* ‘Ну, вот почему мне это нужно – запечатлеть момент, выложив после

в Инстаграм, и сохранить воспоминание. <...> Знаешь, наш мозг выполняет много интересных задач. Одной из таких является запоминание. Но иногда стоит сделать снимок’.

В то время как в первом примере с помощью двух языковых средств *took pictures* и *instagrammed* четко разделены процессы фотографирования и последующего размещения полученных фотографий, во втором случае расширенный контекст дает основания объединить эти два признака в одном глагольном значении. Необходимо отметить, что третья ситуация, когда глагол *to Instagram* обозначал бы исключительно процесс фотографирования, маловероятна, поскольку соответствующее приложение не позволяет сделать фотографию, не опубликовав ее.

В-третьих, в семантике исследуемых глаголов реализуется значение ‘писать кому-нибудь’, в случае когда одной из ключевых функций социальной сети является обмен личными сообщениями. Это в первую очередь *Facebook* и отчасти *Twitter*. Соответствующие глаголы, как правило, сочетаются с прямым дополнением, выраженным местоимением или одушевленным существительным:

Hey, listen, you had mentioned before, you know, something about Facebooking Dusty ‘Эй, послушай, ты как-то говорила о том, что писала Дасту в Фейсбуке’; *I already Facebooked her* ‘Я уже написал ей в Фейсбуке’;

Friends demand be <...> Twittered ‘Друзья хотят, чтобы им писали в <...> Твиттере’; *I Twittered you today* ‘Я написала тебе в Твиттере сегодня’.

Наконец, наряду с глаголом *to Facebook*, значение ‘искать кого/что-нибудь’ обнаружено у производных *to YouTube* и *to Pinterest*, поскольку опция поиска видеороликов и изображений соответственно является важной составляющей функционала данных сайтов. При этом во многих словоупотреблениях значение глагола *to YouTube* включает также сему ‘смотреть видеоролик’:

You can YouTube it, you can look it up on the internet ‘Вы можете поискать это в Ютубе или посмотреть в Интернете’; *YouTube both of their live acts and you will be impressed* ‘Найди и посмотри в Ютубе оба их живых выступления и ты будешь впечатлен’;

<...> *they had different feelings about babyproofing their home <...> We have done a lot of Pinteresting, but not a lot of actually doing* ‘<...> у них были разные мысли о том, как сделать свой дом безопасным для ребенка <...> Мы много времени потратили на поиски идей в Pinterest, но не на конкретные действия’.

Проведенный анализ значений и контекстных употреблений данных отсубстантивных глаголов позволил обнаружить в их семантике общее словообразовательное значение ‘пользоваться’, а также уточняющие тип пользования, в большинстве своем контекстуальные лексические значения ‘размещать пост’, ‘писать’, ‘искать’. Внутри частных глагольных значений также обнаруживается дифференциация по характеру публикуемой информации или типу поиска, что следует из стоящего при глаголе аргумента в роли объекта.

Очевидно, что набор этих значений для каждой единицы определяется наиболее важными функциональными характеристиками самих социальных сетей, обозначенных производящими словами. Несмотря на обилие предлагаемых данными социально-сетевыми ресурсами опций, во всех случаях значимыми оказываются функции размещения поста, отправки личных сообщений и поиска информации, что позволяет сделать вывод об определенной избирательности в выборе наследуемых семантикой дериватов мотивирующих признаков.

Следует отметить, что новые глаголы, образованные по конверсии от наименований популярных социальных сетей, укладываются в известные модели типовых семантических отношений между исходным существительным и производным глаголом. С одной стороны, общее для всех дериватов значение пользования соответствует типовому значению «использовать оружие или предмет, названный существительным, по назначению или в соответствии с его функцией», выделяемому Г. П. Троицкой наряду с еще восемью семантическими группами [5, с. 13–14], а более частные значения, как уже было сказано выше, уточняют тип пользования. С другой стороны, отношение значений анализируемых производных глаголов и значений их производящих баз можно охарактеризовать как локативное, а сами глаголы отнести к локативной группе отсубстантивных глаголов (*location denominal verbs* в классификации Е. Кларк и Г. Кларка [6, р. 768–781]). Общая парафрастическая формула для глаголов данной группы содержит денотат источника деривации в локативном падеже, который указывает на местоположение или пространственную ориентацию действия или состояния, называемого глаголом. В нашем случае такой локацией является социально-сетевой ресурс, где можно ‘проводить время’, ‘размещать пост’, ‘писать’, ‘искать’.

Таким образом, установив характер зависимости между наименованиями социальных сетей и производными от них глаголами, мы пришли к выводу о том, что рассматриваемые дериваты не выбиваются из общей канвы типовых семантических отношений между исходным существительным и производным глаголом. Лексическое значение данных производных слов обладает открытой и динамичной структурой, которая никоим образом не ограничена закрепленными в их значениях семантическими компонентами, а под влиянием контекста модифицируется и профилирует целый ряд дополнительных, регулярно повторяющихся признаков. Выделенные в результате дефиниционного и контекстуального анализа предикаты определяются прототипическими характеристиками социальных сетей, которые высвечиваются в семантике глаголов в определенном окружении. Следует отметить, что анализ контекстных реализаций шести глагольных неологизмов в современном английском языке, образованных от наименований социальных сетей, с одной стороны, демонстрирует полную выводимость глагольных значений ввиду их мотивированности, а с другой – позволяет прогнозировать будущие пути лексикализации и идиоматизации этих производных слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Digital in 2019 [Electronic resource]. – Mode of access : <https://wearesocial.com/global-digital-report-2019>. – Date of access : 04.08.2020.
2. COCA – Corpus of Contemporary American English [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.english-corpora.org/coca>. – Date of access : 21.08.2020.
3. Kiparsky, P. Remarks on Denominal Verbs / P. Kiparsky // Argument Structure. – Stanford : CLSI, 1997. – P. 473–499.
4. Collins English Dictionary. Complete and Unabridged [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.collinsdictionary.com>. – Date of access : 15.08.2020.
5. Троицкая, Г. П. Семантические связи при образовании отыменных глаголов способом конверсии в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. П. Троицкая ; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л., 1965. – 19 с.
6. Clark, V. E. When Nouns Surface as Verbs / E. V. Clark, H. H. Clark // Language. – 1979. – Vol. 55, № 4. – P. 757–811.

The article presents an overview of semantic features, typical of new denominal verbs in the English language, whose parent nouns denote popular social networks. It has been concluded that the new verbs in question fall within the known models of semantic relations between denominal verbs and their parent nouns. The common verbal meaning “to use the subject, denoted by the parent noun” is specified in various communicative situations, profiling the most salient functional characteristics of designated social networks.

Поступила в редакцию 06.11.2020

Н. И. Курганова

ИСТОКИ ВАРИАТИВНОСТИ ОБРАЗА МИРА

В статье выделяется набор факторов, обуславливающих национально-культурную специфику образа мира у носителей разных языков и культур. Особое внимание уделяется речевому общению как главному инструменту освоения культуры. В зависимости от ценностных установок культуры речевое общение может быть направлено на субъекта коммуникации или на ее объект, что является первопричиной дифференциации двух способов когнитивно-дискурсивной активности – рационального и эмоционально-оценочного.

Усиливающаяся глобализация и интенсификация межкультурного общения на фоне роста «этничности» актуализировали проблему национально-культурной вариативности когнитивной и коммуникативной деятельности у носителей разных языков и культур, что побуждает исследователей к поиску национально-культурных особенностей конструирования образа

мира. В лингвистике вопросы изучения национально-культурной специфики репрезентации мира обсуждаются в когнитивной лингвистике, психолингвистике, лингвокультурологии и пр. Особое место в этом ряду занимает этнопсихолингвистика, призванная, по словам В. А. Пищальниковой, решать проблемы национально-культурной вариантности когнитивной и коммуникативной деятельности, а также междисциплинарные проблемы содержания этнического сознания [1, с. 12–13]. В отличие от других дисциплин этнопсихолингвистика сосредоточивается на «отражении национально-специфических компонентов культуры в речевой деятельности» [Там же, с. 26], а не на уровне языковой системы. Характерной особенностью этой науки является ее междисциплинарность: она стремится учитывать взаимодействие комплекса факторов – языка и речи, психологии и культуры, мышления и сознания. Кроме того, она использует в своем арсенале методики и процедуры, обеспечивающие доступ к функционированию образа мира, языкового сознания, т.е. того «живого знания», которое репрезентировано в общественном или индивидуальном сознании посредством слова или дискурса.

Традиционно в работах лингвистического плана исследование национально специфичного знания ограничивается описанием концептов или «образов сознания» через выделение набора семантических или концептуальных признаков, что, однако, не позволяет увидеть определенные тенденции и закономерности в осмыслении мира или его фрагментов. Цель нашего исследования – уточнить набор факторов, обуславливающих национально-культурную специфику когнитивно-дискурсивной деятельности у носителей разных языков и культур, и на этой основе выявить глубинные истоки вариативности образов мира.

Как известно, образ мира формируется и функционирует в определенном социокультурном пространстве, в результате чего он не может быть независим ни от конкретной среды, ни от механизмов взаимодействия в этой среде. Для современного человека такой естественной средой выступает *культура*, в атмосферу которой индивид попадает с момента своего рождения. В таком случае логично полагать, что именно культура и будет выступать тем главным фактором, который направляет соответствующим образом когнитивное развитие индивида. Отметим, что вопрос о влиянии культуры на характер познавательных процессов уже давно обсуждается в науке (см., например, [2; 3; 4]). В лингвистике он поднимается в рамках проблемы взаимосвязи языка и культуры, но, как правило, исследователи ограничиваются уровнем словарного состава языка, т.е. акцентируется внешняя сторона культурных различий, которая, скорее всего, служит поверхностной манифестацией глубинных внутренних расхождений, связанных со спецификой взаимодействия в мире.

Для того, чтобы объяснить механизм влияния культуры на когнитивную и дискурсивную деятельность носителей языка и результаты их познания, необходимо, прежде всего, уточнить само понятие культуры и выделить ее наиболее существенные характеристики, поскольку в современной науке нет единого понимания данного понятия. В специальной литературе насчитывается несколько сотен определений культуры (см., например, [5]), при этом данный термин трактуется весьма противоречиво. С одной стороны, культура понимается как крайне широкое и многогранное явление, выражающее все стороны человеческого бытия: культура – это «человеческая среда», которая придает человеческой жизни и деятельности форму, смысл и содержание [6, с. 30]. С другой стороны, под влиянием когнитивной науки культура определяется как система знания или как внутренняя концептуальная система [7, р. 323–324].

Наше понимание культуры основано, во-первых, на признании подлинного антропоцентризма, поскольку культура как сугубо человеческий феномен невозможна без человека: она существует в умах, представлениях людей, а также системе их взаимодействий. Именно человек наделяет предметы значениями, и только для человека культурные объекты обладают определенным смыслом. Во-вторых, обсуждение влияния культуры на специфику знания и познания в лингвистике возможно на основе семиотического подхода, разрабатываемого в отечественной науке Ю. М. Лотманом, согласно которому культура выступает как созданный человечеством *«механизм, имеющий целью выработку и хранение информации»* (курсив наш. – Н. К.) [8, с. 395]. Это значит, что при определении культуры важно учитывать ее главные функции: сохранение, накопление и трансляцию опыта и знаний, вырабатываемых социумом в определенном культурном и историческом контексте, что предполагает обязательный учет языка и речи. В-третьих, мы принимали во внимание сложный и комплексный характер культуры. Так, С. В. Лурье пишет, что, будучи ««полем действия», культура предоставляет возможности действия», определяет условия для действия, в силу чего «культура является как процессом, так и структурой» [9, с. 10–11]. Подобная трактовка культуры (как процесса и результата) позволяет говорить о выделении двух аспектов в ее функционировании: субстанционального, который представляет определенный результат культурного процесса и включает совокупность значений в широком смысле, и процессуального, характеризующего процесс культурной деятельности.

Таким образом, национальная культура представляет собой комплексную функциональную систему по формированию, сохранению и трансляции опыта и знаний, которая может быть охарактеризована с двух сторон: а) через совокупность *результатов* деятельности, т.е. значений и смыслов, вырабатываемых лингвосоциумом на определенном этапе развития и репрезентированных в знаке, а также б) через призму всех тех когнитивно-дискурсивных *процессов*, которые ведут к формированию системы культурных значений.

Активная роль в функционировании культуры принадлежит когнитивно-дискурсивным процессам, т.е. речевому взаимодействию, «вписанному» в соответствующий культурный контекст. Это объясняется рядом факторов. Во-первых, речевое общение выступает главным условием присвоения индивидом результатов и достижений исторического развития человечества [10, с. 81], поскольку большую часть своих знаний индивид получает из общения с другими. В научной литературе можно найти массу подтверждений того, что ребенок, лишенный общения со взрослыми, не способен прийти к каким-либо формам деятельности или освоить их без участия других людей, даже при наличии предметов материальной и духовной культуры [11, с. 174]. Во-вторых, благодаря речевому общению конституируется общественное бытие и коллективное знание. Вспомним С. Московичи, который утверждал, что только в коммуникации знание приобретает разделяемый характер [12, р. 167]. Н. И. Жинкин совершенно справедливо полагал, что речь как «транспортёр мысли» способствует поддержанию единства в обществе [13, с. 74].

В-третьих, речевое общение формирует индивидуальное сознание человека: как писал Л. С. Рубинштейн, «через посредство речи, этой “общественной формы познания”, общественное сознание начинает с раннего детства формировать индивидуальное сознание человека» [14, с. 466]. В ходе речевого взаимодействия формируются психика и мышление индивида, на что в свое время указывал Л. С. Выготский [2]. В этой связи особого внимания заслуживает идея П. Бергера и Т. Лукмана о выделении двух уровней социализации индивида: *первичной* и *вторичной*. *Первичная* социализация имеет место в детстве, когда ребенок усваивает культурные значения и выработанную в культуре систему ценностей; *вторичная* социализация связана с разделением труда и социальным распределением знания; в этот период доминируют процессы конструирования смыслов [3, с. 25]. Из этого следует, что в процессе первичной социализации индивид сначала усваивает принадлежащий данному социуму «универсум общих значений», т.е. некую совокупность разделяемых в социуме знаний. И по мере освоения результатов культуры индивид исподволь формирует свое «когнитивное оснащение» в виде определенного набора операциональных механизмов – когнитивных стратегий, схем и операций. Это операциональное знание, представленное в виде структурированного набора когнитивных процессов, детерминирует определенным образом получение индивидом знаний в будущем.

Таким образом, речевое общение выступает как неотъемлемая составная часть функционального механизма культуры, который, с одной стороны, «вписан» в культуру и ориентируется на ее ценности, а, с другой, выступает инструментом культуры, который ориентирует индивида в его познавательной и коммуникативной деятельности. Возникает вопрос: «За счет чего речевое взаимодействие учитывает ценностные ориентации культуры и направляет познавательную активность индивида?».

Одним из наиболее значимых факторов, обуславливающих как специфику когнитивно-дискурсивной деятельности лингвосоциума, так и специфику образа мира индивидов, выступает тип коммуникации: *диалогический* или *монологический*. Диалогическая коммуникация представляет собой настоящий диалог, «при котором его участники стараются учитывать индивидуальные особенности друг друга и соответствующим образом “трансформировать” собственное сознание» [15, с. 18]. При монологической коммуникации, по мнению Д. Б. Гудкова, не происходит взаимной коррекции когнитивных пространств коммуникантов, поскольку участники коммуникации озабочены лишь тем, чтобы «заявить о собственной позиции, понимаемой как единственно правильной, совершенно при этом не учитывая позицию собеседника» [Там же]. В таком случае различия в типе коммуникации должны сказываться тем или иным образом на качестве и объеме разделяемого знания, вырабатываемого в социуме. Логично предположить, что соотношение монологической и диалогической коммуникации, а также их уместность или использование в той или иной ситуации существенно различаются в разных типах культур. Например, в культурах с большой дистанцией власти, с жесткой иерархией право на монолог принадлежит не всем, а лишь тем, кто стоит на верхушке этой иерархии. Коммуникация с подчиненными происходит преимущественно в виде распоряжений, постановлений, приказов, спущенных сверху. В инновационных культурах, напротив, велика роль обсуждения проблем в экспертных группах, в профессиональных группах и сообществах.

Следующим важным фактором, влияющим на характер когнитивно-дискурсивной деятельности социума, выступает ориентация коммуникации на контекст *общения* или на его *содержание*. Как известно, Э. Холл на основании изучения коммуникативных процессов пришел к выводу, что между культурами существуют значительные различия в том, как используются средства коммуникации в межличностном общении (см.: [16, р. 105–115]). Например, представители низкоконтекстных культур больше внимания обращают на *содержание* сообщения, на то, **что** сказано, а не на то – **как**; их коммуникация в слабой степени зависит от ситуации. В высококонтекстных культурах при передаче информации люди склонны в большей степени обращать внимание на *контекст* сообщения, на то, с кем и в какой ситуации происходит общение. Эта особенность проявляется в придании особой значимости *форме сообщения*, тому *как*, а не *тому, что* сказано [17, с. 167].

Анализ научной литературы по проблемам продуцирования речи (см., например, [4; 18; 19; 20; 21; 22]), а также изучение процессов естественного семиозиса (смыслопорождения) в ходе ассоциативных экспериментов, проведенных в разных странах [23; 24; 25], позволяют утверждать, что процессы речемыслительной активности характеризуются целенаправленностью и социальной обусловленностью. Это значит, что речевым событиям

присущи определенные намерения или цели, поскольку «мы имеем дело не только с лингвистическими объектами, но и с результатами некоторых форм социальной деятельности» [22, с. 94].

Мы полагаем, что целенаправленность в ходе продуцирования смыслов обеспечивает культурная установка, вырабатываемая носителями языка и культуры в процессе взаимодействия в определенной социокультурной (политической, экологической) среде. Установка или интенциональность направляет определенным образом когнитивно-дискурсивные процессы индивидов. По мнению В. А. Барабанщикова, установка несет возможность требуемой активности: *«именно установка переводит возможность в действительность, разворачивает его иерархическую структуру»* (курсив наш. – Н. К.) [26, с. 104–105]. Благодаря установке даже чувственные впечатления обуславливаются социально через ожидания, потребности и ценности субъекта [Там же, с. 102]. Фиксированная установка – это результат «многократного воспроизведения одной и той же потребности, и ситуации», т.е. установка формируется в процессах взаимодействия в определенной среде. Тем самым установка представляет собой обобщенный ответ на сумму взаимодействий в определенных условиях, следовательно, она культурно обусловлена.

Сравнительно-сопоставительное исследование процессов смыслопорождения в ходе ассоциативных экспериментов, проведенных в разных странах и культурах в течение почти 20 лет (см., например, [23; 24; 25]), позволяет сделать вывод о том, что в основе дифференциации образов мира у носителей разных языков и культур лежит различная *направленность* когнитивно-дискурсивных процессов. Анализ смысловых связей «слово-стимул – ассоциат», проведенный в рамках исследуемых ассоциативных полей, полученных на слова-эквиваленты от носителей разных языков и культур, показал, что процессы смыслообразования «разворачиваются» по двум направлениям: как направленность *на объект* или *на субъект коммуникации*, что является принципиальным условием дифференциации двух путей когнитивно-дискурсивной активности – рационального и эмоционально-оценочного. Ориентация на объект коммуникации (предмет речи) запускает рационально-аналитические стратегии смыслообразования, что выражается в использовании схем и операций понятийно-аналитического мышления. Направленность на субъект коммуникации активизирует эмоционально-оценочные стратегии и образно-ситуативное мышление. Выделенные смыслообразовательные стратегии являются своеобразным защитным механизмом культуры, нацеленным на сохранение культурных констант и целостности культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пищальникова, В. А. История и теория психолингвистики : курс лекций. – М. : Моск. гос. лингв. ун-т, 2007. – Ч. 2. Этнопсихолингвистика. – 200 с.

2. *Выготский, Л. С.* История развития высших психических функций : собр. соч. в 6 т. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 3. – 368 с.
3. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
4. *Лурия, А. Р.* Основные проблемы нейролингвистики / А. Р. Лурия. – 2-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.
5. *Грушевицкая, Т. Г.* Основы межкультурной коммуникации : учебник для вузов / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин ; под ред. А. П. Садохина. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с.
6. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист : пер. с фр. ; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Едиториал УРСС. – 2002. – 448 с.
7. *Spiro, M. E.* Some reflections on Cultural determinism and relativisme with Special Reference to Emotion and Reason // Richard A., Shweder, Robert A. Le Vine. Cultural Theory. Essays on Mind, Self and Emotion. – Cambridge, L., NY, New Rochelle, Sydney : Cambridge University Press, 1984. – P. 323–346.
8. *Лотман, Ю. М.* Семиосфера : культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992) / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
9. *Лурье, С. В.* Психологическая антропология : история, современное состояние, перспективы : учеб. пособие / С. В. Лурье. – 2-е изд. – М. : Академический проект : Альма Матер, 2005. – 624 с.
10. *Андреева, Г. М.* Социальная психология : учебник для студентов высш. учебных заведений / Г. М. Андреева. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 365 с.
11. *Корнилова, Т. В.* Методологические основы психологии / Т. В. Корнилова, С. Д. Смирнов. – СПб. : Питер, 2008. – 320 с.
12. *Moscovici S.* Introductory Address / S. Moscovici // Papers on social representations. – 1993. – V. 2. – № 3. – P. 160–170.
13. *Жинкин, Н. И.* Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М. : Наука, 1982. – 157 с.
14. *Рубинштейн, С. Л.* Основы общей психологии : в 2 т. / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1989. – Т. 1. – 488 с. – Т. 2. – 328 с.
15. *Гудков, Д. Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности – М. : Изд-во Изд-во МГУ, 1999. – 152 с.
16. *Hall, E. T.* Beyond culture / E. T. Hall. – N. Y. : Anchor Books, 1976. – 298 p.
17. *Стефаненко, Т. Г.* Этнопсихология : учебник для вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 368 с.
18. *Ахутина, Т. В.* Порождение речи : Нейролингвистический анализ синтаксиса / Т. В. Ахутина. – 3-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 224 с.
19. *Залевская, А. А.* Введение в психоллингвистику : учебник / А. А. Залевская. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.
20. *Зимняя, И. А.* Психология обучения иностранным языкам в школе / И. А. Зимняя. – М. : Просвещение, 1991. – 221 с.

21. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики : учебник для студентов высш. учебных заведений / А. А. Леонтьев. – 4-е изд., испр. – М. : Смысл ; Изда-тельский центр «Академия», 2005. – 288 с.
22. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 5-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
23. Курганова, Н. И. Межкультурный диалог как способ освоения культуры / Н. И. Курганова. – Мурманск : МГПУ, 2007. – 312 с.
24. Курганова, Н. И. Роль и место смыслового поля при моделировании значения слова / Н. И. Курганова. – Мурманск, МГГУ, 2012. – 296 с.
25. Курганова, Н. И. Образ мира через призму концептов повседневности / Н. И. Курганова. – Минск, РИВШ, 2020. – 200 с.
26. Барабанщиков, В. А. Восприятие и событие / В. А. Барабанщиков. – СПб. : Алетейя, 2002. – 512 с.

The article highlights a set of factors that determine the national and cultural specifics of the world image. Special attention is paid to speech communication as the main tool for the acquisition of culture. Depending on the values of the culture, verbal communication can be directed at the subject or at the object of communication. This is the primary reason for the differentiation of the two ways of cognitive and discursive activity: rational and emotional-evaluative.

Поступила в редакцию 06.11.2020

Д. И. Тупик

УЗУАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЖЕНСКОГО РОДА (на материале французских наименований действующего лица)

В статье проводится анализ современных тенденций системного закрепления женского рода французскими толковыми словарями в сравнении с иными справочными изданиями, опирающимися на речевые употребления. Ряд наименований женского рода в силу исключительной новизны не находит отражения в эталонных словарях французского языка. Лексикография, как правило, учитывает региональные особенности определенных наименований женского рода и присваивает им соответствующие пометы. Специально оговариваются также слова, вышедшие из употребления в силу их исторических особенностей, и слова, имеющие нестабильные окказиональные формы. Особое место в исследованном материале занимают факты омонимии «действующее лицо / неодушевленный предмет», характерные для обоих родов среди наименований.

Термин *наименование действующего лица* рассматривается французскими лексикологами и дискурсологами в отношении слов, обозначающих профессию, должность, звание или титул [1, р. 33; 2, р. 42–43]. В последние десятилетия изучение этой лексики существенно осложнилось в связи с интенсивным развитием различных движений, деятельность которых направлена на защиту равенства полов. Известно, что закрепление женского

рода за существительными – процедура далеко не формальная. Выдающийся французский лексиколог А. Вальтер много работала над этой проблемой в конце 80-х гг. XX века [3]. Главным ее тезисом стало то, что именно речевые привычки носителей культуры являются основным индикатором пути от окказионального до узуального, и зачастую даже Французская академия, утверждающая регистрацию узуального статуса слова, должна с этим считаться.

Вместе с тем в ходе нашего исследования мы покажем, что эталонные французские словари Le Robert [4] и Larousse [5] регистрируют в некоторых случаях существенные различия в отношении рекомендаций к употреблению действующего лица женского рода. Эти различия свидетельствуют о глубине рассматриваемых нами вопросов, решение которых приобретает не только механическую словообразовательную процедуру (присвоение системного суффикса женского рода) и соответствующую модификацию значения, но и в некотором смысле идеологическую направленность. Уже при первом приближении мы сталкиваемся с красноречивыми примерами. Так, женский род профессии *écrivain* ‘писатель’ в форме *écrivaine* или *une écrivain* оговаривается в Le Robert как «существующее употребление», тогда как Larousse признает обе формы без особых примечаний. На этом фоне напомним, что во второй половине прошлого века ряд выдающихся французских писательниц – Ф. Саган, С. Де Бовуар, М. Дюрас, М. Юрсенар – были отмечены престижными литературными премиями (напр., Гонкуровская премия), а М. Юрсенар стала первой женщиной среди членов Французской академии в 1980 г. Итак, сложность изучаемых социолингвистических процессов побуждает нас представить их более подробный анализ.

История вопроса насчитывает более 30 лет и связана с появлением государственного органа под названием «Высший совет по французскому языку», функционировавший в северных франкофонных странах (Бельгия, Канада, Франция, Швейцария) и занимавшийся в том числе вопросами присвоения женского рода различным категориям действующих лиц. Специальные издания рекомендательного характера позволяли этому органу регулировать практические узуальные потребности функционирования языка в рамках их соответствия развитию общества. До 2010 года Высший совет был реорганизован, что дает нам основание ориентироваться на эталонные французские словари Le Robert и Larousse. Из наиболее современных изданий по проблематике отметим вышедший в 2014 году справочник под названием *Mettre au féminin : guide de féminisation des noms de métier, fonction, grade ou titre* ‘Образовать женский род: справочник женского рода для наименований профессий, должностей, званий и титулов’ [6]. В нем представлены около 1700 наименований женского рода, многие из которых мы изучили с помощью указанных словарей.

Ряд наименований действующего лица отсутствует в словарях в форме обоих родов по причине исключительной новизны обозначаемых понятий: например, *clavardeuse* ‘участница чата’, *customiseuse* ‘персонализатор’, *youtubeuse* ‘активный пользователь сервиса Youtube’.

Поскольку речь идет о нескольких франкофонных странах, в словарях закономерно встречаются пометы, указывающие на региональный, неуниверсальный характер того или иного термина. Таковыми являются, например, *échevine* ‘заместитель бургомистра’, *préfète* ‘директор средней школы’, *rhétoricienne* ‘ученица на курсе риторики’ в Бельгии; *appointée* ‘солдат первого класса’, *logopédiste* ‘логопед’, *sommelière* ‘официантка’ в Швейцарии; *marguillière* ‘член производственного совета в приходе’, *pourvoyeuse* ‘менеджер рыболовно-охотничьего хозяйства’, *préfète* ‘глава окружного муниципалитета’ в Канаде. Уже на уровне регистрации регионализмов можно констатировать некоторую асимметрию в исследуемых словарях: например, Larousse иллюстрирует для *préfète* только значение ‘жена префекта’, тогда как Le Robert учитывает французскую, бельгийскую и канадскую особенность этого термина.

Наименования действующего лица с формами женского и мужского родов, закрепленные в обоих словарях и одновременно в упомянутом справочнике, составляют около 75 % от общего числа. Причем в Larousse это значение несколько ниже. Данные единицы соответствуют официальной академической рекомендации, и в их числе можно встретить как достаточно давно существующие, так и новые слова: ср., *docteure* ‘доктор (ученая степень)’, *grammairienne* ‘специалист по грамматике’, *députée* ‘депутат’ и *bucheronne* ‘лесоруб’, *manageuse* ‘менеджер’, *pédégère* ‘генеральный директор’. В качестве примечания обратим внимание на то, что перевод приведенных наименований указывает на отсутствие их адаптации в русской культуре, что может стать предметом особого исследования.

Следующую важную группу наименований представляют слова, закрепленные словарями только в форме мужского рода, в то время как справочник указывает на обе формы, используемые как в устной практике носителей культуры, так и в текстах различной степени формализованности: *une bourrelle* ‘изверг’, *une carrossière* ‘мастер кузовных работ’, *une dalleuse* ‘плиточник’, *une fontainière* ‘специалист по обеспечению питьевой водой’, *une forgeronne* ‘кузнец’, *une laboureuse* ‘пахарь’, *une malfrate* ‘бандит’, *une pirate* ‘пират’, *une plafonneuse* ‘специалист по потолочной лепке’, *zingueuse* ‘оцинковщик’. Парадоксально, что ряд наименований действующего лица, не зафиксированных словарями в форме женского рода, относятся к условно мужским сферам деятельности и, наоборот, утверждены в форме женского рода в условиях их более явного отношения к «мужской» сфере деятельности: ср., соотв. *assureur* ‘страховой агент’, *clown* ‘клоун’, *cuisinot* ‘повар’, *écrivain* ‘писатель’, *encaisseur* ‘коллектор’, *imposteur* ‘самозванец’, *impresario* ‘импресарио»; *couvreuse* ‘кровельщик’, *agricultrice* ‘фермер’, *ambulancière* ‘водитель машины скорой медицинской помощи’, *arboricultrice* ‘лесовод’, *brancardière* ‘санитар (в машине скорой медицинской помощи)’, *catcheuse* ‘кетчер (в бейсболе)’, *cordonnière* ‘сапожник’, *dealeuse* ‘торговец наркотиками’, *émailleuse* ‘эмалировщик’, *journalière* ‘поденщик’, *menuisière* ‘столяр’.

Достаточно обширное поле в нашем материале представлено наименованиями с признанной формой женского рода с ограниченной сферой употребления или иными оговорками, сопровождающимися соответствующими словарными пометами. Показательным в этом смысле оказывается слово *couturière*. Le Robert представляет его в двух значениях, гиперонимически связанных с «титолом», с одной стороны (*Coco Chanel fut un grand couturier* ‘Коко Шанель была великим кутюрье’), и с «профессией», с другой стороны (*Celui ou celle qui coud (...) des vêtements (surtout de femme)* ‘Человек, который шьет одежду, особенно женскую’). Последнее значение выступает омонимичным по отношению к значению *Dernière répétition d’une pièce de théâtre avant la répétition générale (où les couturières font les ultimes retouches aux costumes)* ‘Последняя репетиция театральной пьесы перед генеральной (когда швеи вносят последние элементы в костюмы)’. Безусловно, факт омонимии существенно компрометирует существование формы женского рода действующего лица наряду с наименованием мероприятия. Подчеркнем также и факт отсутствия значения ‘швея...’ в Larousse.

Наиболее распространенной пометой для наименований действующего лица в форме женского рода, кроме исторически вышедших из употребления и не имевших референта женского пола (*hist.*), является *rem. (remarque)* ‘прим. (примечание)’. В сущности, основное назначение этой пометы в отношении нашего материала заключается в иллюстрировании окказиональной нестабильности соответствующих слов, а именно параллельного употребления формы мужского рода с артиклем женского рода и адаптированной формой женского рода с помощью системно закрепленных суффиксов типа *-euse*, *-trice* и т.п. Примечательно, что среди обнаруженных слов встречаются достаточно известные и, казалось бы, хорошо адаптированные наименования: *babysitteur / babysitteuse* ‘няня’, *chef / cheffe* ‘начальник’, *imprimeur / imprimeuse* ‘печатник’, *mannequin / mannequine* ‘манекенщица’.

Важнейшим фактором, влияющим на неоднозначность закрепления женского рода в системе, является омонимия. В нашем материале выявлены целые классы наименований действующего лица, имеющие иной референт среди неодушевленных предметов. Эталонные словари в этих случаях не всегда оформляют отдельные значения для омонимов. Нами выявлены следующие группы таких наименований:

а) имеющие формы обоих родов и омоним с иным референтом мужского рода: *graveur* ‘резчик’ / ‘гравер (устройство)’, *rapporteur* ‘докладчик’ / ‘транспортёр’;

б) имеющие формы обоих родов и омоним с иным референтом женского рода: *coiffeuse* ‘стилист’ / ‘туалетный столик’, *fraiseuse* ‘фрезеровщик (женщина)’ / ‘фрезерный станок’;

в) имеющие форму мужского рода и омоним с иным референтом мужского рода: *céréaliér* ‘цереальер’ / ‘судно для транспортировки злаковых культур’, *récepteur* ‘получатель’ / ‘приемник, ресивер’;

г) имеющие форму женского рода и омоним с иным референтом женского рода: *perforeuse* ‘оператор перфоратора’ / ‘перфоратор’, *remmailleuse* ‘специалист по плетению звеньев’ / ‘устройство для восстановления звеньев цепных механизмов’;

д) имеющие формы обоих родов и омоним с иным референтом женского и мужского рода: *laveuse* ‘мойщик (посуды)’ / ‘моечная машина’, *dépanneuse* ‘эвакуаторщик’ / ‘эвакуатор’.

В изученном материале обнаружены слова с еще более объемной семантикой в плане соотношения рода с одушевленным и неодушевленным референтом. Например, *repasseur* / *repasseuse* регистрируется в Larousse с тремя значениями: для мужского рода ‘гладильщик’ и ‘специалист по заточке’, а для женского рода неодушевленное ‘гладильный пресс’. Слово *trancheur* / *trancheuse* имеет пять значений в зависимости от рода, причем три мужских и одно женское наименования имеют одушевленный референт и два женских наименования – неодушевленный референт.

В последние годы во французском лингвистическом сообществе развивается достаточно острая полемика в отношении феминизации наименований действующего лица. Суть ее сводится отнюдь не к компрометированию представительниц женского пола, выполняющих социально и профессионально новые функции, а именно к их защите. Действительно, если функция лица омонимична с наименованием устройства (машины, аппарата), это может показаться унижительным и рассматриваться как половая агрессия: *cafetière* ‘владелица кафе’ vs. ‘кофейный аппарат’... По мнению некоторых ученых, систематизация таких фактов лишь усилит половую дискриминацию [7, р. 53]. В то же время наименования действующего лица мужского рода имеют больше омонимов с неодушевленным референтом (более 40 слов), что существенно ослабляет позицию противников феминизации имен.

Сложная ситуация складывается в тематическом поле должностей (*ambassadeur* ‘посол’, *ministre* ‘министр’ и т.п.) на фоне возрастающего числа лиц женского пола, выполняющих соответствующие функции. Традиционно форма женского рода для таких наименований использовалась для обозначения супруги должностного лица. Во избежание негативной коннотации словари рекомендуют обращаться к формуле «Madame + наименование должности в мужском роде» (*Madame l’ambassadeur*) и сохранять системную морфологическую составляющую для обозначения супружеской связи (*l’ambassadrice*).

Таким образом, систематизация наименований действующего лица во французском языке находится под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов. Франкофонное пространство северного полушария имеет в целом единый подход к выработке нормы женского рода, как для неологизмов, так и для хорошо известных слов. Эталонные словари французского языка Le Robert и Larousse демонстрируют несколько консерва-

тивный подход в закреплении имен женского рода в отличие от справочников, которые ориентируются на тенденции речевого употребления. Несмотря на различные целевые установки указанных словарей – языковая и энциклопедическая соответственно, около 30 % исследованных слов содержат отличия в лексикографическом представлении. Наконец, актуальность проведенного анализа подкрепляется фактами лакунарности перевода материала на русский язык, что может получить развитие при дальнейшем изучении межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Arbour, M.-È.* Féminisation linguistique : étude comparative de l'implantation de variantes féminines marquées au Canada et en Europe / M.-È. Arbour, H. de Nayves, A. Royer // *Langages et Société*. – 2014. – № 148. – P. 31–51.
2. *Dister, A.* De l'ambassadrice à la youtubeuse : ce que disent les dictionnaires de référence sur le féminin des noms d'agents / A. Dister // *Revue de sémantique et pragmatique*. – 2017. – № 41–42. – P. 41–58.
3. *Walter, H.* Le français dans tous les sens / H. Walter. – Paris : Ed. Robert Laffont, S.A., 1994. – 386 p.
4. Dictionnaire Le Robert [Ressource électronique]. – Mode d'accès : <https://dictionnaire.lerobert.com/>. – Date d'accès : 04.08.2020.
5. Dictionnaire Larousse [Ressource électronique]. – Mode d'accès : <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/> – Date d'accès : 04.08.2020.
6. *Moreau, M-L.* Mettre au féminin : guide de féminisation des noms de métier, fonction, grade ou titre / M-L. Moreau, A. Dister. – 3e éd. – Bruxelles : Fédération Wallonie-Bruxelles, 2014. – 99 p.
7. *Miesse, H.* La « guerre de la Cafetière »: affaire d'état ou tempête dans un encier ? / H. Miesse. – Université de Liège, 2006. – 109 p.

The article presents the analysis of the difference between the dictionary meaning and the speech use of the French agent title names of the feminine gender. Some of them don't exist so far in the dictionaries because of their novelty. Others are assigned special tags because of their historical peculiarities or asymmetric use. One of the most controversial lexical groups is represented by homonyms “feminine/masculine agent vs. inanimate object”.

Поступила в редакцию 13.10.2020

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

А. А. Буевич

КОНЦЕПТ «СЛОВО БОЖЬЕ» В БИБЛИИ
И РУССКОМ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются особенности репрезентации концепта «Слово Божье» в текстах Библии и русском религиозно-философском дискурсе. В качестве репрезентантов выступают лексемы *глас Бога, уста Бога, Христос, Благая весть, проповедь* и др.

Христианство пронизывает всю нашу историю, культуру и традиции. Потребность понимать, изучать, исследовать христианские концепты является проявлением духовной жизни человека, формированием его духовного кода. Этот код определяет наше бытие и ментальность, обуславливает поведение и деятельность.

Сакральная ипостась духовного кода строится на сакральных ценностях, истоками которых являются Книги Библии и тексты Священного Предания. Библия содержит выразительное учение о Слове Божьем как самооткровении Бога в Иисусе Христе, единственном источнике знания о Боге, от которого мы полностью зависим. Как утверждают представители религиозной философии (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Г. Г. Шпет), мир вещей и мир слов определяются отношениями творения. Слово формирует, рождает, генерирует, творит мир.

Идея творящего слова нашла воплощение в трудах В. Гумбольдта, А. А. Потебни, неогумбольтианцев и др. В последнее время в лингвистике усиливается интерес к языку религии и религиозному дискурсу (Мечковская, 1998; Постовалова, 2013, 2014; Гадомский, 2015, 2016; Маслова, 2016, 2018; Буевич, 2016).

Цель статьи – выявление особенностей репрезентации концепта «Слово Божье» в текстах Библии и русском религиозно-философском дискурсе.

Материалом для данного исследования послужили тексты Ветхого и Нового Заветов на русском языке (Синодальный перевод) и тексты русских религиозных философов П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, А. Ф. Лосева.

Основными методами при этом выступили описательно-аналитический, контекстный анализ, применялись приемы этимологического анализа и сплошной выборки.

Изначально люди обожествляли слово, преклонялись перед его могуществом и силой. Подтверждением этому могут выступать слова современного филолога и философа С. С. Аверинцева: «Мы молимся Тебе, Слово, от начала бывшее у Бога». Слово сквозь призму духовного кода – это своеобразный «сосуд», хранящий смыслы, соотносимые с тем или иным предметом

или явлением. Оно заряжает предмет энергией, делая его своим, познанным, определяет его место в своем бытии, ибо слово – «максимально напряженное осмысление бытия» [1, с. 40].

Возможность творить посредством слова унаследована человеком от Бога. Согласно Библии, главным свидетелем на Божьем Суде станет именно Слово: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» [2, Мф. 12: 36–37]. Ничто из услышанного и произнесенного не проходит бесследно для человека, оно оставляет на нем отпечаток, своего рода матрицу, хранящуюся в самых глубинных недрах памяти.

Тексты Библии пропитаны верой в магическую силу слова. В Послании Иакова язык сравнивается с рулем корабля: при правильном его использовании корабль будет идти благополучно, если же повернуть руль неверным образом, то корабль ждет крушение. Также и язык определяет курс жизни, судьбу человека [2, Иак. 3: 4–5].

В Писании особое значение придается силе слов. В Книге Притчей утверждается, что человек сам себя связывает словами: «Ты опутал себя словами уст твоих, пойман словами уст твоих» [2, Притч. 6:2].

В первой главе Библии, в книге Бытия, десять повествований о сотворении мира начинаются словами: «И сказал Господь». Бог творит мир Своим Словом, имеющим повелительное наклонение: «Да будет». Это Слово одновременно представляет собой действие, в равной степени, как и любое действие человека, является исполнением его слова (или мысли). Вся Библия посвящена тому, как Слово Божье звучит в истории, и тому, как человек откликается на него.

Во-первых, Бог обращается к пророкам или патриархам напрямую [2, Втор. 18:15–22; Иер. 1:6–19; Иез. 13:2, 3, 17]. Он предупреждает Адама, чтобы тот не вкушал от древа познания добра и зла; Он взывает к Моисею изнутри горящего тернового куста; Он обещает Аврааму, что умножит его семья, как звезды или морской песок. Затем Бог говорит в Сыне Своем [2, Мф. 5:17–20]. Слово Бога всегда сбывается.

Во-вторых, Бог заключает со Своим народом договор, или Завет, который сегодня называется «Ветхим». Слово Божье становится устным, а потом и писаным законом [2, Исх. 34:28; Втор. 9:9, 11, 15]. В десяти заповедях, начертанных на каменных скрижалях, Бог предстает перед людьми как Автор: «Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства» [2, Исх. 20:2]. Десять заповедей – «скрижали каменные, на которых написано было перстом Божиим» [Исх. 31:18; 32:15–16; 34:1; Втор. 4:13; 9:10–11; 10:2–4]. Моисей говорит народу: «Храните и исполняйте законы, ибо в этом мудрость ваша и разум ваш пред глазами народов, которые, услышав о всех сих постановлениях, скажут: только этот великий народ есть народ мудрый и разумный» [2, Втор. 4:6].

Библия – это Слово Божье. Утверждение «так сказал Господь» очень часто встречается в Ветхом Завете. Для составителей Нового Завета эти

контексты представляли собой источник самого Бога. В Новом Завете «Слово Божье» отождествляется с Христом и Благой вестью, что свидетельствует об уникальной живой связи между ними. Как «Слову Божьему», авторитетному для Церкви и для мира, Евангелию в его главном содержании действием Святого Духа придана письменная форма. Таким образом, оба Завета представляют собой неразрывное единство Слова Божьего, заключающее в себе божественный авторитет.

Особое значение в Ветхом Завете имеет коммуникативный акт «Бог–человек», который на лексическом уровне представлен еврейскими словами *peh* ‘уста’ и *dabar* ‘слово’, ‘говорить’. Пророки Моисей [2, Чис. 3:16, 51; Нав. 22:9] и Иисус Навин [2, Нав. 19:50] получали наставления для своего народа из «уст» Господа. Соответственно, произносимые ими слова, они объявляли словом Божиим.

В Библии существительное *dabar* (иврит: דבר) со значением ‘слово’ или ‘вещь’ встречается 394 раза. Через данную лексему трансформируется представление о реальном и конкретном выражении личности Бога, поскольку Бог – это то, что Он говорит. Наивысшее средство, через которое Бог открывается Своим творениям, – это Его слово, выражение Его сущности и природы [2, 1 Цар. 3:21]. Слово Божье дало бытие миру, послужило началом истории всего сущего. В ветхозаветных текстах лексема *dabar* репрезентируется следующими символами: источник жизни [2, Пс. 118:25], свет [2, Пс. 118:105] и истолкование [2, Пс. 118:160]. В Септуагинте еврейскому *dabar* соответствуют греческие лексем *rhema* ‘речь’ и *logos* ‘слово’.

В некоторых случаях, описанных в Библии, Бог непосредственно говорил с людьми. В таких контекстах на лексическом уровне слово Божье репрезентируется лексемами *глас/голос*. Это *глас с Сина* (кол ми–Синай), *глас с небес* (ивр. בַּת קוֹל; араб. أَلْقَرَن; *Bath–Kol*; *Бат–Кол*; букв. ‘дочь голоса’) [3, с. 860]. Голос Бога означает могущество и часто отождествляется с громом [2, 2 Цар. 22:14; Иов 37:2–5; Пс. 17:14].

В Писании голос Бога используется как метафора Его личности, при этом иллюстрируется характер загадочности и устрашающей силы. В Послании к евреям говорится о Божественном вмешательстве, которое может пошатнуть землю и все мироздание: «Глас тогда поколебал землю... ныне дал такое обещание: “еще раз поколеблю не только землю, но и небо”» [2, Евр. 12:26]. По причине загадочности и трансцендентности Бога голос Его может вызывать великий страх у людей: «Есть ли какая плоть, которая слышала бы глас Бога живого, говорящего из среды огня, как мы, и осталась жива?» [2, Вт. 5:26; Ис. 6:8; Иез. 1:24; 43:2; Евр. 12:19].

Еще одной формой Слова Бога является проповедь. В Ветхом Завете проповедь репрезентируется лексемами *basar* ‘возвещать Благою весть’, *qophelet* ‘проповедник’, *qara* ‘провозглашать’ или ‘взывать’, *qeri`ah* ‘проповедуй’. В Новом Завете проповедь вербализируется посредством греческих лексем *euangelizo* ‘возвещать Благою весть’ [2, Мф. 11:5]; *kerysso* ‘быть вестником, глашатаем’; *diangelo* ‘возвещать’, ‘проповедовать’ или ‘рас-

пространять' [2, Лк. 9:60; Деян. 21:26; Рм. 9:17]; *katangelo* 'торжественно провозглашать' [2, Деян. 13:5; 1 Кр. 11:26; Кл. 1:28]. Все они употребляются с оттенком возвещения или благовествования.

В Откровении 5:2 говорится о «сильном ангеле, который провозглашал *keryssonta* громким голосом: «Кто достоин снять печати со свитка и раскрыть его?» [2, Откр. 5:2]. Лексема *kerysso* передает здесь мысль о проповеди как об открытом или всенародном провозглашении вести и указывает на официальное извещение, оглашение.

В обоих Заветах пророки метафорически ассоциировались с «устаами Божиими», призванными провозглашать волю Божию и Его заповеди [2, Иер. 15:19]. Нередко их пророчества сопровождались поэтическими вдохновениями и находили выражение в поэтических приемах – эмоциональная окрашенность стиха, аллитерация (у Исаии, Амоса, Наума, Михея и др.). Слова пророков, вербализованные лексемами *объявлять*, *возвещать*, *возглашать* или *проповедовать*, обозначают вопли, возгласы, ликование [2, Исх. 36:6; 2 Пар. 24:9; Дан. 5:29; Ос. 5:8]. В отличие от лжепророков, истинный пророк был призван только возвещать Слово Господа, а не навязывать собственные суждения и мысли.

В Новом Завете проповедь распространяется через иудеев, которые истолковывают тексты Ветхого Завета по субботам в синагогах; через Иоанна Крестителя, призывающего к покаянию [2, Мф. 3:1–2; Мк. 1:3; Лк. 3:3]; через Иисуса Христа, провозглашающего наступление Царства Божьего; через исцеленных Иисусом Христом людей, которые проповедуют о великом Божьем подвиге спасения; через апостолов и учеников Христа, говорящих об Иисусе как о распятом, воскресшем и грядущем Господе [2, 1 Кор. 1:23).

Анализ библейских текстов показал, что Слово Божье – это *сила*, которой Бог определяет то, что *будет* происходить [2, Еф. 1:11]. Слово Божье есть также Его речь, служащая выражением Его власти, определяющей то, что *должно* происходить [2, Быт. 1:9, 11, 22; 8:21, 22; Пс. 17:16; 147:4–7; 148:5–8; Мф. 8:27]. Его могущественный глас персонифицируется, поскольку он совершает Его суды [2, Быт. 3:14; 6:7; 11:6, 7; Пс. 45:7; Ис. 30:30; Ис. 66:6; Мф. 7:21–27; 25:31–46; Ин. 12:48], исцеляет [2, Ис. 43:1; Лк. 7:1–10; Ин. 6:63, 68; Рим. 1:16; Флп. 2:16; 1 Тим. 1:10; 1 Ин. 1:1], призывает к действию [2, Ис. 62:2; 65:15; Деян. 2:39; Рим. 1:6, 7; 8:28; 1 Кор. 1:2, 24, 26; Гал. 1:6].

Слово Божье есть еще и *пребывание Самого Бога* с Его творениями. Невозможно отделить Бога от Его слов. Исполнить Его Слово – значит повиноваться Ему; презирать Его Слово – значит презирать Его Самого. Божье Слово связано с Богом во многих отношениях:

1. Оно открывает нам Самого Бога [2, Втор. 4:5–8; 2 Тим. 3:15].
2. Божий Дух воплощается в Его Слове [2, Быт. 1:2; Пс. 32:6; Ис. 34:16; 59:21; Ин. 6:63; 16:13; Деян. 2:1–4; 1 Фес. 1:5; 2 Фес. 2:2; 2 Пет. 1:21].
3. Близость Божьего Слова к человеку означает близость Самого Бога [2, Втор. 4:5–8; 30:11–14; Рим. 10:6–8].

4. Самым святым местом для Израиля являлся ковчег завета, где хранились Десять Заповедей Божьих, – средоточие пребывания Бога на земле [2, Втор. 31:26].

5. Все Божьи деяния – Его предвечный замысел, творение, промысл, суд и благодать – совершаются посредством силы Его Слова.

6. Бог отличается от идолов тем, что Он говорит [2, 3 Цар. 18:24, 26, 29, 36; Пс. 113:13; 134:15; Авв. 2:18–20; 1 Кор. 12:2].

7. Божественными свойствами наделена речь Бога: она вечна [2, Пс. 118:89, 160], дивна [2, Пс. 118:129], всесильна [2, Быт. 18:14; Ис. 55:11; Лк. 1:37], свята [2, Втор. 31:26; 2 Тим. 3:15], совершенна [2, Пс. 18:8].

8. Слову Божьему поклоняются и Его восхваляют [2, Пс. 33:4; 55:5, 11; 118:48, 8:2; 67:5 137:2, 120, 161, 162; Ис. 66:5].

Таким образом, не случайно в Новом Завете «Словом Божьим» назван прославленный Христос: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» [2, Откр. 1:1]. Лексема *в начале* указывает на контексты о сотворении мира [2, Быт. 1:1]. Новозаветные утверждения «Слово было у Бога» и «Слово было Бог» выражают истинную божественность, самобытность, ипостасность Слова. В Слове открывается Сам Бог. Таким образом, в прологе Иоанна Слово (Логос) представляет собой самораскрытие Бога. Оно больше, чем божественный разум. В Иисусе Христе Оно становится плотью, истинным воплощением Бога. Именно поэтому Иисус Христос предстает как истинный проводник божественного самооткровения.

Учение о Слове Божьем как о Логосе – второй ипостаси Бога – имело определяющее значение в русской религиозной философии конца XIX – начала XX веков. В работах таких философов, как П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев присутствуют специфические русские духовные смыслы, наполняющие содержание концепта «Слово Божье».

С одной стороны, учение о Слове Божьем как о Логосе выразилось в деятельности имяславского движения и в жарких дискуссиях о тезисе «Имя Божие есть Сам Бог» (П. Флоренский, А. Лосев и др.). Утверждая, что имя Божие есть Сам Бог, сторонники имяславия трактовали имена как энергии Бога. По П. Флоренскому, в слове, как и в любом символе, происходит взаимопроникновение, синергия, со-действие энергий, в результате чего рождается нечто новое. Поэтому слово – это «новое двуединое энергетическое явление, новая реальность в мире» [4, с. 272]. Имя есть энергия, а энергия Божия являет Самого Бога. В литературе имяславские дискуссии XX в. получили название «православной версии спора об универсалиях» [4, с. 285].

С другой стороны, учение о воплощении Христа легло в основу русской философии слова как личности и личности как слова, в разных своих вариантах проявившейся у целого ряда теоретиков и практиков философии языка. Так, например, в сборнике «Борьба за Логос. Опыты философские и критические» В. Эрн отождествлял Бога христианства с Логосом, который раскрыл вселенную и космос: «Будучи этим раскрытием и откровением, мир в самых тайных недрах своих “логичен”, т.е. сообразен и соразмерен Логосу,

и каждая деталь и событие *этого* мира есть скрытая *мысль*, тайное движение всепроникающего божественного Слова» [5, с. 210]. Логос, считал философ, вбирает в себя не только слово, произнесенное или написанное, но и чувственные движения души человека, его стремления, поступки, противоречия внутренней борьбы.

Сходная мысль содержится в концепции слова А. Белого, который акцентируется, главным образом, на более широких антропоморфных описаниях языка. Его лингвофилософские положения имеют явную связь с учением о воплощении Христа, которое находится в центре христианской концепции Логоса. А. Белый совмещает концепцию слова как символа А. Потебни и линию христианского богословия (антропоморфность Логоса).

Необходимо подчеркнуть, что лингвофилософские теории рубежа XIX–XX вв., рассматривающие язык как творческий процесс, а Логос – как словесно-творческий принцип мышления, способствовали возникновению учения П. Флоренского об антиномиях языка. Согласно П. Флоренскому, антиномии языка – это равновесие двух начал (эргона и энергейи), и это равновесие должно соблюдаться в языковом творчестве. Он критиковал искусственно создаваемые языки, указывая на их противостояние природе Логоса: «попытка творить язык, когда он не творится, а сочиняется, – разлагает антиномию языка [6, с. 99].

Идея о слове как энергии, зародившаяся в работах В. фон Гумбольдта, наиболее полно была развита в учениях С. Н. Булгакова и А. Ф. Лосева: у последнего – с привлечением лингвистического материала.

Представители русской школы философии языка П. Флоренский, А. Лосев, С. Булгаков развили свою самобытную онтологию слова, которая и сейчас остается актуальной. Их идеи религиозно-философской концепции языка в совокупности соответствуют «теоантропокосмической парадигме постижения языка». Возрождение интереса к данной парадигме приобретает особое значение в современной лингвистике. В русле этого направления написаны работы многих современных исследователей: В. И. Постоваловой, В. А. Степаненко, В. И. Алексеева, А. А. Гируцкого, Е. Н. Гурко и др. Таким образом, исследования языка, выполненные в рамках данного подхода, позволяют, на наш взгляд, целостно упорядочить уже имеющиеся знания о человеке, выявить многомерность используемого им языка, в котором, по словам П. А. Флоренского, заложено объяснение бытия.

По убеждению русских религиозных мыслителей, Слово Божье – источник всего сущего, в том числе и слова человеческого. Именно этот божественный, христианский Логос одухотворяет жизнь и культуру не только отдельного народа, но и всего человечества, задавая при этом мировоззренческий фундамент лингвокультурологических исследований.

Таким образом, в библейских текстах и работах русских религиозных философов, концепт «Слово Божье» воплощает в себе множество духовных смыслов.

В Библии Слово Божье отождествляется с лексемами *закон*, *Христос*, *Благая весть*, заключающих в себе смысл божественного авторитета.

На лексическом уровне данный концепт передается лексемами *peh* ‘уста’ и *dabar* ‘слово’, ‘говорить’ в текстах Ветхого Завета и *rhema* ‘речь’ и *logos* ‘слово’ – в Септуагинте. В Ветхом Завете лексемы *глас с Синая* (кол ми–Синай), *глас с небес* также репрезентируют смысловое содержание концепта «Слово Божье». Его могущественный глас совершает суды, исцеляет, призывает к действию.

Согласно Библии, Слово Божье может проявляться в проповеди. В Ветхом Завете проповедь репрезентируется лексемами *basar* ‘возвещать Благоую весть’; *qophelet* ‘проповедник’; *qara* ‘провозглашать’ или ‘взывать’, *qeri`ah* ‘проповедуй’. В Новом Завете проповедь вербализируется посредством греческих лексем *euangelizo* ‘возвещать Благоую весть’; *kerysso* ‘быть вестником, глашатаем’; *diangelo* ‘возвещать’, ‘проповедовать’ или ‘распространять’; *katangelo* ‘торжественно провозглашать’. Представленные лексемы употребляются с оттенком возвещения или благовестования.

Индивидуально-смысловые и личностные оттенки в интерпретации концепта «Слово Божье» отмечены в текстах русских религиозных философов конца XIX – первой половины XX вв. (П. А. Флоренский, В. Ф. Эрн, А. Ф. Лосев и др.). Русские философы отождествляли Слово Божье с Логосом, который раскрыл вселенную и космос, представляли Слово как источник всего сущего, энергию, новую реальность в мире, явление Самого Бога.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маковский, М. М.* Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике : учеб. пособие / М. М. Маковский . – М. : Высш. шк., 1989. – 200 с.
2. Библия : книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета : канонические и неканонические. – М. : Издание Московской Патриархии, 1992. – 1372 с.
3. Библейская энциклопедия Брокгауза : [более 6000 ключевых слов к личностям, истории, археологии и географии Библии : перевод с немецкого] / Фритц Ринекер, Герхард Майер. – Новая редакция / перераб. В. А. Цорном. – М. : О. С. Костюков, 2012. – VII. – 1088 с.
4. *Флоренский, П. А.* У водоразделов мысли / П. А. Флоренский. – М., 1990. – Т. 2. – 286 с.
5. *Эрн, В. Ф.* Борьба за логос : Опыты философские и критические / Владимир Эрн. – М. : Путь, 1911. – VIII [1]. – 361 с.
6. *Флоренский, П. А.* Антиномии языка / П. А. Флоренский // Вопросы языкознания. – 1988. – № 6. – С. 88–125.

The article deals with the features of the representation of the concept “Word of God” in the texts of the Bible and Russian religious and philosophical discourse. The lexemes *voice of God*, *mouth of God*, *Christ*, *Gospel*, *sermon*, etc. are used as representatives.

Поступила в редакцию 23.11.2020

СІСТЭМА МАРФЕМНАГА СЛОВАЎТВАРЭННЯ БЕЛАРУСКІХ МНОЖНАЛІКАВЫХ НАЗОЎНІКАЎ

В статье анализируются белорусские существительные *pluralia tantum*, образованные морфемными способами. Осуществлено комплексное описание их словообразовательной системы с целью выявления структурно-конструктивных закономерностей неполноты числовой парадигмы. Дана деривационная характеристика более 700 лексических единиц, отобранных методом сплошной выборки из белорусских словарей. В анализ включены следующие параметры: семантический (словообразовательное значение), грамматический (морфологическая характеристика мотивирующего слова), формальный (дериватор), статистический. Описание структурировано на два блока: система внутреннего словообразования и система внешнего словообразования.

Множналікавыя назоўнікі па-ранейшаму займаюць важнае месца ў лінгвістычных даследаваннях, што абумоўлена іх значнасцю ў трактоўцы граматычнай катэгорыі ліку ў цэлым. На працягу доўгага перыяду вывучэння праблематыкі субстантыўнага ліку менавіта інтэрпрэтацыя *pluralia tantum* (далей *plt*) шмат у чым вызначае сутнасць той ці іншай тэарэтычнай канцэпцыі гэтай катэгорыі. Эвалюцыя поглядаў на феномен *plt* прайшла шлях ад «анамальнай» [1, с. 393], перыферычнай і несістэмнай з’явы да заканамернай тыпалагічнай уласцівасці моў, у якіх катэгорыя ліку фарміравалася з апорай на эліптычны плюраль. У працах апошніх дзесяцігоддзяў сцвердзілася палажэнне аб мнагафактарнасці прычын лікавай некарэлятыўнасці і прынцыповай магчымасці іх выявіць і растлумачыць.

Мнагафактарны падыход да вывучэння множналікавых назоўнікаў патрабуе назапашвання і сістэматызацыі фактаў іх функцыянавання як колькаснага, так і якаснага характару. Беларускія *plt* як асобны лексіка-граматычны клас субстантыўнай лексікі не былі аб’ектам спецыяльнага даследавання. Традыцыя граматычных апісанняў плюратываў у беларусістыцы абмяжоўваецца пералікам іх лексіка-тэматычных груп, аднак такая прэзентацыя недастатковая для асэнсавання іх месца ў катэгарыяльнай сістэме, прычын парадыгматычнай непаўнаты, а таксама іх моўнай перспектывы. Нязначная колькасць прац, прысвечаных праблематыцы ліку ў цэлым і назоўнікам *plt* у прыватнасці, сведчыць аб тым, што ў беларускім мовазнаўстве не завершана стадыя вывучэння элементаў сістэмы катэгорыі ліку, назапашвання ўяўленняў аб гэтай сістэме ў розных аспектах і праяўленнях: не ажыццяўлялася даследаванне кантэкставых ужыванняў форм ліку, не аналізаваліся стратэгіі іх семантычных аб’яднанняў, не закраналіся пытанні іх прагматычных функцый. Па-ранейшаму актуальнымі застаюцца праблемы інвентарызацыі некарэлятыўных назоўнікаў, не выяўлены маштабы іх прысутнасці ў сістэме. Такая тэарэтычная лакуна стварае пэўныя праблемы для паўнаwartаснага пераходу на стадыю вывучэння сувязей паміж элементамі сістэмы субстантыўнага ліку, абагульненняў і сістэматызацыі гэтай катэгорыі.

Адным з аспектаў мнагафактарнага падыходу да вывучэння назоўнікаў з грамамай толькі множнага ліку з'яўляецца выяўленне структурна-канструкцыйных заканамернасцей іх граматычнай аформленасці. Для вырашэння гэтай задачы неабходна ажыццявіць комплекснае апісанне словаўтваральнай сістэмы беларускіх рлт з улікам наступных параметраў: 1) семантычны (словаўтваральнае значэнне, на падставе якога вытворны плюратыў адносіцца да той ці іншай словаўтваральнай катэгорыі – далей СК); 2) марфалагічны (часцінамоўная характарыстыка матывавальнага слова); 3) фармальны (дэрыватары); 4) статыстычны. Аналіз зроблены на матэрыяле 2070 слоў, выбраных з беларускіх слоўнікаў агульнага, аспектнага і перакладнога тыпу. За адзінку апісання словаўтваральнай семантыкі ўзята паняцце СК, што разглядалася ў рэчышчы канцэпцыі анамасіялагічных катэгорый, уведзеных М. Докулілам [2]. У беларускім мовазнаўстве шырокі падыход да вызначэння паняцця СК падтрыманы ў працы А. А. Лукашанца «Словаўтварэнне і граматыка»: «СК павінна сведчыць пра якасна іншы ўзровень абстрагаванасці словаўтваральнай семантыкі, а не простую сукупнасць сінанімічных словаўтваральных тыпаў. <...> Іменна анамасіялагічная катэгорыя ў дачыненні да словаўтваральнай семантыкі можа разглядацца як адзінка словаўтваральнай семантыкі больш высокай ступені абстрагаванасці, г.зн. як СК» [3, с. 61].

Пры вызначэнні дэрывацыйнага статусу назоўнікаў рлт *невыворнымі* лічыліся (паходжанне слоў устанаўлівалася паводле [4]): 1) запазычанні (у тым ліку з блізкароднасных моў), якія не маюць матывавальнага слова ў сучаснай беларускай мове, – *вузы, метызы, румяны* (з рускай мовы), *вытрыбенькі* (з украінскай мовы), *грымзолі, залёты, жэбры, дапінкі, драбіны* (з польскай мовы), а таксама з няблізкароднасных моў (*каламіты, калатэралі, прэлімінарыі*); 2) калькі (*прошукі, жолудзі*); 3) словы, у структуры якіх адбылася гістарычная з'ява апрошчання (якія не маюць у сучаснай мове ўтваральнай асновы для рэалізацыі жывой матывацыйнай сувязі і іх можна аднавіць толькі шляхам этымалагічнага аналізу: *астанкі, бабкі, гарыпні, сошкі, спадкі, трускалкі, чалеснікі, прыпікі, прыпінкі, прычындалы*); 4) плюратывы, утвораныя шляхам гістарычнай лексікалізацыі, якія ў сучаснай мове не маюць форм адзіночнага ліку (*ловы, нажніцы, нагавіцы*). Калі ж у сучаснай мове матывавальнае слова функцыянуе і можна абгрунтаваць механізм семантычнага пераносу, такія множналікавыя назоўнікі лічыліся *выворнымі* семантычнага пераносу і разглядаліся аўтаномна. Паводле апісанай схемы, н е в ы т в о р н ы я (з сінхранічнага пункту гледжання) назоўнікі, якія маюць толькі грамему множнага ліку, складаюць 20,3 % ад агульнай колькасці выбраных і прааналізаваных слоў (424 адзінкі). З дапамогай марфемных сродкаў утворана 700 плюратываў (33,7 %). Іх мэтазгодна апісваць у межах *унутранага і знешняга словаўтварэння* (кампазітныя вытворныя не разглядаліся, іх падрабязны аналіз праведзены ў публікацыі аўтара [5]).

Сістэма ў н у т р а н а г а с л о в а ў т в а р э н н я беларускіх назоўнікаў рлт характарызуецца наступнымі статыстычнымі паказчыкамі: ад назоўнікаў утворана 207 слоў (29 % ад усіх марфемных вытворных), з іх суфіксальным

способам – 171 назоўнік *pl*t (82 % ад агульнай колькасці ў сістэме ўнутранага словаўтварэння), прыставачным і прыставачна-суфіксальным способам – 37 назоўнікаў (18 % адпаведна). Найбольшую рэгулярнасць і прадуктыўнасць выяўляюць суфіксы *-к(i)*; *-ык(i)*, *-ік(i)*; *-ачк(i)*, *-ечк(i)*, *-ц*, якія маркіруюць дэмінітувы – самую шматлікую СК сярод адназоўнікавых вытворных (111 адзінак, 53 %). Паводле значэння дэрыватара іх можна размеркаваць па наступных групам.

1. Назоўнікі, у якіх дэмінітуўныя афіксы дэсемантызаваліся. З прычыны непраяўлення функцыянальнай значнасці суфіксаў утварыліся канкурэнтныя пары *вілы* – *вілкі*, *кпіны* – *кпінкі*, *палаці* – *палаткі*, *сходы* – *сходкі*, *калготы* – *калготкі*, *класы* – *класікі*, *перады* – *перадкі*, *ночвы* – *начоўкі*, *сені* – *сенцы*. Такі тып словаўтваральнай сінаніміі шырока рэалізаваны і ў сістэме карэлятыўных назоўнікаў (*абнова* – *абноўка*, *блін* – *блінец*, *міса* – *міска*, *пас* – *пасак*, *зэдаць* – *зэдлік*). Страта семантычнай значнасці канкурэнтных суфіксаў генетычных дэмінітуваў прывяла да вар’іравання вытворных плюратываў у парах *вячоркі* – *вечарушкі*, *званкі* – *званочкі*, *могілкі* – *могіцы*. Узуальнае замацаванне аднаго з варыянтаў як прыярытэтнага залежыць, у першую чаргу, ад ступені дэсемантызацыі суфікса. Найбольшы ўзровень канкурэнцыі выяўляюць паралельныя плюратывы, якія ў сучаснай мове не маюць агульнай утваральнай асновы (*вілы* – *вілкі*, *сані* – *санкі*). Стылістычная і рэгіянальная маркіраванасць дэмінітуўных суфіксаў назоўнікаў *гулюшкі*, *вечарушкі*, *пасядушкі*, *кепікі*, *могіцы*, *усходцы*, *сходцы* зніжае іх канкурэнтныя здольнасці, у той час як адсутнасць такой абмежаванасці ў парах *сходы* – *сходкі*, *усходы* – *усходкі* стварае роўнавялікія ўмовы іх камунікатыўнай запатрабаванасці. У выніку перамогі дэмінітува ў функцыянальнай канкурэнцыі ўтваральны назоўнік можа пераходзіць на лексічную перыферыю мовы, а суфіксальны замацоўвацца як намінацыйны сродак. Так, напрыклад, утварыліся плюратывы *сенцы*, *більцы*, *нажніцы*. У сучаснай мове выразна абазначылася перспектыва суфіксальнага назоўніка ў пары *калготы* – *калготкі*.

2. Назоўнікі, у якіх суфіксы выконваюць памяншальна-ласкальную функцыю: *дровы-дроўцы*, *вусны* – *вусначкі*, *гуслі* – *гуслечкі*, *шалі* – *шалькі*, *шорты* – *шорцікі*, *майткі* – *майтачкі*.

3. Назоўнікі, семантычная структура якіх ускладнілася за кошт новага значэння, утворанага шляхам семантызацыі дэмінітуўнай формы: *дзверы* – *дзверцы* 1) *памяніш*. да дзверы; ‘невялікія дзверы’; 2) ‘створкі’.

4. Назоўнікі, у якіх дэмінітуўныя суфіксы ўтвараюць новую лексічную адзінку ад карэлятыўнага назоўніка: *вечар* – *вячоркі*, *вечарушкі*, *пацалуй* – *пацалуйкі*, *смех* – *смейкі*. Гэта пары, у якіх і ўтваральнае, і вытворнае словы рэалізуюць непрадметную семантыку і дэмінітуўнае значэнне не з’яўляецца асноўным.

Некаторыя дэмінітуўныя ўтварэнні складаюць праблемную зону вызначэння іх дэрывацыйнай гісторыі. Напрыклад, слова *ўвішкі* можна разглядаць як вынік адсубстантыўнага ўтварэння (*увіхі* → *увішкі*) або аддзеяслоўнага

(увіхацца → увішкі) (аналагічна лапанкі ад лапаны і лапаць). Яшчэ большай праблемай з’яўляецца размежаванне марфемнага і семантычнага ўтварэння. Напрыклад, неадназначна можна трактаваць утварэнне фітоніма *рагулькі*. Улічваючы прадуктыўнасць намінатыўнага рада *званочки, таўкачыкі* і пад., можна гаварыць або аб метафарызацыі дэмініўнай формы, або аб семантызацыі і суфіксацыі ў адным словаўтваральным акце (тое ж, напрыклад, і *ражкі*).

Паводле фармальных параметраў плюратывы ўключаны ў агульную сістэму ўнутранага словаўтварэння назоўнікаў, дзе дамінуе суфіксацыя. Аднак дэрывацыйная карціна адназоўнікавых *pl*t характарызуецца значна меншым арсеналам рэгулярных дэрыватараў, што сведчыць аб іх фармальнай арганізаванасці. Абмежаванасць кола суфіксаў абумоўлена невялікім колам СК, якія яны маніфестуюць. Паводле словаўтваральнай семантыкі ў сістэме ўнутранага словаўтварэння беларускіх *pl*t дамінуюць мадыфікацыйныя СК (137 адзінак, 65 %): *памяншальныя назвы, назвы стылістычнай мадыфікацыі, павелічальныя назвы*. Транспазіцыйна-мутацыйныя СК прадстаўлены назоўнікамі *pl*t са СЗ ‘абстрактныя паняцці (10,8 %), ‘зборнасць’ (9,4 %), ‘рэчыва’ (7 %), канкрэтны прадмет’, (5,7 %), ‘месца і мясцовасць’ (2,8 %). Такім чынам, у параўнанні з агульнай дэрывацыйнай сістэмай назоўніка, множналікавыя вытворныя не рэалізуюць мутацыйныя і мутацыйна-мадыфікацыйныя СК, што абумоўлена адсутнасцю ў іх сістэме рэпрэзэнтантаў семантыка-словаўтваральнай катэгорыі персанальнасці. З гэтай жа прычыны ў іх сістэме не прадстаўлена транспазіцыйна-мутацыйная СК са словаўтваральным значэннем ‘асоба – носьбіт прыметы’.

Сістэма знешняга словаўтварэння беларускіх назоўнікаў *pl*t складаецца з 494 слоў (70 % ад усіх адзінак, утвораных з дапамогай марфемных сродкаў). Самым прадуктыўным і рэгулярным спосабам з’яўляецца суфіксальны (479 адзінак, 97 % ад агульнай колькасці ў сістэме знешняга словаўтварэння). Фармалізаваць апісанне ўтвораных з дапамогай суфіксаў множналікавых назоўнікаў мэтазгодна з дапамогай табліцы.

Суфіксальнае ўтварэнне беларускіх множналікавых назоўнікаў

Граматычная мадэль	Словаўтваральная катэгорыя (СК)	Прыклады (па ступені рэгулярнасці дэрыватара)	Колькасць адзінак
V → N <i>pl</i> t	Назвы адцягненага дзеяння	<i>водведкі, перамігОі, дагледзіны, віхлясы, стагноты, гоцанькі, дурыкі, пагулянкі, пацягушкі, пабожі</i>	98
	Назвы абстрактных паняццяў	<i>упікОі, змовіны, выгадкі, пяхоты, хованкі, зайздрыкі, даганялкі, дрыжыкі, жадуныкі, казалы, кепікі, кленічы, любошчы, пабягушкі, зводні</i>	152

V → Nplt	Назвы інструментаў, прылад, прыстасаванняў	<i>развалЮы, розвальні, шастуны, насілки, качэлі, кусачкі, паланкі, ляшчоткі, шчыпцы, апалушкі, насілы, ціскі, ходзікі, апоўзіны, слухаўкі</i>	24
	Назвы прадметаў, вырабаў, аб'ектаў, вынікаў дзеяння	<i>плаўкі, лупачы, дрыгалы, уплётЮы, успаміны, паўзункі, хадакі, вязёнкі, крымзолі, стрыбалкі</i>	28
	Назвы месца (памяшканняў, пабудов)	<i>сховЮы, сходні</i>	5
	Назвы рэчываў	<i>дабіркі, змыліны, адкідЮы, памыі, бялілы, ацярушкі, патапцы, смаркачы, пакрышні</i>	88
	Назвы месцаў і мясцовасцей	<i>падцяробЮы, выгаркі, плаўні</i>	11
	Назвы зборныя	<i>складкі, прысадЮы, сысуны, блішчанкі, зараслі, прысадзіны, маніцы, лапаны</i>	36
Усяго ад дзеясловаў			442
Adj → N plt	Назвы людзей	<i>маладзяты, маляты, маляняты</i>	3
	Назвы канкрэтных прадметаў	<i>гумовікі, драўлянікі, зрэбнікі, крывалы</i>	8
	Назвы месцаў	<i>вышкі</i>	1
	Назвы зборныя	<i>апошкі, ласоты</i>	2
	Назвы рэчывыя	<i>цалкі, белЮі</i>	2
	Назвы абстрактных паняццяў	<i>мудрыкі, шчадроты, саракавіны, шчадроўкі</i>	8
Усяго ад прыметнікаў			24
Quant → N plt	Назвы людзей	<i>двайняты, трайняты</i>	2
	Назвы канкрэтных прадметаў	<i>траяны, тройні</i>	2
	Назвы абстрактных паняццяў	<i>саракЮі, дзевяціны, сарачыны, траціны, шасціны</i>	4
Усяго ад лічэбнікаў			8
Adv → N plt	Назвы канкрэтных прадметаў	<i>саматужкі</i>	1
	Усяго ад прыслоўяў		1
Гукаперайманне → N plt	Назвы абстрактных паняццяў	<i>хаханыкі, хіхоты, лалЮы</i>	3
Усяго ад гукаперайманняў			3
Усяго суфіксальным спосабам			479

Найбольшую рэгулярнасць выяўляюць суфіксы *-к(і)*, *-ін(ы)* і нулявы, прычым яны валодаюць здольнасцю выражаць аманімічныя словаўтваральныя значэнні і таму маркіруюць розныя СК. Паводле словаўтваральнай семантыкі самай вялікай колькасцю адзінак прадстаўлены: транспазіцыйная СК *назвы адцягненага дзеяння ў межах сінтаксічнай дэрывацыі* (100, 20 %) і транспазіцыйна-мутацыйныя СК *назвы абстрактных паняццяў* (155, 31 %), *назвы рэчываў* (95, 19 %) у межах лексічнай дэрывацыі. Астатнія транспазіцыйна-мутацыйныя СК прадстаўлены нешматлікімі дэрывацыйнымі радамі. У колькасных адносінах дэрывацыйная сістэма знешняга ўтварэння плюратываў вызначаецца адсутнасцю рэпрэзентантаў СК *назвы адцягненай прыметы* (граматычная мадэль Adj → N), якая ўваходзіць у ядро сінтаксічнай дэрывацыі беларускіх назоўнікаў, і нязначнай прадстаўленасцю СК *назвы асоб* (усяго 5 адзінак з суфіксам *-ят(ы)*), якая ўваходзіць у ядро лексічнай дэрывацыі.

У цэлым у сістэме марфемнага ўтварэння беларускіх множналікавых назоўнікаў выяўлены наступныя заканамернасці:

1) вытворныя плюратывы рэалізуюць усе граматычныя мадэлі, аднак найбольшую рэпрэзентатыўнасць дэманструюць толькі дзве: V → N plт (64,5 %) і N → N plт (29,5 %);

2) 93 % адзінак утвораны суфіксальным спосабам, прыставачны і прыставачна-суфіксальны ўтвараюць перыферыю сістэмы;

3) наменклатура дэрыватараў складаецца з абмежаванага кола рэгулярных суфіксаў (*-к(і)*, *-ін(ы)* і нулявы). Іх высокая прадуктыўнасць і рэгулярнасць абумоўліваецца шырокім дыяпазонам словаўтваральных значэнняў, што стварае магчымасці для рэалізацыі іх сінаніміі і аманіміі. Спецыфікацыю плюральна аформленай вытворнай асновы назоўніка выяўляюць адзінкавыя суфіксы: *-ас(ы)* (*выкрутасы*, *біліндрасы*), *-ошч(ы)* (*пахошчы*, *любошчы*). Схільнасць да маркіроўкі плюральнасці выяўляе ў беларускай мове суфікс *-от(ы)*: *стагноты*, *грымоты*, *мудроты*, *непамыслоты*, *пяшчоты*, *згрызоты*, *сухоты*, *даброты*, *вабноты*, *фарботы*;

4) словаўтваральная семантыка плюратываў прадстаўлена не ўсімі СК, уласцівымі афіксальнай субстантыўнай дэрывацыі. Ядро сістэмы складаюць наступныя СК: 1) у межах сінтаксічнай дэрывацыі СК *назвы адцягненага дзеяння* (14,2 %); 2) у межах лексічнай а) транспазіцыйна-мутацыйныя СК *назвы абстрактных паняццяў* (27,3 %), СК *назвы рэчываў* (15,8 %), СК *назвы зборныя* (8,1 %), СК *назвы прадметаў*, *вырабаў*, *аб'ектаў*, *вынікаў дзеяння* (7,2 %) б) мадыфікацыйная СК *памянішальныя назвы* (15,8 %). Перыферыю сістэмы складаюць а) транспазіцыйна-мутацыйныя СК *назвы месца і мясцовасцей* (4,4 %), СК *назвы інструментаў*, *прылад*, *прыстасаванняў* (3,4 %), СК *назвы людзей* (0,9 %) б) мадыфікацыйныя катэгорыі СК *назвы са значэннем стылістычнай мадыфікацыі* (2,1 %), СК *назвы павелічальныя* (0,7 %), СК *назвы са значэннем ацэнкі* (0,7 %). Афіксальныя вытворныя plт не рэалізуюць мутацыйныя і мутацыйна-мадыфікацыйныя СК.

Аналіз сведчыць аб сістэмнай арганізаванасці беларускіх плюратываў паводле фармальных і анамасеалагічных дэрывацыйных прымет. Гэты факт дае падставы зрабіць выснову аб важнасці словаўтваральных фактараў у граматычнай аформленасці вытворных назоўнікаў. Словаўтваральныя суфіксы выконваюць класіфікуючую функцыю, таму ў дэрывацыйным аспекце плюратывы ўтвараюць такія ж асобны таксанамічны клас, як назоўнікі пэўнага роду. Гэта не адмаўляе ідэю кагнітыўнай матывацыі формы ліку вытворных назоўнікаў. Словаўтваральныя суфіксы не толькі ажыццяўляюць матэрыяльную маніфестацыю дэрывацыйных механізмаў, але перш за ўсё рэпрэзентуюць семантычную матывацыю. Таму замацаванне пэўнага суфікса субстантываў за пэўным словазменным класам з’яўляецца вынікам логіка-семантычных заканамернасцей намінацыі. Кагнітыўная аргументацыя дэтэрмінуе спосабы і сродкі дэрывацыйных механізмаў, у межах якіх складваюцца пэўныя таксанамічныя стандарты, што прадвызначаюць намінатыўную стратэгію. Выбар формы ліку ў якасці намінатыўнай вызначаецца сістэмай мовы, яе наяўнымі структурна-граматычнымі сродкамі, іх функцыянальнымі і кагнітыўнымі суадносінамі, унутранымі тэндэнцыямі развіцця семантычных катэгорый у адзінстве і ўзаемадзеянні з граматычнай катэгорыяй ліку.

ЛІТАРАТУРА

1. *Реформатский, А. А.* Число и грамматика / А. А. Реформатский // Вопросы грамматики : сб. ст. к 75-летию акад. И. И. Мещанинова / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; редкол. : В. А. Аврорин., В. М. Жирмунский (отв. ред.) [и др.]. – Л. ; М., 1960. – С. 384–400.
2. *Dokulil, M.* Teorie odvozování slov / M. Dokulil. – Praha : ČAV, 1962. – 263 р. – (Tvoření slov v češtině).
3. *Лукашанец, А. А.* Словаўтварэнне і граматыка / А. А. Лукашанец. – Мінск : Права і эканоміка, 2001. – 252 с.
4. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы : [у 13 т.] / НАН Беларусі, ін-т мовазнаўства. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – 13 т.
5. *Семянькевіч, А. В.* Кампазіты pluralia tantum у сучаснай беларускай мове / А. В. Семянькевіч // Міжнародныя Шамякінскія чытанні “Пісьменнік – асоба – час” : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мазыр, 19–20 лістап. 2009 г. / Мазыр. дзярж. пед. ун-т ; рэдкал.: А. У. Сузько (адк. рэд.) [і інш.]. – Мазыр, 2009. – С. 205–207.

The article analyzes Belarusian pluralia tantum nouns formed by morphemic methods. The author offers a comprehensive description of their word-formation system in order to identify the structural patterns of the incomplete numerical paradigm of nouns.

Поступила в редакцию 27.10.2020

МЕХАНИЗМЫ СИНТАКСИЧНОЙ ДЭРЫВАЦЫИ Ў БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Актуальность исследования механизмов синтаксической деривации в белорусском языке обусловлена отсутствием в лингвистической литературе концептуального описания подобной проблемы. В статье выявлен диапазон компенсаторной функции структурно-смысловых языковых механизмов синтаксических дериватов разных типов, исследованы уровни языковой репрезентации семантики структурно-синтаксических модификаций – морфологический, синтаксический, сверхфразовый – и логико-грамматические факторы.

Сінтаксічныя сістэмы розных моў непарыўна развіваюцца, што выклікае шырокае функцыянаванне розных сінтаксічных дэрыватаў – канструкцый эліптычных, далучальных, вытворных, якія актуалізуюць неабходную інфармацыю, дазваляюць зрабіць яе семантычна ёмістай. Механізмы рэгулявання структурна-сінтаксічных мадыфікацый маюць антрапацэнтрычны кірунак, што дазваляе карэляваць мысленне чалавека і моўныя сродкі яго выражэння. Таму аналіз сінтаксічных дэрыватаў з вызначэннем заканамернасцей іх функцыянавання стаў адным з прыярытэтных напрамкаў айчыннага і замежнага мовазнаўства.

Функцыянаванне структурна-сінтаксічных мадыфікацый мэтазгодна аналізаваць у сувязі з моўнымі механізмамі, што рэгулююць іх утварэнне. Названая праблема аналізавалася ў межах розных сінтаксічных школ і напрамкаў. Тэарэтычная база псіхалагічнай школы ў мовазнаўстве (Т. Ф. Дубоўцава, М. Л. Макараў і інш. [1; 2]) грунтавалася на тоеснасці граматычных і псіхалагічных катэгорый. Гэта значыць, што структурна-сінтаксічныя мадыфікацыі кваліфікаваліся як цэласныя ўяўленні аб з’явах рэчаіснасці безадносна да структуры, а да механізмаў кампенсацыі сэнсу адносілі вербальныя і невербальныя сродкі камунікацыі. У межах семантычнай сінтаксічнай школы (З. Выхадзілава, Б. Хаўнспергер, А. Унішэўска і інш. [3; 4; 5]) механізмы сінтаксічнай дэрывацыі звязвалі з пытаннем прамой і адваротнай валентнасці кампанентаў семантычнай структуры. Функцыянальная школа (К. Карлсан, Г. А. Золатава і інш. [6; 7]) разглядала кожную структурна-сінтаксічную мадыфікацыю як асобны інварыянт, а рэгуляванне іх ужывання, на думку вучоных, абумоўлена камунікатыўнай сітуацыяй.

Пытанне пра механізмы сінтаксічнай дэрывацыі знайшло сваё адлюстраванне і ў канцэпцыях сінтаксічных тыпалогій – кантэнсіўнай (Г. П. Мельнікаў [8]), парадку слоў (А. У. Цымерлінг [9]), граматыка-структурнай (Д. Патэльберг [10]), структурна-граматычнай (Р. Гжэгарчыкова, З. Салоні, П. Сіміч, М. Энсі [11; 12; 13; 14]), дзе механізмы ўтварэння сінтаксічных дэрыватаў звязваліся з універсальнымі і спецыфічнымі параметрамі тыпалогіі кожнай канкрэтнай моўнай з’явы. Тыпа- і відаўтварэнне, на думку даследчыкаў, абумоўлена выключна граматычнымі асаблівасцямі аналізуемых моў –

аналітычным або сінтэтычным характарам выражэння граматычных значэнняў, свабодным або фіксаваным парадкам слоў, сінтаксічным і семантычным дыяпазнам асобных кампанентаў і інш.

Сучасныя сінтаксічныя канцэпцыі неадназначна трактуюць механізмы сінтаксічнай дэрывацыі ў розных мовах. Гэта, у сваю чаргу, ускладняе іх упарадкаванне. Актуальнасць даследавання абумоўлена патрэбай тэарэтычнага асэнсавання заканамернасцей сінтаксічнай дэрывацыі ў беларускай мове. Як бачна, праблематыка даследавання ў артыкуле з'яўляецца новай, сучаснай і запатрабаванай. Актуальнасць работы абумоўлена таксама адсутнасцю ў лінгвістычнай літаратуры канцэптуальнага апісання механізмаў сінтаксічнай дэрывацыі ў беларускай мове, неабходнасцю распрацоўкі кваліфікацыйных, класіфікацыйных і сістэмаўтвараючых параметраў для ўпарадкавання сінтаксічных дэрыватаў.

Мэта даследавання ў артыкуле – выяўленне дыяпазону кампенсаторнай функцыі структурна-сэнсавых моўных механізмаў у сінтаксічных дэрыватах розных тыпаў.

Лінгвістыка выпрацавала сістэму моўных механізмаў, што рэгулююць функцыянаванне структурна-сінтаксічных мадыфікацый. Свабоднае ўжыванне названых канструкцый магчыма дзякуючы ўзаемадзеянню моўных сродкаў розных узроўняў – фанетычнага, лексічнага, граматычнага, сінтаксічнага, тэкставага, таксама абумоўлена логіка-семантычнымі і семантыка-сінтаксічнымі фактарамі.

Найбольш пашыранымі з'яўляюцца *структурна-сэнсавыя* моўныя механізмы. Яны рэгулююць функцыянаванне няпоўных і эліптычных канструкцый на аснове характару сінтаксем – мана-, поліфункцыянальнага або канстантнага, узаемадзеяння сінтаксем з рэферэнтным значэннем. Сэнс няпоўнай канструкцыі ўзнаўляецца ў структуры поліпрэдыкатыўнай сінтаксічнай адзінкі спосабам дубліравання апушчанага кампанента: *У белай кофточцы шаўковай, // І валасы – святлісты шоўк. // Глядзіць разгублена наўкола: // Няма! Спазніўся! Не прыйшоў!* (Н. Гілевіч). Такія сказы структурна і семантычна праецыруюцца на поўны сказ, што дазваляе ім выконваць камунікатыўную функцыю ў поўнай меры.

Структурна-сэнсавыя моўныя механізмы рэгулююць функцыянаванне розных паводле структуры няпоўных сказаў – складаназлучаных: *Было неба то сіняе, то ружовае, // А пад ім малая хатка рыбака. // І было, як неба, возера шырокае, // Шумела там заўсёды асака* (М. Танк); складаназалежных: *Акіяны пірамідак, якіх раней было больш, чым крыжоў, і крыжоў, якіх з кожным годам усё больш ды больш...* (Я. Брыль); бяззлучнікавых: *Адзінцоў. Я, можа, лішне настойлівы: якая?* (І. Мележ); камбінаванай будовы: *Я на сухі пагорак узыду, // А позірк пільны – незнаёма пудкі, // Вунь дом у трох бярэзін на віду, // І тры акны, і ў кожным – незабудкі* (Р. Баравікова).

Падобнымі фактарамі абумоўлена ўжыванне няпоўных канструкцый у структуры дыялагічнага адзінства. Рэплікі дыялогу маюць розную будову: апускацца ў іх можа любы член, што абумоўлена легкасцю яго ўзнаўлення

з дапамогай кантэксту. Кампенсация сэнсу няпоўных канструкцый у структуры дыялагічнага адзінства суправаджаецца таксама невербальнымі сродкамі камунікацыі: мімікай, жэстамі і інш. Сэнсава-граматычнае адзінства канструкцый у структуры дыялогу дазваляе экспліцытна выражаць толькі той член, які змяшчае новую інфармацыю, неабходную для далейшага развіцця паведамлення: *З а л ы г і н. Праўду пішуць. Д з я ц е л. Праўду? Цяпер гэтых праўд развялося больш, як грыбоў у цёплы дождж. Якая з іх лепшая – не разбярэш! С а л д а т. А можа, той, сапраўднай, і зусім няма. З а л ы г і н. Ёсць. Ч ы б у к. Дзе яна, пад якім кустом? У б а л ь ш а в і к о ў?* (І. Мележ).

Структура дыялагічнага адзінства, у склад якога ўваходзяць няпоўныя канструкцыі, класічная: першы сказ з'яўляецца поўным і змяшчае ўсе неабходныя структурныя і семантычныя кампаненты. Астатнія рэплікі «нанізваюцца» на стрыжнёвы сказ і змяшчаюць толькі актуальную інфармацыю: *К у п а л к а. Хіба бацькі не расказваюць табе казак, паданняў? Х л о п ч ы к. Расказваюць. К у п а л к а. Пра каго? Х л о п ч ы к. Пра Бураціна, пра Снежную каралеву, пра Дзюймовачку... К у п а л к а (расчаравана). А-а-а... Пра мяне, значыць, забыліся. Х л о п ч ы к. Бабуля штось казала. Пачакай, я ўспомню* (Г. Каржанеўская).

Структурна-сэнсавое ўзаемадзеянне назіраецца ў структуры складанага сказа з эліпсісам дзеяслова, паміж часткамі якога ўсталёўваюцца адносіны адначасовасці: *У небе – сонца, пад гарой – крынічка* (А. Грачанікаў); *Пах сена з-пад наветкі – // Сляды наўкол і скрозь* (М. Стральцоў); паслядоўнасці: *Рукавы – аж па локці, // Сякеры – з-пад навеці* (С. Законнікаў); *Абмінуў маё сяло навальнічны гром. // Мяне ў поле павяло, // Я ўжо – за сялом* (А. Бялевіч); умоўна-выніковыя: *Якую ні вазьмі з цытат – // Свайго ні кроплі... плагіят* (А. Бачыла); *Надыдзе вечар – танцы да відна...* (А. Бачыла); *Няма цябе – няхай тады і пекла* (М. Трухан); прычынна-выніковыя: *Патэнт возьмем – цацкі з наветра* (М. Матукоўскі); *Абы свята – ён на ігрышчах* (М. Гарэцкі).

Найбольш выразна структурна-сэнсавыя моўныя механізмы рэалізуюцца пры функцыянаванні канструкцый з даданымі членамі сказа. Даданыя далучальныя канструкцыі ўдакладняюць семантыку прэдыката і аб'ядноўваюцца ў звышфразавое адзінства на аснове далучальнай звышфразавай падпарадкавальнай сувязі. Парцэляты-дапаўненні прымацоўваюцца да прэдыкатыўнай адзінкі з дапамогай далучальна-падпарадкавальнай сувязі і ўказваюць на такія працэсуальныя аб'екты, як аб'ектыў: *Вось яно, ваша паведамленне, Рагнеда Іванаўна! Цудоўна бабахнула. Усё ўшчэнт! Граматы, дыпламы, званні – усё!* (М. Матукоўскі); інструмент: *Такую крэпасць – бабай? Будаваці навечна і раптам – бабай?* (А. Макаёнак), сродак: *Хоць бы прыбудову ладную. З таго бяргвення...* (У. Паўлаў); крэатыў: *Спачатку тэматыка і арганізацыя, а пасля і самае галоўнае. Канферэнцыя («Гомельскі ўніверсітэт»); – От, Корч стары! Это ж – пяць дзён за жменю!* (І. Мележ).

Часта кампенсаторная функцыя рэалізуецца ў выпадках, калі парцэляваная канструкцыя суадносіцца з адрасатам: *Але... Як яна (Насця) магла? На Васіля, свайго дырэктара... Мне, яго брату, у вочы...* (В. Карамазай); з рэцыпіентам: *А цяпер во гэты білет... Навошта ён мне?... Маладзейшаму б каму-небудзь* (А. Дударай); з аб'ектам сумеснага дзеяння (суразмоўцам): *Паглядзеўшы, як функцыянуе аўтаматызаваная інфармацыйная сістэма «Мясцовыя саветы народных дэпутатаў», Анатоль Рубінаў заўважыў: «Толькі ўдумайцеся, да чаго мы дайшлі. Мы ўвесь час – пра выкарыстанне камп'ютарнай сістэмы ў вёсцы. Асабліва са старшынямі сельскіх саветаў. У праграму закладзены ўсе звесткі, якія ёсць у гаспадарчай кнізе» («Звязда»); з дэлібератам: *Дарма вы там, за сталом. Наконт Мароза гэтага* (В. Быкаў); *Ды не на Сонца я тваё, супакойся... На Бога, на лёс свой, на жыццё... Усё да мяне бокам, бокам, бокам!* (А. Дударай).*

Парцэляваныя даданыя члены сказа – акалічнасці – указваюць на спосаб дзеяння, адмяжоўваючы пры гэтым семантыку ўспрыняцця ад семантыкі маўленчых працэсаў: *Трохі ззаду ад іх шчабятлівых і гарэзных галасоў – маладыя баскі. Спачатку нясмела, затым упэўнена* (У. Паўлаў); семантыку адносінаў ад семантыкі руху: *Дзеці як – да цябе. Як да сваёй* (І. Мележ); семантыку зменнага стану ад семантыкі адносінаў: *Толькі, – вочы патрабавалі, як неадменнага, – Каб па-людску. У царкве* (І. Мележ); семантыку маўленчых і кагнітыўных працэсаў: *Сёння можна толькі пра каханне. Напаўголаса!..* (Г. Багданава); статальнай і дынамічнай лакалізацыі: *Стаў веснічкі зачыняць, а за спіной – двое! Як з-пад зямлі* (М. Матукоўскі); актыўнага дзеяння ад дынамічнай лакалізацыі: *Я заўтра... Першай таксоўкай* (Г. Марчук); семантыку руху ад псіхічных працэсаў: *Глыбей, глыбей... У зябкае мора, у акіян падсвядомасці* (Г. Багданава) і інш.

Парцэляваныя канструкцыі, што ўказваюць на лакалізацыю аб'екта ў прасторы, канкрэтызуюць акалічнасць эліптычнай канструкцыі: *А вы – к малатарні. У гумно* (І. Мележ). Такія кампаненты адмяжоўваюць рэальныя прэдыкаты ад акцыянальных: *Яно, праўда, і ўвосень, і ўлето – як арыштанты якія. Ні адсюль, ні сюды* (І. Мележ).

Структурна-сэнсавыя моўныя механізмы рэгулююць функцыянаванне розных семантычных тыпаў эліптычных канструкцый – прадвызначаюць сэнсавое напаўненне незамешчанай сінтаксічнай пазіцыі. Найбольш выразна рэгулятыўная функцыя моўных механізмаў праяўляецца ў эліптычных канструкцыях з семантыкай перамяшчэння: *Павуцінка залатая – да вясковага двара. Верасовая сцяжынка. Па баках – беразнякі* (Г. Бураўкін); *– Я – да нашых куркулёў! Ну не!* (А. Дзялендзік); *Інжынер – купец з вышэйшай адукацыяй – у агарод з бульдозерам* (М. Матукоўскі); *Сава – на самую вярышню, // Найярчэйшую з нябёсаў зорку* (М. Танк). Семантычнае напаўненне эліпсаванага члена праецыруецца на лексіка-семантычную групу са значэннем руху, перамяшчэння ў прасторы: *Сонца насустрач і сіні прастор. // Неба і хмары ў вясёлкавай браме* (С. Грахоўскі); *Праз завею – сані, сані...* (С. Законнікаў).

Структурна-сэнсавыя моўныя механізмы рэгулююць кампенсаторную функцыю эліптычных канструкцый з семантыкай маўленчых працэсаў. Механізм фарміравання адпаведнага сэнсу грунтуецца на аснове ўзаемадзеяння прэдыкатыўнага кампанента з дэлібератыўным: *Я не пра людзей. Я – пра княжыча* (І. Чыгрынаў); *А трэці – усё пра дарогі і пра старэнькую маці...* (Г. Бураўкін). Імпліцытае выражэнне кампанента, што ўказвае на аб'ект маўленчых адносін, не змяняе структурна-сэнсавое афармленне канструкцыі: *Цяпер – пра «Белалобага»* (Я. Брыль); *От найшла пра што* (І. Мележ).

Кампенсаторная функцыя на аснове структурна-сэнсавых механізмаў часам падразумявае пераўтварэнне кампанентаў эліптычнага сказа – лакатыў можа змяшчаць прэдыкатыўную прыкмету: *Бацька рабочы з малых год. Спачатку – на чыгунцы, потым – на электрастанцыі* («Маяк»); прэдыкат можа пераўтварацца ў аб'ектны кампанент: *Колькі часу Васіль старшынёй* («Чырвоная змена»); *Пераб'ёмся пакуль як-небудзь. А там, зімой – у лес, на нарыхтоўкі. Глядзі, і завядзецца капейка* (І. Мележ).

Значна большая колькасць кампанентаў патрабуецца для перадачы сэнсу ў канструкцыях са значэннем актыўнага непераўтваральнага ўздзеяння. Працэс, накіраваны на аб'ект, ніякіх змен не ўтварае, таму і колькасць кампанентаў павінна быць большая. Пры ўказанні на перадачу матэрыяльных аб'ектаў кампенсаторным кампанентам выступае рэцыпіент: *Табе мой боль, – // І больш нікому* (Я. Янішчыц); *Мінчаніну – прывабныя пагоркі, як жменьку цеплыні* («Добры вечар»); *Самае каштоўнае выпускнікам* («Студэнцкі стыль»); *Будучай маці – кнігі* (ЛіМ); *Гэтыя пацеркі для мамы* («Ленінскі шлях»); *Каханкам – забавы, гульня, смяшкі* (В. Іпатава); *Вам – і зерня сутнасць // І мае ўраджаі ўсе* (В. Зуёнак); *Зямлі – зямное, // Неба – небу* (М. Стральцоў).

Структурна-сэнсавыя механізмы звычайна грунтуюцца на семантычнай спалучальнасці кампанентаў канструкцыі, напрыклад, данатыў можа спалучацца выключна з прэдыкатамі перадачы матэрыяльных і нематэрыяльных аб'ектаў: *Дзетдому ў першую чаргу* (В. Іпатава); *Сваім без чаргі і аўкцыёнаў* («Звязда»). Імпліцытны спосаб выражэння некаторых кампанентаў павышае актуальнасць матэрыяльна выражаных: *Як на згodu – келіх мёду, // Як на ішчасцейка – прышак* (Я. Янішчыц); *Хатняе свята – дзецям* («Бабруйскае жыццё»); *Гэты дапаможнік пераважна для гісторыкаў* («Мы і час»). Назіраюцца выпадкі, калі кампенсаторную функцыю выконвае атрыбутыўнае азначэнне: *Вам з міністэрства... заказное* (А. Бачыла); *Вам ... ад дзяўчыны* (А. Бачыла); *Гэты бранзалет ад княжыча?* (Л. Дайнека). Аналагічным чынам ажыццяўляецца рэпрэзентацыя сэнсу ў канструкцыях з семантыкай інтэлектуальнай дзейнасці: *Усё, што ў думках дарагое, – Для цябе, жыццё* (А. Русак); *Гэты расказ... сыну былога франтавіка* (П. Прыходзька); *Убок – усё няпэўнае на свеце, // Убок – зімовы халадок трывог. // Для самых губ – бярозавае вецце, // І кветка-сон каля стамлёных ног* (Р. Баравікова).

Механізм рэалізацыі семантыкі актыўнага ўздзеяння прадугледжвае ўжыванне аб'екта ўздзеяння ў якасці кампенсаторнага кампанента, які ўказ-

ває на сферу працэсу – фізічную або сацыяльную: *Людміла ў горад паедзе. Цябе – на яе месца* (А. Дудараў); *Яшчэ што-небудзь такое зробіш, і я цябе – без трыбунала...* *Сам!* (А. Дудараў); *Бач, як яно гарыць. Трэба вадою* (А. Жук).

Як паказала даследаванне, кампенсаторная функцыя ў канструкцыях з эліпісам дзеяслова і няпоўных рэгулюецца з дапамогай структурна-сэнсавых механізмаў. Узнаўленне сэнсу ў аналізуемых канструкцыях ажыццяўляецца на розных узроўнях моўнай сістэмы – сінтаксічным, тэкставым і марфалагічным, а таксама з дапамогай логіка-граматычных фактараў. Структурна-сэнсавыя механізмы рэгулююць зместавую абумоўленасць незамешчаных сінтаксічных пазіцый, што праяўляецца ва ўзаемадзеянні кампанентаў у структуры звышфразавога ўзроўню і шляхам разгортвання сінтаксічных пазіцый. Найбольш часта кампенсаторная функцыя названага механізма рэалізуецца на ўзроўні поліпрэдыкатыўнай сінтаксічнай адзінкі і ў структуры звышфразавога адзінства, гэта пераважна часткі ў структуры поліпрэдыкатыўных сінтаксічных адзінак з эліпісам дзеяслова – складаназлучаных і складаназалежных, самастойных сінтаксічных адзінак у структуры звышфразавога адзінства з адносінамі: далучальнай неадпаведнасці, далучальнага супастаўлення, далучальна-заклучальных, парцэляванай і эліптычнай адзінак у структуры звышфразавога адзінства з сінтаксічнай сувяззю далучальна-паратаксічнай, далучальна-гіпатаксічнай, далучальна-паўпрэдыкатыўнай.

ЛІТАРАТУРА

1. *Дубовцева, Т. Ф.* Условия функционирования эллиптических конструкций (на материале русской и английской речи) / Т. Ф. Дубовцева // Особенности функционирования разноуровневых единиц языка : межвуз. науч. сб. / Саратов. ун-т ; редкол. : Л. И. Баранникова (отв. ред.) [и др.]. – Саратов, 1988. – С. 71–76.
2. *Макаров, М. Л.* Динамика стиля в диалоге / М. Л. Макаров // Общая стилистика: теоретические и прикладные аспекты : сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т ; редкол. : Г. И. Богин (отв. ред.) [и др.]. – Калинин, 1990. – С. 25–31.
3. *Vychodilová, Z.* Elipsa jako jeden ze způsobu neexplicitního vyjadřování obsahových prvků v jazyce / Z. Vychodilová, R. Zimek ; Masarykova unv. – Olomouc : [s.n.], 1988. – 231 s.
4. *Hausperger, B.* Sprachökonomie in Grammatik und Pragmatik : die Ellipse / B. Hausperger. – München : Utz, 2003. – IX, 327 s.
5. *Uniszewska, A.* The nature of linguistic processes determining the applicability of nominalizations applied to strings NP-COP-AP / A. Uniszewska // Glottodidactica. – 2001. – Vol. 29. – P. 139–147.
6. *Carlson, K.* Parallelism and prosody in the processing of ellipsis sentences / K. Carlson. – New York ; London : Routledge, 2002. – 227 p.
7. *Золотова, Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.

8. Мельников, Г. П. Системная типология языков: принципы, методы, модели / Г. П. Мельников ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 2003. – 393 с.
9. Циммерлинг, А. В. Типологический синтаксис скандинавских языков / А. В. Циммерлинг. – М. : Языки слав. культуры, 2002. – 895 с.
10. Pottelberge, J. van. Defining grammatical constructions as a linguistic sign: the case of periphrastic progressives in the Germanic languages / J. van Pottelberge // *Folia Linguistica*. – 2007. – Vol. 41, Iss. 1/2. – P. 99–134.
11. Grzegorzczkova, R. Wykłady z polskiej składni / R. Grzegorzczkova. – Warszawa : Wydaw. Nauk. PWN, 2002. – 159 s.
12. Saloni, Z. Składnia współczesnego języka polskiego / Z. Saloni, M. Świdziński. – Warszawa : Wydaw. Nauk. PWN, 2001. – 354 s.
13. Симић, Р. Српска синтакса : у 4 књ. / Р. Симић, Ј. Јовановић ; Филол. фак. у Београду [и др.]. – Београд [и др.] : Филол. фак. [и др.], 2002. – 4 књ.
14. Anstey, M. P. Functional discourse grammar – multifunctional problems and constructional solutions / M. P. Anstey // *Linguistics*. – 2008. – Vol. 46, Iss. 4. – P. 831–859.

The article is devoted to the study of the syntactic derivation mechanisms in the Belarusian language. It reveals the range of compensatory functions of structural and semantic language mechanisms of syntactic derivatives of different types. The levels of linguistic representation of the semantics of structural and syntactic modifications (morphological, syntactic, superphrasal and logical-grammatical factors) have been investigated.

Поступила в редакцию 06.11.2020

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Д. В. Степанова, М. А. Жданович

ОСОБЕННОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ ИЗ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

В данной статье рассматривается специфика применения статистического подхода для выделения ключевых слов из научно-технических текстов. В качестве основного критерия для решения поставленной задачи была принята частотность, определяемая посредством программного продукта для семантико-статистического анализа текста Istio. Приводится подробное описание этапов статистической обработки разноплановых текстов, которая позволила составить список ключевых слов. Их анализ единиц показал, что 93,4 % отобранных слов являются ключевыми для текстов одного источника. Проверка отобранных ключевых слов по толковым словарям подтверждает необходимость обработки текстов различных источников и эффективность применения программного обеспечения для оперативного извлечения ключевых слов.

В современном мире во всех сферах деятельности общества наблюдается интенсификация развития науки и техники, что сопровождается распространением больших объемов информации, содержащей значительное количество новых терминов, не отраженных в словарях. Следовательно, существует постоянная необходимость в пополнении терминологических словарей новыми лексическими единицами.

При проведении лингвистических исследований по выделению терминов из научно-технических текстов применяются различные подходы. В целом для достижения указанной цели принято выделять семантический и статистический подходы [1]. Применение семантического подхода заключается в установлении логико-семантической соотнесенности понятия определенной предметной области и его плана выражения. Статистический подход реализуется посредством применения к текстам специально разработанных формул. В данном случае одним из главных факторов является частотность употребления слов. Сопутствующие факторы зависят от целей исследования и установок автора. По мнению А. В. Зубова, реализация статистических методов позволяет получить более объективный и более достоверный результат в процессе выделения терминов [1].

В рамках проводимого исследования по упорядочению терминологии предметной области «Информационные технологии» (ИТ) для решения задачи по выделению актуальной терминологии целесообразным представлялось использование комбинированного подхода, т.е. сочетания статистического и семантического подходов, реализация которого осуществляется в два этапа. Первый этап предполагает учет статистических характеристик, а именно частоты и частотности словоупотреблений, для

определения ключевых слов в исследуемых текстах. Второй этап заключается в проведении компонентного анализа дефиниций отобранных ключевых слов для определения степени их терминологичности и составления перечня актуальных терминов заданной предметной области. В рамках представленной статьи рассматриваются особенности применения статистического подхода к выделению ключевых слов из научно-технических текстов.

Источниками материала для исследования послужили тексты научных статей англоязычных журналов 2016–2019 гг. издания по различным аспектам предметной области ИТ [2; 3; 4], а также тексты руководств по эксплуатации новейшего программного обеспечения компании Microsoft за 2019 г. [5]. Для дальнейшего анализа отобранного материала были построены исследовательские корпуса текстов по каждому источнику. При составлении корпуса текстов периодических изданий было принято решение отбирать только названия статей, их аннотации и списки ключевых слов, что позволило повысить концентрацию терминов в создаваемом корпусе, снижая вероятность вхождения в частотные словари общеупотребительных слов (общий объем разработанного корпуса составляет 629 524 словоупотреблений). В корпус текстов руководств по эксплуатации компании Microsoft были включены тексты без предварительной обработки методом сплошной выборки (общий объем разработанного корпуса составляет 86 788 словоупотреблений). Полученные корпуса текстов были разделены на 20 подкорпусов, в том числе 12 подкорпусов, которые включают материал 3 журналов за 4 года издания, и 8 подкорпусов, которые выделены в соответствии с описываемым программным обеспечением (Excel, Microsoft Team, OneDrive, OneNote, Outlook, PowerPoint, SharePoint и Word).

Для решения задачи по автоматизированному извлечению ключевых слов из научно-технических текстов по ИТ был выбран программный продукт для статистического анализа текстов Istio, позволяющий получить информацию о частоте и частотности употребления лексических единиц. При этом показатель частотности (I_f) выражает отношение количества употреблений отдельного слова в тексте, или его частоту (F), к общему количеству слов в тексте (N) и высчитывается по следующей формуле:

$$I_f = \frac{F}{N} \cdot 100 \%$$

Например, в одном из подкорпусов текстов, который включает 53 113 словоупотреблений, слово *datum* встречается 584 раза (F). Следовательно, частотность (I_f) составляет 1 %. Предварительный анализ текстов показал, что целесообразным представляется фиксация в качестве ключевых тех слов, показатель частотности которых равен или превышает 0,3 %.

Следует отметить, что в англоязычных текстах научного стиля высокой частотностью обладают служебные части речи, которые в рамках статистической обработки текстов относятся к стоп-словам. Например, в указанном ранее подкорпусе наивысший показатель частотности имеет артикль *the*.

В связи с этим было принято решение удалить все стоп-слова из полученного частотного словаря, что также было выполнено автоматически посредством сервиса Istio.

Отобранные для исследования 20 подкорпусов текстов подлежали статистическому анализу с помощью сервиса Istio поэтапно. Вначале были проанализированы 4 подкорпуса текстов журнала «Future Generation Computer Systems» (табл. 1): 2016 г. – 53 113 словоупотреблений, 2017 г. – 65 460 словоупотреблений, 2018 г. – 160 314 словоупотреблений, 2019 г. – 186 371 словоупотребление.

Т а б л и ц а 1

Примеры ключевых слов, отобранных из текстов журнала «Future Generation Computer Systems» за 2016–2019 гг. (фрагмент таблицы)

Слово	Показатели частоты (F) и частотности (I _f , %) в подкорпусе								Средний показатель частотности, %
	2016		2017		2018		2019		
	F	I _f	F	I _f	F	I _f	F	I _f	
<i>algorithm</i>	175	0,3	280	0,4	808	0,5	718	0,3	0,4
<i>application</i>	249	0,4	317	0,4	609	0,3	740	0,3	0,4
<i>cloud</i>	508	0,9	511	0,7	1083	0,6	853	0,4	0,6
<i>compute</i>	250	0,4	333	0,5	766	0,4	683	0,3	0,4
<i>datum</i>	584	1	814	1,2	1671	1	1821	0,9	1

Представленная табл. 1 была получена путем объединения ключевых слов, отобранных в результате статистического анализа каждого подкорпуса текстов. Далее проводился анализ параметра частотности для каждого полученного ключевого слова во всех подкорпусах текстов с целью определения изменения его частотности в диахроническом аспекте.

Согласно полученным данным, 60 % слов (например, *algorithm*, *application*, *cloud*, *compute*, *datum*, *model*, *performance*, *service*, *system*) являются ключевыми во всех 4 исследуемых подкорпусах текстов. 20 % слов (*approach*, *Internet*, *network*, *resource*) имеют показатель частотности $\geq 0,3$ % в 3 подкорпусах текстов, 5 % слов (*process*) являются ключевыми в 2 подкорпусах текстов и 15 % слов (*schedule*, *smart*, *task*) были определены как ключевые только в одном подкорпусе текстов.

В целом 15 % лексических единиц (*internet*, *network*, *propose*) характеризуются увеличением частотности употребления, а 30 % единиц (*application*, *approach*, *cloud*, *resource*, *schedule*, *service*) – снижением данного показателя. Относительной устойчивостью обладает 25 % лексических единиц (*model*, *paper*, *performance*, *system*, *base*); волнообразное изменение частотности в диахроническом плане свойственно 30 % слов (*algorithm*, *compute*, *datum*, *process*, *smart*, *task*).

Анализ среднего показателя параметра частотности позволил выделить 17 ключевых слов из 20 отобранных.

На следующем этапе был проведен статистический анализ 4 подкорпусов текстов журнала «Information and Software Technology» (табл. 2): 2016 г. – 33 945 словоупотреблений, 2017 г. – 29 184 словоупотребления, 2018 г. – 43 854 словоупотребления, 2019 г. – 41 014 словоупотреблений.

Т а б л и ц а 2

Примеры ключевых слов, отобранных из текстов журнала «Information and Software Technology» за 2016–2019 гг. (фрагмент таблицы)

Слово	Показатели частоты (F) и частотности (I _f , %) в подкорпусе								Средний показатель частотности, %
	2016		2017		2018		2019		
	F	I _f	F	I _f	F	I _f	F	I _f	
<i>base</i>	105	0,3	101	0,3	97	0,2	104	0,2	0,3
<i>code</i>	54	0,1	106	0,3	151	0,3	160	0,3	0,3
<i>software</i>	436	1,2	346	1,1	647	1,4	553	1,3	1,3
<i>system</i>	158	0,4	180	0,6	199	0,4	186	0,4	0,5
<i>test</i>	151	0,4	118	0,4	205	0,4	181	0,4	0,4

Среди представленных программой ключевых слов 38 % лексических единиц (*application, approach, method, model, process, propose, software, study, system, test*) имеют показатель частотности $\geq 0,3$ % во всех 4 подкорпусах текстов. В 3 подкорпусах ключевыми являются 12 % слов (*code, development, project*); 31 % слов (*analysis, base, engineering, paper, requirement, research, technique, testing*) дважды зафиксированы как частотные; 19 % единиц являются ключевыми только в выборке за один год. Например, *datum* и *mutation* оказываются ключевыми только в текстах 2017 г., *performance* – 2018 г., а *identify* и *quality* – 2019 г.

В табл. 2 также отмечается ряд тенденций, касающихся изменения частотности отобранных лексических единиц. Было выявлено 58 % слов, которые относительно равномерно представлены в текстах журналов за все годы (например, *analysis, application, method, model, project, quality, research, test*). Волнообразная частотность зафиксирована в 31 % случаев, например, *datum, development, performance, requirement, software, system*. Кроме того, выявлено два случая повышения частотности (*code* и *technique*) и один случай снижения частотности (*process*).

В результате подведения итогов по всем четырем подкорпусам текстов рассматриваемого журнала было установлено, что 77 % слов имеют показатель частотности 0,3 % и более. Следовательно, в итоговый список ключевых слов было внесено 20 лексических единиц из 26 отобранных.

На третьем этапе были проанализированы тексты журнала «Journal of Information Technology» (табл. 3): 2016 г. – 4 106 словоупотреблений, 2017 г. – 4 731 словоупотребление, 2018 г. – 4 087 словоупотреблений, 2019 г. – 3 345 словоупотреблений.

Примеры ключевых слов, отобранных из текстов журнала
«Journal of Information Technology» за 2016–2019 гг. (фрагмент таблицы)

Слово	Показатели частоты (F) и частотности (I _f , %) в подкорпусе								Средний показатель частотности, %
	2016		2017		2018		2019		
	F	I _f	F	I _f	F	I _f	F	I _f	
<i>digital</i>	7	0,1	5	0,1	35	0,8	12	0,3	0,3
<i>information</i>	15	0,3	33	0,6	65	1,5	43	1	0,9
<i>model</i>	17	0,4	10	0,2	22	0,5	8	0,1	0,3
<i>system</i>	20	0,4	15	0,3	15	0,3	49	1,1	0,5
<i>technology</i>	15	0,3	37	0,7	16	0,3	13	0,3	0,4

Результаты анализа полученных данных показали, что 67 % отобранных слов являются ключевыми в одном подкорпусе текстов, например, *architecture, control, design, electronic, sourcing*. В полученной выборке отсутствуют слова, являющиеся ключевыми для 3 подкорпусов текстов. При этом только 11 % слов (*information, research, social, study, system, technology*) обладают высокой частотностью употребления в текстах за все четыре года; 23 % единиц имеют показатель, равный или превышающий 0,3 % в публикациях за два года, например, *digital, knowledge, model, platform*.

Следует отметить, что лексическое наполнение текстов рассматриваемого журнала характеризуется вариативностью в зависимости от года издания. В связи с этим в первоначальный список ключевых слов были включены 57 лексических единиц, при этом 9 % из них являются ключевыми для одного подкорпуса текстов, а в других подкорпусах отсутствуют (2016 г. – *resistance*, 2017 г. – *crowdfunding*, 2018 г. – *stock, TML*, 2019 г. – *architecture, overload*).

Диахронический анализ частотности слов, которые встречались как минимум в двух подкорпусах текстов журнала показал, что только 2 % слов (*process*) равномерно представлены с 2016 г. по 2019 г. В 14 % случаев отмечается повышение частотности употребления (*analytics, architecture, dynamic, electronic, overload, relationship*), а в 7 % случаев было выявлено снижение частотности употребления слов (*factor, paper, resistance, review*). Наиболее многочисленную группу слов (79 %) составляют те лексические единицы, которым свойственно волнообразное изменение частотности употребления с течением времени, например, *control, datum, digital, system*. По результатам анализа параметра частотности было выделено 16 ключевых слов из 57 отобранных ранее.

Как показывает анализ 12 подкорпусов текстов журналов, в список ключевых слов вошли только те единицы, которые встретились в выборках текстов как минимум за два года. Следовательно, для достижения установ-

ленного показателя 0,3 % лексическая единица должна обладать высокой частотностью и определенной устойчивостью. Вхождение лексической единицы в списки ключевых слов за весь исследуемый период может свидетельствовать о том, что она является одним из базовых концептов предметной области ИТ или клише научного стиля. Обнаружение слова только в одном подкорпусе текстов свидетельствует о неустойчивом интересе исследователей к понятию, обозначаемому данным словом. Можно предположить, что фиксация снижения, увеличения или волнообразного изменения частотности слов связана с изменением потребностей в изучении каких-либо технологий в силу их досконального или неполноценного исследования или недостаточного обеспечения теми или иными средствами, необходимыми для исследования.

Отдельного внимания заслуживают лексические единицы, которые не вошли в список ключевых слов, но характеризуются увеличением показателя частотности в выборке за 2019 г.: *analytics, architecture, dynamic, electronic, identity, overload, quality, relationship, technique*. Такая тенденция может свидетельствовать о возможном сохранении и увеличении частотности их употребления в ходе развития предметной области ИТ, в связи с чем представляется целесообразным на данном этапе внести рассмотренные 9 лексических единиц в список ключевых слов и в дальнейшем провести их семантический анализ.

На четвертом этапе был проведен статистический анализ 8 подкорпусов текстов руководств по эксплуатации программных продуктов Microsoft (табл. 4). Представленные в табл. 4 подкорпусы содержат следующее количество словоупотреблений: Excel – 37 024; OneDrive – 5 324; SharePoint – 2 734; Word – 11 245.

Т а б л и ц а 4

Примеры ключевых слов, отобранных из текстов руководств компании Microsoft (фрагмент таблицы)

Слово	Показатели частоты (F) и частотности (I _f , %) в подкорпусе							
	Excel		OneDrive		SharePoint		Word	
	F	I _f	F	I _f	F	I _f	F	I _f
<i>content</i>	24	0	–	–	11	0,4	51	0,4
<i>field</i>	127	0,3	–	–	–	–	37	0,3
<i>option</i>	113	0,3	–	–	10	0,3	46	0,4
<i>pane</i>	21	0	5	0	9	0,3	23	0,2
<i>sync</i>	3	0	24	0,4	11	0,4	–	–

Следует отметить, что в первоначальной выборке высокой частотностью обладали лексические единицы, обозначающие названия рассматриваемого

программного обеспечения, например *Excel, Microsoft Team, Office*. Данные единицы были исключены из списка полученных ключевых слов, поскольку в рамках проводимого исследования было принято решение не рассматривать номены. По результатам статистической обработки рассматриваемых текстов было получено 119 ключевых слов. Несмотря на разноплановость информации, предоставляемой в руководствах по эксплуатации разных программ, было выявлено 39 % слов, являющихся ключевыми для нескольких подкорпусов текстов. При этом 61 % отобранных слов являются ключевыми для одного подкорпуса текстов.

На заключительном этапе ключевые слова, отобранные из 4 источников (3 периодических изданий и руководства по эксплуатации), были сведены в общий перечень ключевых слов исследуемых современных текстов по ИТ, который включает 166 лексических единиц, при этом 2,4 % ключевых слов содержатся в трех источниках из четырех отобранных, 4,2 % – в двух источниках. Значительное количество ключевых слов (93,4 %) зафиксированы только в одном источнике, при этом не было выявлено ни одного слова, которое является ключевым во всех источниках. Такие статистические данные позволяют сделать вывод о том, что информация, представленная в журналах и руководствах, разнообразна по своему содержанию. Следовательно, подтверждается обширность охватываемых в рамках ИТ тем и вопросов и обосновывается необходимость включения в корпус текстов для исследования источников разного характера. Кроме того, проверка отобранных ключевых слов по толковым словарям [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12] показала, что 94 % лексических единиц имеют зафиксированные дефиниции, что подтверждает высокую эффективность применения автоматизированных средств для оперативного извлечения ключевых слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубов, А. В. Способы автоматического извлечения терминов из текстов / А. В. Зубов // *Slavonic Terminology Today*. – Vol. CLXVII, Book 28. – Belgrade, 2017. – С. 639–642.
2. Future Generation Computer Systems [Electronic resource] // Elsevier. – Mode of access: <https://www.journals.elsevier.com/future-generation-computer-systems>. – Date of access : 5.12.2019.
3. Information and Software Technology, Supports open access [Electronic resource] // Elsevier. – Mode of access : <https://www.sciencedirect.com/journal/information-and-software-technology/vol/116/suppl/C>. – Date of access : 5.12.2019.
4. Journal of Information Technology [Electronic resource] // Palgrave Macmillan. – Mode of access : <https://www.palgrave.com/gp/journal/41265/volumes-issues/latest-issue>. – Date of access : 5.12.2019.
5. Office 365 Training Center [Electronic resource] // Microsoft. – Mode of access : <https://support.office.com/en-gb/office-training-center>. – Date of access : 28.11.2019.

6. *Butterfield, A.* Oxford Dictionary of Computer Science / A. Butterfield, G. E. Ngondi, A. Kerr. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2016 – 627 p.
7. *Collin, S. M. H.* Dictionary of Computing / S. M. H. Collin. – 5th ed. – London : Bloomsbury, 2004. – 345 p.
8. *Collin, S. M. H.* Dictionary of ICT / S. M. H. Collin. – 4th ed. – London : Bloomsbury, 2004. – 288 p.
9. Dictionary of Computer and Internet Terms / D. A. Downing [et al.]. – 10th ed. – N. Y. : Barron's, 2009. – 560 p.
10. Information technology. Vocabulary : ISO/IEC 2382:2015(en) [Electronic resource] // Online Browsing Platform (OBP). – Mode of access : <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso-iec:2382:ed-1:v1:en>. – Date of access : 4.09.2020.
11. Microsoft Computer Dictionary – 5th ed. – Redmond : Microsoft Press, 2002. – 637 p.
12. Dictionary of Computer and Internet Terms: in 2 vol. / ed. J. C. Rigdon. – Cartersville : Eastern Digital Resources, 2016. – 1 vol.

This article is devoted to the problem of automatic key word extraction from scientific texts based on the frequency criterion. As a result, 166 key words are obtained. The analysis showed that 93,4 % of the keywords are recorded in only one group of texts, which confirms the need for processing various types of sources and using automated tools for prompt extraction of keywords.

Поступила в редакцию 27.10.20

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Э. Мобаракабади

ПРОБЛЕМАТИКА МУЖСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ «ВДАЛИ ОТ ОБЕЗУМЕВШЕЙ ТОЛПЫ» ТОМАСА ГАРДИ

Романы Т. Гарди уже давно стали предметом гендерного анализа. Однако сравнительно немного критиков обратили внимание на проблему мужественности в его произведениях. Данное исследование рассматривает влияние социально-культурных структур и дискурсов на формирование гендерных ролей и феномен мужской «представленности» в романе «Вдали от обезумевшей толпы». Показано, что структуры, из которых вырастают персонажи, фактически формируются ими через их гендерный акт. В статье рассматривается проблема взаимоотношений между социокультурными структурами и формированием мужского образа, созданного художественным воображением Т. Гарди.

Романы Томаса Гарди (1840–1928) уже давно стали объектом гендерных исследований, в результате чего появилось множество критических концепций относительно места и роли женщины в творчестве писателя. Однако сравнительно немного критиков сосредоточили внимание на проблеме мужественности и роли мужчин в этих романах. В статье предпринят анализ феномена мужественности и предложено тем самым новое прочтение романа Т. Гарди «Вдали от обезумевшей толпы» (*Far from the Madding Crowd*, 1874). Рассматривается, как в этом романе персонажи мужского пола формируются через гендерные и классовые структуры и дискурсы своего времени. В романах Гарди очевидна определяющая роль социальных структур в построении мужского образа. Чтобы назвать себя мужчиной, персонажи должны действовать в рамках современных социальных условий и дискурсов, которые в свою очередь определяют принципы формирования своего «я». Под влиянием преобладающих дискурсов о мужском образе эти персонажи в основном определяют себя с точки зрения «власти» (power), но в исследуемом романе раскрываются и ограничения такого построения мужественности. В то же время художественные компоненты, из которых строятся персонажи-мужчины, фактически формируются через их гендерное поведение (гендерный акт). Главная задача этого исследования заключается в том, чтобы рассмотреть, как с точки зрения Гарди формируется гендер, а также проанализировать механизмы изменения способов его формирования.

Известен факт, что Гарди был знаком с произведениями британского философа Дж. С. Милля (1806–1873), который утверждал, что «то, что сейчас называют природой женщины, в высшей степени искусственная вещь — результат принудительного подавления в одних направлениях и неестественной стимуляции в других» [1, р. 138]. Для Гарди это станет спорным вопросом

при осознании того, что, если женственность является конструкцией, то тогда мужественность – это порождение социальных структур и дискурсов. В своей статье «Bathsheba's Lovers: Male Sexuality in *Far from the Madding Crowd*» С. Бигель рассматривает видение Гарди некоторых видов мужественности. Она утверждает, что Гарди в романе «Вдали от обезумевшей толпы» критикует разновидность любви, выражающуюся Болдвудом и Троем по отношению к Батшебе, как любовь в форме собственности и страсти, а также любовь Оука, которая принимает форму дружбы [2, р. 116]. Тем не менее любовь как собственность не всегда характеризует поведение персонажей-мужчин в романе. В пятой главе, когда Оук узнает, что потерял все свое имущество, «it was as remarkable as it was characteristic that the one sentence he uttered was in thankfulness: – Thank God I am not married: what would she have done in the poverty now coming upon me!» ‘И что удивительно и как нельзя более характерно для него – первые слова, вырвавшиеся у него, были словами благодарности: – Благодарю тебя, боже, что я не женат! Каково бы ей теперь пришлось в бедности, которая ждет меня’ [3, р. 33]. Здесь Оук демонстрирует, что он заботится о счастье Батшебы больше, чем о том, чтобы обладать ею. Он остается поклонником Батшебы на протяжении всей истории. Данный факт подталкивает к более глубокому изучению как исторического контекста, так и мировоззрения Т. Гарди, отразившихся на создании мужских характеров в его произведениях.

Для викторианской эпохи стать мужчиной с точки зрения общества означало принять те ценности, которые демонстрируют мужское превосходство, поскольку гендерная идентичность включает в себя как формирование, так и защиту этих ценностей. Отношение Гарди к изменению гендерных ролей на рубеже веков было предметом ряда критических работ. Например, А. Федерико критикует те установки мужской идентичности, которые волнуют мужских персонажей Гарди, и то, как они справляются с этой проблемой. Изучая образ мужественности в романах Т. Гарди и Дж. Гиссинга в их историческом контексте, она исследует, каким образом изменения в восприятии мужественности в конце XIX века привели к кризису идентичности у мужчин. Авторы того периода создали мужских персонажей, которые находились в состоянии «амбивалентности», что наводит на мысль об амбивалентности сознания самих авторов, их «вживании» в изменения в гендерных ролях и представления о мужественности. Осознавая, что им нужно измениться, они цепляются за более «надежные» патриархальные стереотипы мужественности [4, р. 17].

Двойственная позиция Гарди по отношению к патриархальным идеалам мужественности также была исследована рядом других критиков. Например, Дж. Деверё рассматривает способы выявления патриархальных ценностей в романах Гарди через описание главных героев-мужчин. В то время как, по мнению Э. Шоуолтер (Elaine Showalter), Гарди критически относится

к патриархальным нормам мужественности, Деверё утверждает, что он занимает нерешительную позицию в отношении этих норм, особенно что касается джентльменского поведения в отношении чести и героизма, одновременно поддерживая и подвергая сомнению эти ценности. Деверё также рассматривает взаимосвязь между «социальным классом и сексуальной идентичностью» в произведениях Гарди, видя сплетение социальных и романтических устремлений мужских персонажей. Она анализирует «способы, которыми главный герой мужского пола пытается либо вписывать себя в определенный класс, либо смириться с провалом своих социальных и гендерных амбиций» [5, р. 11].

Несмотря на то, что мужские персонажи романов Гарди ограничены гендерными и классовыми структурами и дискурсами викторианской эпохи, которые строго определяют способы самореализации, эти социальные силы не воздействуют на персонажей извне, а скорее конституируют их, формируя их субъективность. Это обеспечивает определенную гибкость в том, как они реагируют на различные обстоятельства. Можно утверждать, что то, каким образом социальные силы конструируют индивидов, проистекает из философии Гарди. Его детерминизм включает в себя концепцию власти как силы, присущей явлениям, а не довлеющей над ними; он называет эту силу «необходимостью» (Necessity), «причиной» (Causality) или «имманентной волей» (Immanent Will). Одно из названий, которое Гарди дает «первопричине» – «имманентная воля». В своих письмах Э. Райту и Э. Клодду он рассуждает об этом понятии [6, р. 318–324]. Имманентная воля – это первопричина, или основа мира, и она заменит Бога как сила созидания и разрушения. Власть, как он ее понимает, управляет людьми не репрессивно, а проникая в само их существование. Таким образом, детерминизм Гарди, как утверждает Дж. Томас, имеет сходство «с более современной системой мышления, которая подчеркивает роль власти в образовании индивидуальной субъективности – не как силу, негативно применяемую извне, а как нечто, пронизывающее человека и воплощающееся в каждой мысли, жесте и социальном взаимодействии» [7, р. 1].

Философия Гарди, хотя и в высшей степени детерминированная, является весьма подвижной, поскольку для него отношения между социальными структурами и индивидами являются динамическими. Только социальные силы не определяют субъекты; как для Гарди, так и для более поздних теоретиков гендера, социальные структуры и дискурсы образуют индивидов, но именно индивиды создают эти силы, выражают себя через них. Гарди видит возможность изменения этих сил благодаря такой динамике.

По сравнению с более ранними работами Гарди роман «Вдали от обезумевшей толпы», впервые опубликованный в виде серии отдельных выпусков в 1874 году, привлек более серьезное внимание со стороны критиков. Роман имел успех, как подтвердил в письме Гарди Л. Стивен, который редактировал рукопись. По словам М. Миллгейта, благодаря «Вдали от обезумевшей толпы», Гарди не только получил «профессиональное признание», но и «[роман] выдвинул его в первые ряды современных романистов» [8, р. 149].

За романом скрывается целая сеть нерешенных проблем, в основном связанных с запутанностью людей между различными силами, определяющими их личность. «Вдали от обезумевшей толпы» помогает осознать тот факт, что с ранних этапов своей писательской карьеры Гарди был озабочен влиянием общества на формирование личности, особенно вопросом социальной конструкции гендера. Мужские персонажи и в этом романе Гарди должны определить себя через дискурсы, которые навязываются им обществом, чтобы получить «позицию человека» (субъекта). Чтобы считаться «мужчиной», эти персонажи должны иметь «представленность» (*presence*). Как пишет Дж. Бергер в своей книге «Ways of Seeing», «Мужская представленность зависит от потенциальной силы, которую он собой воплощает. Если этот потенциал силен и надежен, мужская представленность будет убедительной. Если же он недостаточен и сомнителен, мужская сущность будет считаться недостаточно представленной. Потенциальная сила может быть моральной, физической, психологической, экономической, социальной, сексуальной – но ее объект всегда будет внешним по отношению к мужчине. Мужская представленность предполагает способы, какими он может действовать по отношению к другому. Его представленность может быть сфабрикованной, в том смысле, что мужчина притворяется способным на какие-либо действия, а в реальности таковым не является. Но притворство всегда нацелено на видимость силы, которую он реализует на других» [9, р. 45]. Исследователь объясняет, что мужская «представленность» связана с заявлением о силе (власти) (*promise of power*). Чтобы иметь силу этой «представленности», мужчина должен обладать властью над другими. Э. Толсон дает определение понятия «представленности»: «определенный стиль поведения и внешнее представление, которое становится частью внутреннего образа “я”, и которое обычно конструируется через авторитетность, настойчивость, агрессию или физическую силу» [10, р. 8].

Гарди в романе «Вдали от обезумевшей толпы» показывает, каким образом социальные силы становятся определяющим фактором формирования субъективности такого человека, как Болдвуд. Болдвуд формирует себя через гендерные и классовые структуры и дискурсы своего времени, определяющие способы действия, которыми он должен руководствоваться. Как объясняет Толсон, работа является основным фактором, определяющим мужскую идентичность. Определяя свою мужественность с точки зрения профессии и достижения финансового и социального статуса, став «фермером-джентльменом» (*gentleman farmer*) [3, р. 62], Болдвуд также действует в рамках классовых структур. Для викторианского буржуазного общества успех и мужественность во многом отождествлялись. «Деловое мастерство» (*business prowess*) – это то качество, которое ожидали от представителей среднего класса, как отмечают Л. Давидов и К. Холл [11, р. 21]. Обладая сильным образом мужественности на публике, Болдвуд не предполагал реализовывать свою «представленность» в частной или личной сфере посредством брака, который был «экономическим

и социальным строительным блоком для среднего класса», даже несмотря на то что в викторианской эпохе «задача рыночной деятельности состояла в том, чтобы обеспечить должную моральную и религиозную жизнь для семьи» [11, р. 21]. Согласно Коннеллу, структура «эмоциональной привязанности», которая требует, чтобы мужчина нашел себе пару, указывает на тот факт, что его «мужественность еще не обусловлена» [12, р. 99]: «I had never any views of myself as a husband in my earlier days, nor have I made any calculation on the subject since I have been older» ‘Я и в молодости никогда не думал о женитьбе, и в зрелые годы не строил никаких планов на этот счет’ [3, р. 111], – говорит Болдвуд Батшебе. Его стремление к достижению определенного материального и социального статуса и отказ от интимных отношений и брака демонстрируют формулировку мужественности в соответствии с дискурсами «буржуазноиндустриального общества», которые приравнивали «мужественность» к успеху в общественной сфере и требовали сдерживания интимных отношений как способа достижения успеха. Для него женщины были отдаленными явлениями, а не необходимым дополнением, о котором он «не считал своим долгом» серьезно думать. Однако письмо Батшебы на Валентинов день напоминает ему об альтернативных способах выявления своей мужской «представленности» через любовные отношения. Теперь он по-новому чувствует себя: «Adam awakened from his deep sleep, and behold, there was Eve» ‘Адам проснулся от своего глубокого сна, открыл очи – перед ним была Ева’ [3, р. 102]. Постепенно желание обладать той, над кем он не имеет полного контроля, начинает его угнетать: «the spherical completeness of his existence is slowly spreading into an abnormal distortion in the particular direction of an ideal passion» ‘прежняя замкнутая цельность его существования медленно разрасталась до огромных неопределенных размеров и приобретала четкое направление: к идеализирующей страсти’ [3, р. 87]. Под давлением желания обладать Болдвуд переопределяет себя в соответствии с дискурсом мужественности в христианстве, что позволяет ему достичь желаемого в рамках брака. Таким образом, он как муж будет делать карьеру в общественной сфере, благодаря которой он будет обеспечивать свою жену и должен быть тем, кто соглашается на роль защитника. Для среднего класса викторианской эпохи мужественность включала в себя способность «манипулировать собственностью и контролировать ее, чтобы поддерживать своих иждивенцев» [11, р. 211].

Другое действие Болдвуда по переопределению себя как «мужчины» направлено в сторону своего соперника, сержанта Троя. Здесь Гарди показывает борьбу за власть между двумя персонажами мужского пола, где Трой демонстрирует свою силу как мужчина, который уже обладает Батшебой, и как человек, не заботящийся о вопросе чести. Вначале Болдвуд, который имеет преимущество в том, что физически является более сильным мужчиной, умудряется запугать Троя своей физической и вербальной силой, заставляя его думать, что лучше «быть вежливым» по отношению к фермеру.

Он позиционирует себя как бизнесмен, пытаясь устранить своего соперника, подкупив его, чтобы он женился на Фанни. Однако, прося Болдвуда послушать его разговор с Батшебой, Трой еще больше его оскорбляет: «there was a nervous twitching of Boldwood's tightly closed lips, and his face became bathed in a clammy dew» ... 'у Болдвуда нервно подергивались стиснутые губы и лоб покрылся липкой испариной' [3, p. 202]. Сцена в романе, где Трой изображен внутри дома Батшебы, а Болдвуд – снаружи на темной дороге, метафорически представляет победу Троя над Болдвудом. С исчезновением Троя и известием о его смерти Болдвуд еще раз пытается показать себя потенциальным обладателем Батшебы. У него снова появляется шанс помечтать о том, чтобы стать ее мужем. Попытка Болдвуда утвердить свою мужественность через брак окончательно проваливается с появлением Троя. В этот раз Болдвуд решает подавить соперника, физически устраняя его, и таким образом восстановить свой статус как «мужчина».

Трагедия Болдвуда изображена как результат дискурсов, определяющих понятия мужественности либо с точки зрения контроля над интимными желаниями, либо с точки зрения обладания объектом желания. В связи с этим такие дискурсы ограничивают людей, причиняя им страдания и чувство потерянного достоинства. «I had better go somewhere alone, and hide – and pray. I loved a woman once. I am now ashamed. When I am dead they'll say, Miserable love-sick man that he was. Heaven – heaven – if I had got jilted secretly, and the dishonour not known, and my position kept!» 'Лучше всего мне уехать куда-нибудь подальше, спрятаться от людей и молиться день и ночь. На свою беду, я полюбил женщину. Теперь я стыжусь этого. Когда я умру, обо мне скажут: «Бедняга! Его доконала несчастная любовь!» Боже мой! Боже мой! Если бы еще никто не знал о моем позоре, и я сохранил бы уважение людей!' [3, p. 177]. Когда Болдвуд понимает, что перед Троем он бессилен, он говорит ему: «Troy, make her your wife, and don't act upon what I arranged just now. The alternative is dreadful, but take Bathsheba; I give her up! She must love you indeed to sell soul and body to you so utterly as she has done. Wretched woman – deluded woman – you are, Bathsheba!» 'Женитесь на ней, Трой, и забудьте, что я вам только что говорил. Это ужасно для меня, но другого выхода нет: берите Батшебу! Я отказываюсь от нее! Как сильно она вас полюбила, если так безрассудно вам отдалась! О Батшеба, Батшеба! Несчастливая вы женщина! Как жестоко вы обмануты!' [3, p. 200]. Гарди изображает Троя в резком контрасте с Болдвудом. «Such a clever young dand as he is! He's a doctor's son by name, which is a great deal; and he's an earl's son by nature!» 'Такой образованный, джентльмен. Докторским сыном числится – фамилию его носит, кажется, чего больше надо; а родом-то он – графский сын' [3, p. 141]. Трой – человек яркий, страстный и хитрый. По мнению М. Уильямса, Трой, очевидно, подчиняется дискурсам как среднего класса, так и аристократов, поскольку он ссылается на свои «профессиональные и аристократические связи» [13, p. 117].

Однако мужественность Троя не обусловлена буржуазными понятиями. Он не кормилец и не муж; вместо этого он просто имитирует мужественность, представленную аристократией. Поэтому Болдвуд называет Троя «copying clerk» (копирщик). Как пишет Р. Г. Шамгонова в своей книге «Проблема женского образа в прозе Томаса Гарди», «убийство Троя Болдвудом, смертный приговор убийце, замененный позже тюремным сроком, можно рассматривать в контексте всей мифопоэтической структуры романа как своего рода очистительную жертву, принесенную в искупление вины окружающих перед беззащитной Фанни» [14, с. 63]. Когда Трой не получает никаких известий о Фанни, он пытается заявить о своем мужском положении, завоевав женщину, которую он сейчас имеет перед собой. Он заявляет о своей «представленности» в терминах обладания любым объектом для удовлетворения своего желания. Он дает волю своим желаниям и не отдает себе отчета в своих действиях. Моральная деградация Троя сделает из него бунтаря против нравственных и этических норм общества. Именно из-за бунтарского и неординарного поведения он создает себе образ сильного мужчины. Для него даже Фанни является средством утверждения его мужественности. Однако смерть Фанни дает ему возможность испытать любовь и страдание, заставляя на мгновение дистанцироваться от аристократических норм мужественности. Страдание позволяет ему подвергнуть сомнению нормы мужественности, которых он ранее придерживался. Он больше не тот мужчина, который «had laughed, and sung, and poured love-trifles into a woman's ear» 'хохотал, распевал песни и нашептывал на ухо женщинам любовный вздор', а «a miserable man» 'несчастный челове', который «wished himself another man» 'желал бы быть другим мужчиной', который «hated himself» 'ненавидел себя» [3, p. 277]. Однако он не в состоянии сохранить новую личность и противостоять сложившимся нормам общества, которые уже повлияли на становление его как личности. «A man who has spent his primal strength in journeying in one direction has not much spirit left for reversing his course» 'Когда человек долгое время шел в одном направлении и выбился из сил, у него едва ли хватит энергии повернуть в другую сторону' [3, p. 278]. Его совместный план с Пенниуэйсом вернуть Батшебу и ее собственность в конце романа указывает на его возвращение к прошлому состоянию личности.

Изображая Габриэля Оука, Гарди пытается показать возможность альтернативных способов быть «мужчиной». Мужественность для Оука, как и для других персонажей, обусловлена гендерными и классовыми структурами, но он не так ограничен этими структурами, как другие персонажи. Он в какой-то степени способен сопротивляться структурным нормам «самоопределения» в викторианском обществе. Оук вырос в рабочей семье и определил себя через свои социальные классовые структуры. Он старается улучшить условия своей жизни, но одни материальные цели не определяют его личность как мужчины. Гарди изображает Оука как человека, способного управлять своими желаниями, действующего рационально, и наделяет его «мудростью» в сцене, где Оук встречается Фанни на дороге: он «fancied that he had felt himself in the penumbra

of a very deep sadness when touching that slight and fragile creature» ‘У него было такое чувство, как будто он соприкоснулся вплотную с каким-то безысходным горем, когда рука этого маленького, хрупкого существа легла в его руку’, но он думал, что «wisdom lies in moderating mere impressions, and Gabriel endeavoured to think little of this» ‘на то и разум, чтобы не поддаваться минутным впечатлениям, и Габриэль постарался забыть об этой встрече’ [3, p. 46]. Дж. Терли (Geoffrey Thurley) описывает Оука как «пассивного персонажа»: «он должен выдержать до конца книги» [15, p. 76]. Но можно утверждать, что для Оука подчинение судьбе само по себе является рациональным действием. Он действует рационально, не пытаясь контролировать то, что находится вне его контроля. Понятие мужественности у Оука связано с его способностями, его интуитивной силой, навыками и даже его музыкальным талантом – вещами, которые у него нельзя отнять. Он обладает «интуицией», чтобы «ascertain the time of night from the altitude of the stars» ‘определить по положению звезд, который сейчас может быть час’ [3, p. 12], прогнозировать погоду и предсказывать шторм. Эти способности позволяют ему выявить свою мужественность. Вместо того, чтобы обладать Батшебой, Оук пытается продемонстрировать ей свою мужскую личность, помогая ей и поддерживая ее. Он хочет, чтобы Батшеба была счастлива, даже несмотря на то, что она с другим мужчиной, потому что, как утверждает С. Бигель, «любовь Оука к ней больше носит характер дружбы, чем страсти» [2, p. 108].

В романе «Вдали от обезумевшей толпы» Гарди затрагивает проблемы, которые развиваются и в его более поздних работах: роль гендерных и классовых структур и дискурсов в формировании личности персонажей и их связь с человеческими страданиями, а также возможность создания альтернативных способов формирования личности. В романе показана невозможность определения себя вне существующих структур и дискурсов; даже Оук должен формировать себя в этих рамках. Тем не менее автор в этом романе представил другие способы формирования личности мужских персонажей, отличающиеся от доминирующих способов его времени. Судьба Оука – образец благородного образа мужественности. Таким образом, Гарди придает роману определенную степень оптимизма, хотя трагическая судьба Болдвуда и Троя вызывает пессимизм, который охватывает более поздние работы Гарди.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mill, J. S. On liberty / J. S. Mill. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995. – 289 p.
2. Beegel, S. Bathsheba's Lovers: Male Sexuality in *Far from the Madding Crowd* / S. Beegel // Sexuality and Victorian Literature / ed. D. R. Cox. – Knoxville : The Univ. of Tennessee Press, 1984. – P. 108–127.
3. Hardy, T. *Far from the Madding Crowd* / T. Hardy; ed.: R. Morgan and S. Russell. – London : Penguin, 2003. – 480 p.

4. *Federico, A. Masculine Identity in Hardy and Gissing / A. Federico.* – Cranbury: Associated Univ. Presses, 1991. – 148 p.
5. *Devereux, J. Patriarchy and its Discontents : Sexual Politics in Selected Novels and Stories of Thomas Hardy / J. Devereux.* – N. Y. : Routledge, 2003. – 144 p.
6. *Hardy, F. E. The Life of Thomas Hardy / F. E. Hardy.* – UK : Palgrave Macmillan, 1962. – 470 p.
7. *Thomas, J. Thomas Hardy, Femininity and Dissent : Reassessing the ‘Minor’ Novels / J. Thomas.* – Basingstoke : Macmillan, 1999. – 172 p.
8. *Millgate, M. Thomas Hardy : A Biography Revisited / M. Millgate.* – Oxford : Oxford Univ. Press, 2006. – 625 p.
9. *Berger, J. Ways of Seeing / J. Berger.* – London : British Broadcasting Corporation and Penguin, 1972. – 166 p.
10. *Tolson, A. The Limits of Masculinity : Male Identity and the Liberated Woman / A. Tolson.* – London : Routledge, 1977. – 158 p.
11. *Davidoff, L. Family Fortunes : Men and Women of the English Middle Class 1780-1850 / L. Davidoff, C. Hall.* – London : Hutchinson, 1987. – 322 p.
12. *Connell, R. W. Gender and Power : Society, the Person and Sexual Politics / R. W. Connell.* – Cambridge : Polity, 1987. – 352 p.
13. *Williams, M. Thomas Hardy and Rural England / M. Williams.* – London : Macmillan, 1972. – XV, 224 p.
14. *Шамгонова, Р. Г. Проблема женского образа в прозе Томаса Гарди / Р. Г. Шамгонова.* – Уральск : Ред.-издат. центр ЗКГУ им. М. Утемисова, 2016. – 205 с.
15. *Thurley, G. The Psychology of Hardy’s Novels : The Nervous and the Statuesque / G. Thurley.* – St. Lucia, Queensland : Univ. of Queensland Press, 1975. – 252 p.

Thomas Hardy’s novels have long been the subject of gender analysis. However, relatively few critics have paid attention to the issue of masculinity in his novels. This study establishes the influence of socio-cultural structures on the formation of gender roles and the phenomenon of male “presence” in the novel “Far from the Madding Crowd”. The research shows that T. Hardy incorporated his changing worldview when building his male characters in the novel to offer other ways of ascertaining masculinity.

Поступила в редакцию 03.12.2020

Л. В. Первушина

ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТВОРЧЕСТВА ДОЙНЫ ГАЛИЧ БАРР

В статье рассматривается духовно-религиозное содержание творчества Дойны Галич Барр (1932–2010) – известной американской писательницы сербского происхождения. Выявляются мировоззренческие установки автора и определяется жанровая специфика

произведений, в которых представлены ее духовно-религиозные поиски, рассматриваются особенности художественного отражения духовно-религиозных исканий. Раскрыты вероисповедальные мотивы, представлены обряды, традиции и реалии сакрального назначения, которые являются неотъемлемой составляющей жизни героев произведений Д. Галич Барр.

На нынешнем этапе культурно-исторического развития особую актуальность приобретает осмысление духовности в ее первичном значении. Соответственно, для современного литературоведения бесспорно приоритетным становится внимание к проблематике, касающейся отражения в словесном искусстве духовно-религиозной сферы как «основы формирования смысло-жизненных ценностей, норм, поведения, ориентиров в самоопределении и самореализации личности» [1].

В этом плане бесспорный интерес представляет творческое наследие Дойны Галич Барр (1932–2010) – известной и весьма влиятельной американской писательницы-эмигрантки сербского происхождения. Ее романы специфически отразили пересечение историко-культурных, социально-политических, эмиграционных, философских, общеэстетических и собственно литературных векторов, став неординарным явлением современной американской литературы. Это можно рассматривать как итог адекватного реагирования на коллизии глобализационных процессов, поскольку в поле зрения писательницы – тревоги мира, обусловленные информационно-коммуникационными изменениями в повседневной жизни и сознании современного социума. Однако значимость ее произведений этим не ограничивается. Не менее важна для нее духовность, которая предопределяла как авторское мировоззрение в целом, так и эстетические взгляды в частности, а плюс к этому и формы личностной самоидентификации в среде пребывания, т.е. в США.

Таким образом, творчество Д. Галич Барр несет в себе специфические черты, которые могут рассматриваться как исключительные, особые, представляющие собою *феномен*. Уточним, что это понятие используется нами в закрепившихся значениях: «способность быть исключительным, небывалым, редким, необычным, выдающимся по своим качествам, свойствам, силе проявления» [2]; «себя-в-себе-самом-показывающее», но и имеющее возможность «сокрытия-себя-самого» [3, с. 902]; явление, «в котором обнаруживается сущность чего-нибудь» [4]. Ну а подвергнуть феномен осмыслению – «значит теоретизировать его таким способом, который максимально полно сможет выявить феноменальные аспекты исследуемого предмета...» [5, р. 285] как неповторимые, оригинальные, яркие, интенсивно уникальные, своеобразные и индивидуально отличительные.

Исходя из указанного, мы будем рассматривать литературное творчество данного автора как сложное, многовекторное явление, выходящее за рамки многих конвенциональных смыслов, художественных систем и значений, как обладающее качествами феноменальными – «исключительными, особенными, существенными, уникальными» [6, р. 670]. На наш взгляд, в данном случае вполне уместно говорить, что каждый роман Д. Галич Барр

представляет собою произведение уникальное, неповторимое художественно, а также исключительно насыщенное философски и психологически. При этом, что важно отметить, вся сфера художественных экспериментов их автора включает ряд системно организованных и взаимодействующих феноменов: феномен интеллектуальной литературной игры, феномен поликультурных переключек, феномен сложной гибридной личной идентичности, феномен психологии личности, феномен виртуальной реальности и его взаимодействие с реальностью объективной, феномен свободы, феномен интертекстуальности, феномен интермедиальности как синтеза искусств (т.е. феномен вербальной репрезентации визуального и музыкального искусств), феномен культурно-исторической памяти, феномен эмиграции... Но главное – феномен веры и обусловленный ею феномен духовно-религиозного словесного творчества. Соответственно, должный анализ творчества Д. Галич Барр – смысловое декодирование и разноаспектная интерпретация – требует значительных культурно-фоновых знаний, осведомленности в вопросах истории и теории разных родов искусства, а также психологии человека.

Специфической особенностью творчества Д. Галич Барр является четко выраженный синтез двух важных и гармонично сочетающихся в личности писательницы компонентов – ее *светскости, активной включенности в мирскую жизнь общества*, а в то же время и *глубокой религиозности*. Иначе говоря, духовные, философско-религиозные идеи постоянно вводятся ею в ткань произведений, которые повествуют о проблемах глобализованного мира, т.е. современного общества с закрепляющимися в нем моделями взаимоотношений между людьми, а также раскрывают поиски как индивидуальной и творческой, так и национальной, духовной идентичности. С одной стороны, это является репрезентацией индивидуального авторского мировидения, с другой – своеобразным отражением объективно существующих в современном обществе «двух взаимообусловленных и взаимоисключающих процессов – клерикализации и секуляризации» [1], преломленных через мышление автора и ее шкалу ценностей.

Следует подчеркнуть, что Д. Галич Барр – это личность, которая проявила себя в разных сферах творческой деятельности, не только в литературе, но также в музыке и живописи. Она удостоена престижных литературных наград; картины, созданные этой талантливой художницей, выставлялись в различных странах; ее музыкальные вечера запомнились многим слушателям. Невозможно обойти вниманием также известность, связанную с научными изысканиями и практической медицинской работой. Ее профессиональная психологическая медицинская помощь позволила облегчить страдания многим пациентам, включая массы эмигрантов, вынужденных искать убежища в США в результате региональных войн и межэтнических конфликтов. Культурные приоритеты, национальная и этническая самоидентификации Д. Галич Барр выявляются через художественное воспроизведение межличностных отношений героев произведений. А они насыщены локальными,

региональными и трансатлантическими переключками культур, описаниями жизни в разных странах и на разных континентах, в том числе и в эмиграции. Именно это свойственно романам Д. Галич Барр «Ангелы без лиц», «Колокола и ветер», «Сизый голубь», «Ангелы без ликов» и «Дом разбитых зеркал», имеющим как большую информативность, так и неопределимую значимость в аксиологическом и культурно-просветительском планах.

При всей широте диапазона тематики «опознавательным знаком» творчества Д. Галич Барр неизменно остается *религиозность*, устремление к высокой *духовности*. Потому оно в итоге представляет собой целостную динамическую систему, содержание которой включает «представления человека о целостности своего “я”, высших духовных ценностях, пути духовного развития и своем предназначении в жизни» [7, с. 43]. Гибкая, подвижная и одновременно центрированная верой личность писательницы характеризуется стремлением к познанию мира, его глубинных основ и уровней бытия, а также осмыслением сложнейшей связи «между сферой внутренней жизни человека и предметным миром» или «объективной действительностью» [8, с. 418], то есть той связи, которая находит свое единство в вере.

Если конкретизировать, то духовно-творческие искания этой писательницы связаны с православной верой и культурой, с православными духовными традициями и непосредственно с сербским православным менталитетом. Православие на протяжении многих веков оказывало серьезное влияние на формирование национального самосознания сербов и сербской культуры. Известно, что и «в сегодняшней Сербии, как и в Сербии XIX века, православная церковь становится существенным фактором национальной консолидации сербского народа. Во время борьбы за независимость от османов православная церковь брала на себя роль “национального идентификатора» не только в пределах титульного государства, но и являлась значимым компонентом в формировании этнонациональной идентичности сербов вне границ Сербии – в сербских землях Австро-Венгрии и Турции. Сербская православная церковь продолжила эту традицию и в XXI столетии. Сегодня она служит объединяющим фактором для сербского народа...» [9, с. 1]. В связи с нашей темой не лишне подчеркнуть: отмеченное практически в одинаковой степени имеет отношение как к метрополии, так и к сербской диаспоре в разных странах мира. Следует отметить также, что Д. Галич Барр отнюдь не идеализирует сербский национальный характер, выработанный на основе опыта истории. Она в полной мере учитывает, что «коллективному сознанию и бессознательному сербского этноса – возможно, как никакому другому в мире – присущ трагизм» [10, с. 4], а также все обусловленное указанным. Вместе с тем писательница не может оставаться без надежды на развитие истинной духовности у новых поколений сербского народа, с которым она кровно связана, чтобы выдержать весьма вероятные грядущие испытания.

Рассуждая о значении православных традиций для литературы нашего времени, И. А. Казанцева справедливо отмечает: «...Православие стимулировало онтологическую и аксиологическую проблематику в творчестве различных авторов, <...> актуализировало православную аксиологию и ее вхождение в произведения современных авторов» [11]. На материале современной русской литературы А. М. Любомудров делает вывод, что «именно в XX веке свершилось событие, значение которого трудно переоценить: русская художественная литература, светская по духу, открыла мир русского православия» [12, л. 71]. Добавим, что из-за доминирования специфических средств массовой информации это не столь очевидно, однако нельзя не замечать, что и во всей мировой литературе не угас интерес к христианским идеям. Человечеству необходимо возвращаться к духовности.

Для характеристики совокупности особенностей произведений Д. Галич Барр, в которых представлены духовно-религиозные поиски, мы позволяем себе пользоваться определением *духовный реализм*. Данный термин вполне активно употребляется рядом литературоведов (уже названными И. А. Казанцевой и А. М. Любомудровым, а также Ф. И. Буслаевой и др.) при анализе и интерпретациях произведений литературы, в которых присутствуют как проблемы светского общества, так и православные религиозные темы, реалии, архетипы, мотивы, образы-концепты и образы-символы во всей их смысловой многозначности. Вовсе не отрицая существенных различий между произведениями литературы «светской» и «духовной», «религиозной», «церковной», мы полагаем, что термин *духовный реализм* все же является корректным и целесообразным для характеристики произведений Д. Галич Барр, в которых ярко и многоаспектно проявляется духовность. Как отмечает И. А. Казанцева, о литературе такого рода, в которой сочетались и изложение светских историй жизни людей, и наполнение ткани текста религиозными, вероисповедальными мотивами, писал в свое время Феофан Затворник: «Но и книги с человеческими премудростями могут питать дух. Это те, которые в природе и истории указывают нам следы мудрости, благодати, правды и многопопечительного о нас промысления Божия. Бог открывает себя в природе и истории так же, как и в Слове Своем. И они суть книги Божия для тех, кто умеет в них читать» [13, с. 251].

Художественное отражение духовно-религиозных исканий в романах Д. Галич Барр осуществляется в нескольких ракурсах. Прежде всего, писательница подчеркивает, что Православие значимо для нее как основа мировоззрения, что она верит в существование справедливой, жизнеутверждающей и чудодейственной силы Бога. А это значит, что каждую человеческую жизнь и свою «самость» она признает частью мироздания, созданного и управляемого Божьей властью, которая устанавливает законы бытия. Соответственно, личное — это часть Божественного бытия. Дарованные способности к научной и практической медицинской работе, талант к художественному творчеству также рассматриваются как результат Промысления Божьего. Так

что и деятельная любовь, и активный труд в разных сферах социума должны восприниматься в контексте четко выраженной духовности. Мировоззренческая позиция писательницы сформировалась в области того философско-религиозного понимания бытия, которое С. Л. Франк определил следующим образом: «Смысл, бытийная основа и подлинное исполнение моего непосредственного самобытия, моего “я-есмы”, лежат в реальности “Бог-и-я”» [8, с. 519].

Сказанное не означает, что в творчестве Д. Галич Барр отсутствует уважительное отношение и толерантность по отношению к людям с разными религиозными воззрениями. Отнюдь. Ее герои являются носителями разных вероисповеданий, находятся во взаимоотношениях, которые свойственны современному глобализирующемуся миру. Художественное пространство ее прозы в полном смысле поликультурно и поликонфессионально – в нем сосуществуют православие, иудаизм, католицизм, мусульманство, а также верования, «которые отражают историю индейских племен» [14, р. 129]. В частности, писательницей подробно раскрываются особенности культур Южной Америки (на реке Амазонке), их ритуалы и обычаи, в которых «представлено уникальное смешение католической религии с сегментами африканской и индейской, ...гармоническое сочетание сплава католицизма с афро-индейскими верованиями Кандомбле» [Там же, р. 113–114].

При всем этом Д. Галич Барр погружает своих читателей в православную культуру. Можно сказать даже, что она создает своеобразный *православный дискурс*, выявляя особенности мировосприятия, систему ценностей и специфику сознания христианина, для которого православие – это мировоззрение, образ жизни, идентичность, самость, т.е. весьма четко определенная позиция. Основной постулат идейно-творческих исканий писательницы, который определяет все ее творческие принципы и эстетические установки, таков: «Я пишу с Христом в своем сердце, я глубоко чувствую Христианство и Православие» [15, р. 173].

Связь творчества Д. Галич Барр с православной традицией отчетливо проявляется в общем отношении к идее Бога и Божественного. Между тем в романах «Колокола и ветер», «Сизый голубь», «Ангелы без ликов», «Дом разбитых зеркал» мы находим как общие, типичные для религиозного мировоззрения, формы выражения этой идеи, так и определенно индивидуальные, обусловленные именно личной православной верой. Так, идея Бога в художественном мире Д. Галич Барр включает ее собственное понимание Божественного начала как мощной силы развития личности. А практически все главные герои ее – это представители творческих профессий: художники, музыканты, скульпторы, т.е. те, кто осваивает действительность по законам прекрасного.

Известно, что «в религиозно-философском дискурсе (школы всеединства) – *идея Бога* – это сложная, иерархически построенная система значений, вербализованная большим количеством конкретных экспликаторов» [16, с. 163]. Что же касается Д. Галич Барр, то у нее очевидны следующие образы-

идеи Божественного: Бог, Иисус, Господь [17, с. 16], Христос – Богоизбранный Ребенок [Там же, с. 11], неутомимый Учитель [Там же, с. 17] Вездесущий [Там же], Иисус – Избранник Божий [Там же, с. 12], Христос – Сын Божий, Христос – веселый ребенок, [Там же, с. 11], Младенец Иисус, Всевышний [Там же, с. 134], Творец, Всевидящий [Там же, с. 98], Спаситель, Вседержитель, Единый Всевышний Творец [Там же, с. 133], Отец Ваш Небесный [Там же, с. 139], Бог и Христос как единый и всеблагий Господин вселенной [Там же, с. 210], Промыслитель, Источник веры и религии, Его жизнь связана с жизнью Святого Духа [Там же, с. 142], связь с Христом осуществляется через звук и образ нашей души, находящей ответ и гармонию в молитвах и песнопениях; Христос, Иисус – избранник Бога, пастухи и дарами посетили Христа в день его рождения [Там же, с. 12].

Для писательницы и многих ее героев свойственно именно православное восприятие Бога как Истины, источника жизни, свободы, любви, гармонии. Он неизменно предстает как Созидатель жизни и Сам жизнь вечная, Он – «вечен и истинен» [Там же, с. 15], «Спаситель людей, Избранный Всемогущим» [Там же, с. 14], «Сын Божий, который воскрес, <...> Он – вестник Бога, его апостол на земле» [Там же, с. 15], «Всеобъемлющий Бог, присутствующий в людях и во всем, что вас окружает» [Там же, с. 25]. Восприятие Д. Галич Барр и многих ее героев перекликается с идеей о том, что «Бог – основа и смысл бытия вообще и бытия человеческого в частности, безусловная цель, к которой должны быть направлены вся жизнь и деятельность человека, основание всякого процесса в мире» [16, с. 179].

Для некоторых Бог – совершенно особое, внеличностное, противоречивое понятие, так как «нельзя осмыслить внутреннюю жизнь Бога по аналогии с человеческими аффектами» [Там же, с. 166]. А вот для Д. Галич Барр и многих ее героев Бог – «не абстрактное понятие» [17, с. 15], «Он близок, он – единственная реальность доброты; в нашем существовании он воплощает все самое лучшее, чистое, вечную любовь и единую истину» [Там же]. Бог открывается миру через моменты Божественного откровения, через особое состояние души человека, мгновения озарения, прозрения, эпифанию. Он предстает через Божественное проявление в природе и в духовном начале. Но главное – *глубокая вера и молитвенное вопрошание Бога*. Потому писательница признается: «... Как и многие верующие, я очень рано в жизни поняла, что Бог и его любовь – единственная истина» [Там же, с. 133].

По Д. Галич Барр, Бог приходит к тому, кто жаждет жизни с Ним, устремляется к Нему. Бог, как Вездесущий и Всемогущий, как Хранитель людей, Сам имеющий человеческую природу, представляется писательнице *чувствующим*. Суть Божественного и чувства Иисуса глубоко волновали ее героиню Изабеллу в детстве: «Я спрашивала себя, о чем он думал, когда был ребенком, какое детство у него, богоизбранного? Эти сцены не покидали меня, их я охотнее всего рисовала. Видения Христа в буйной детской фантазии были

многообразны. Так было, когда я стала пользоваться красками» [17, с. 11]. И позже художница восстанавливала историю жизни Иисуса и образы святых в картинах и мозаиках на стенах православных монастырей и церквей. Она воссоздавала библейские истории и показывала Иисуса как ребенка, который «шутит, смеется с друзьями и совершает чудеса», изображала Его «веселым мальчиком, купающимся в реке Иордан, где позднее Он был крещен. В окружении большой семьи Иисус пел псалмы благодарения Богу» [Там же, с. 12]. «Он был так близок мне в мечте, как будто мы были вместе» [Там же]. Бог, в ее понимании, ждет человека, сочувствует ему, понимает и прощает его. Бог несет избавление от страданий: «Иисус из Назарета шел по Святой земле, исцелял и творил чудеса» [Там же, с. 10–11]. Вместе с тем Он ждет от человека деятельности и упорства в делах. Поэтому учил: «Простите и дано будет вам; ищите и найдете; стучите, и отворят вам» [Там же, с. 8].

Тех, кто приближается благодаря своей вере к Божественному, Д. Галич Барр определяет как «Божьих детей» [Там же, с. 20]; монахини, которые несут свое послушание, для нее – «Божьи цветы», «избранницы Христовы»; доброго человека она именует «агнцем Божьим» [Там же]; талант же творческой личности оценивает как «Божий дар» [Там же].

Важным для характеристики содержания идеи Бога у этой писательницы является следующее: Бог – это высшая Истина, это совершенный Отец Небесный. Подчеркивая могущество Господа, Отца Небесного и многократно говоря о Мудрости Божьей, она тверда в вере: «...На все воля Божья» [Там же, с. 110]. И потому из-под ее пера выходят совершенно однозначные мнения, к примеру, что зимой монастырская церковь с находящимися там послушниками остается на попечении Святого Духа [Там же, с. 96], а также что Божье благословение становится все более значимым для верующих людей [Там же, с. 154].

В произведениях Д. Галич Барр большое внимание уделено образу Богоматери [Там же, с. 108]. В частности, осмысливается символика древних икон, на которых изображена Богородица с младенцем на руках [Там же, с. 97] и рядом со взрослым Христом [Там же, с. 14]. Писательница передает свое понимание Непос-тижимого и конкретно той боли, которую испытывала Богородица, зная, что «воспитать ребенка, тем более Христа, был ее великий долг перед Богом, а сколь удивительно и скорбно было чувство, что сын отдаст жизнь ради спасения всех людей: избранный Всемогушим, ей он не принадлежит, думала она в печали» [Там же].

Богородица ведет художницу к Богу, указывает путь к Нему. Изабелла славит Богородицу и часто обращается к ней за помощью: «В отсутствие матери Богородица была мне заступницей, как маленькому Христу» [Там же, с. 97]. Она отмечает также: «Мое благоговение перед Богородицей – святейшей из женщин, избранной Богом, – выражалось в том, что в те годы я писала ее с огромным золотым нимбом, который был для меня символом особой ценности – святости, установленной Богом. Я покрывала ее тело драпировками нежной окраски, а руки выписывала особенно тщательно, ибо ими она

обнимала свое дитя, Спасителя нашего. Когда я писала иконы с ее ликом, я ощущала любовь, уважение, теплоту нежность, но и печаль. Я постигала ее образ – образ матери с ребенком на руках...» [17, с. 14–15]. Итогом стало то, что «годы спустя, когда судьба привела меня в отдаленный женский монастырь в Эфиопии, я выполнила подобный образ в мозаике. Мне помогали дети. Меня удивило, что они привнесли в ангельские лица печаль и слезы. Согласно детям, ангелы плачут оттого, что убьют младенца-Христа. Мать-Богородица печальна, она раньше всех узнала, что ее сын будет убит» [Там же, с. 35].

Изабелла верила в чудеса, совершаемые святыми, считая, что «это рука Божья, протянутая святым, верующим, которых избирает Господь» [Там же, с. 137–138]. Тексты романов Д. Галич Барр включают прямое обращение героев романа к святым – Василию Острожскому, Параскеве Сербской, Георгию Победоносцу, через которых Бог людям являет Свою волю. Так, героиня романа «Колокола и ветер», посещая Сербию, получила особую благодать, по ее вере и усердию в работе: «...на родине, в моей крестной славе и любимой церкви, я обрела чудотворную защиту святой Параскевы. Когда я пишу Параскеву или делаю мозаику с ее образом, я ощущаю ее в себе и вокруг себя – беседую с ней. То же чувство у меня, когда я изображаю Христа» [Там же, с. 104]. В романах Галич Барр нередко упоминаются и другие иконы, и творения святых Отцов Церкви, и дни церковных праздников, связанных с именами св. Стефана, св. Николая, св. Иоанна, св. Георгия, св. Лазаря и др. Особый интерес для иностранных читателей представляет сугубо сербский праздник «Слава» – прославление святого покровителя рода и семьи. Его отмечают и верующие сербы-эмигранты в разных странах мира.

В свои произведения Д. Галич Барр вводит множество вероисповедальных мотивов, раскрывая их прямо или опосредованно, через поток сознания или реалистически представленные эпизоды жизни, через звуки музыки или описания внутреннего мира героев. Так, впечатляюще представлен мотив *страданий Христа*, отдающего жизнь ради спасения людей. Героиня-художница осмысливает те фрагменты Священного Писания, в которых отражены события, принесшие Безгрешному Богочеловеку Иисусу Христу безмерные, величайшие физические муки и духовные страдания, а затем воплощает их в своей мозаике: «... Работая, я видела его слезы и слышала плач – не от физической боли, страданий и мук, но оттого, что он свидетельствует, сколько трагедий и мук в человеческой жизни, и понимает, как нам, грешным, нужна помощь, явленная в чудесах и вере во Всевышнего» [Там же, с. 10]. В этом случае происходит настоящее общение с Господом: «Его лицо было спокойно, не выражало тоски; но в пронизательных, темных, влажных глазах поблескивали слезы. Эти глаза лучше, чем наши, человеческие, видели прошлое рода людского, его настоящее и будущее, которое не сулило избавления от ненависти, злобы, зависти, убийства, болезней и голода» [Там же, с. 10–11]. Художница постоянно пребывает и сопереживает с Христом и потому получает

способность передать это в своей мозаической картине, усилить «мощный образ Господня страдания. Христос не стонал от боли, а я, когда мозаика была завершена, вдруг заплакала.... Вы ощутили мою боль...» [17, с. 97]. То была боль Господня, страдания Бога.

Весьма значимым в романах Д. Галич Барр является мотив *преображения*. Он включает в себя преобразование как мира, так и человека, его души. Писательница неоднократно употребляет словосочетание «откровение Божества», объясняющее, как Бог открывается в природе и в духе: «Он – в инструментах изобретателей и проектах строителей..., Он – в каждом слове хорошо написанной книги, стихотворения, рассказа, ибо его мудрость позволяет писателю смотреть дальше и глубже, чем видит обычный человек, обогащает его мечтой и идеями, которые, возможно, когда-то были реальностью или станут реальностью в будущем... Только его мощь придает делам людским печать совершенства, долговечности и красоты» [Там же, с. 16].

Общий мотив веры как *служения Богу* проходит через все творчество писательницы. Для нее, как и для ее персонажей, Бог, Иисус Христос является образцом жизни в действенной любви к ближнему. И сам жизненный путь – движение к Спасителю и Спасению. Героиня Изабелла работает в святых местах, православных монастырях, чтобы запечатлеть образ Христа и лики святых. Она убедительно выражает желание жить для Бога, показывает мысль о Боге, тоску по Богу, искание Бога: «...часть моей любви и благодарности за муки Иисуса – на стенах монастырей, которые я расписываю, в иконах и мозаиках, которые, если не будут уничтожены врагами Православия, останутся свидетелями крепкой веры того, кто их создал. ...Я пишу не для того, чтобы добиться славы и почитания.... Но если эта работа полезна и достойна того, чтобы не пропасть, она будет жить и после смерти моей, независимо от того, кто ее автор, ибо об этом не будет записи. Запись запечатлена в моем сердце, а когда оно перестанет биться, душа может впитать ее, если будет на то воля Божья» [Там же, с. 15]. Именно благодаря вере их создателей настоящие произведения искусства притягивают с магнетической непреодолимой силой, передаваемой ими, чувствовавшими Бога и прикоснувшимися к таинству творчества, потому что «искусство, как и молитва, является зеркалом нашей души» [15, р. 130]. А мысли о подлинных ценностях жизни и творчества у Д. Галич Барр основываются на искренней вере в присутствие Бога в жизни: «Я сильнее ощущаю присутствие Вседержителя, его творческий дух, любовь и могущество...» [17, с. 39].

В романах Д. Галич Барр именно христианское содержание получает мотив *любви*. Как автор, так и ее персонажи осознают что *Христос есть Любовь*, что Он – «непрестанная любовь и надежда. А любовь – единственная истина и сила во вселенной» [Там же, с. 137]. Такова у этой писательницы концепция, важными заповедями которой являются любовь к Богу всем сердцем, всей душой и всеми мыслями, а также любовь к людям, как и самому себе.

Собственно, здесь имеются все основания говорить о мотиве *единства веры, надежды и любви* – того единства, которое выявляется посредством поведения в повседневной жизни, действенной включенности в общество. Вера в Бога подкрепляется любовью, добрыми делами и служением людям. Как говорил Святитель Николай Сербский, «Вера нас может спасти, лишь когда она соединена с добрыми делами и явлена через них, когда она вдохновлена любовью к Богу» [18].

Христианская нравственность немыслима без *прощения и всепрощения*, что как мотив у Д. Галич Барр также занимает должное место при художественном отражении человеческих взаимоотношений, а также и в размышлениях о необходимости терпеть и прощать, чтобы приблизиться к *идеалу – Спасителю*. Ибо страдания сына Божьего за спасение людей – высочайший пример всеохватной и всепрощающей любви. В романе «Колокола и ветер» имеются такие строки: «...Мы, грешники, должны прощать, дабы и нам было прощено. Опять-таки единственно во имя любви» [17, с. 137]. Прощение – «единственный путь истины и успокоения. Молись чаще, пока не почувствуешь, что простила. Но и после этого молись, чтобы обрести душевное равновесие» [Там же, с. 138].

Прочную связь между собой имеют в романах Галич Барр мотивы *поиска Истины и духовного прозрения*. Многие персонажи ее находятся в поиске, на пути духовного самосовершенствования.

Универсален, по определению, мотив *спасения*. Писательница, следуя установкам христианского вероучения, стремится к спасению своей души, чтобы помочь в том же людям. Соответственно, принцип, которым руководствуются герои ее книг, это: спасая – спасаешься, спасая одну жизнь – спасаешь мир. Напомним, что самой Д. Галич Барр пришлось смириться с вынужденной эмиграцией, чтобы водворить порядок и мир в душе, а также чтобы распространять мир и любовь вокруг себя. Иными словами, она следовала истине, высказанной преподобным Серафимом Саровским: «Стяжи дух мирен и тысячи вокруг тебя спасутся».

Как уже отмечалось, в романах Д. Галич Барр встречается множество описаний храмов и монастырей, церковных богослужений и отдельных обрядов, храмовых росписей, сакрального назначения предметов. Повествование романа «Колокола и ветер» насыщено такого рода реалиями: *церковь, храм, алтарь, клирос, свеча, фреска, икона...* Подробно представлена внутренняя жизнь *Храма Божьего* – перед службой церковь открывает тяжелую дверь, в которой *образы святых, иконы, ощущение «присутствия» вечности* [Там же, с. 141]. Описывается *капелла*, в которой проводили уборку монахини, чистили подсвечники. В тексте указываются и звания служителей церкви – например, *игуменья, инок, священник, священномонах*. Героиня романа наблюдает, как ее знакомый «беседует с *иноком, священномонахом*, который присутствует здесь ради каноничности обряда». Как известно, монахиням

нельзя входить в *алтарь*, а можно только *за клиросом* [17, с. 99]. Восстанавливаются тонкости воспоминаний и о *маленькой часовне*, которую расписывает художница [Там же, с. 141], и которая примыкающей к *монастырской церкви*, где *монахини* «спят, едят и принимают на ночлег паломников и больных» [Там же], где несут службу днем и ночью *послушники Бога*. Говорится о *таинстве службы* в монастыре, где «*тьма¹, свечи, лампы и ангельские голоса монахинь*, присутствие *вечности в этом Божьем доме*. В городах ни одна церковь не производит такого впечатления!» [Там же]. Часто особым светом радости наполняется церковь: «...Золото сияло, как солнце сквозь снежное небо. Казалось, вся часовня залита солнцем – отражавшимся не только от цветной мозаики, но и от *иконостаса*» [Там же, с. 153].

В монастырях и церквях течение времени свое. Так и у Д. Галич Барр: художественное время она связывает прежде всего с *церковным календарем*, т.е. описывает события каждодневные, но обращенные к вневременности. Такая взаимосвязь художественного времени и времени реального проявляется всегда при посещении храмов, а тем более – богослужений, осуществляющихся в определенные тысячелетней практикой дни и часы. Как в Эфиопии, так и в Сербии для монашествующих и паломников нормой становится ежедневное посещение богослужений: «*снег от моего порога до самого монастыря* был расчищен» [Там же]. Изабелла ходит по утрам в монастырь, чтобы зажечь *свечи* [Там же, с. 99], художница заканчивает *ропись монастыря*, «украшает этот *Божий дом* фресками и мозаикой» [Там же, с. 100]. Днями монахини готовятся к *освящению* новой часовни [Там же, с. 153]. Изабелла каждый день спешит в гору – к монахиням, чтобы завершить *образ Святого Георгия*, «закончить последнюю икону небольшого иконостаса, нанести позолоту на подготовленный грунт на всех образах» [Там же, с. 153]; и она засыпает *со звоном колоколов*.

Церковное время подчеркивается регулярностью молитв, посредством которых находит выражение вера в Спасителя. Жизнь в эфиопском женском монастыре, удаленном от праздных людей и туристов, описывается с акцентом на *значимость молитв*, которые начинались в пять утра и длились часами. Между тем не только в монастыре, но и в окрестных селениях, не меньше, чем в сотне домов, «люди продолжали молиться и после захода солнца, в сумерки уходящего к Желтому Нилу солнца» [Там же, с. 25]. И в благоприятных условиях, и в сложные времена необходима непрестанная молитва. Поэтому монахиня среди ночи звонит в колокола, призывая молиться. Наряду с молитвами, церковное пение и *звон колоколов* – вот звуки, «которые сопутствуют монахиням, где бы они ни были» [Там же, с. 20].

Православные таинства и обряды – *крещение, причастие, исповедь, венчание, соборование, отпевание, панихиды* – являются неотъемлемой

¹ Здесь и далее курсив в цитатах наш. – Л. П.

составляющей жизни героев произведений Д. Галич Барр. Благодаря им обретается чистота помыслов и душевное умиротворение, глубже постигается смысл жизни. В частности, через *пост, покаяние и молитву* христианину передается мощнейший импульс к духовному очищению, самосовершенствованию и пониманию своего истинного места в мире. Так, сенатор Билл, супруг главной героини романа «Сизый голубь», врача Урании, обращается с *молитвенными просьбами* к Богу о помощи в восстановлении здоровья после террористического акта, в котором он пострадал, и об указании ему правильного жизненного пути. С церковью связан и конец земного пути верующего человека. Не случайно Д. Галич Барр описывает, как в Сербской православной церкви проходит отпевание ее близких, усопших, с участием церковного хора [15, с. 55].

Писательнице удастся создать *особое православное пространство*, которое является вселенским, но в то же время отмечено географическими координатами расположения конкретных храмов и монастырей в разных странах, на разных континентах. А объединяется оно *колокольным звоном* – *Божественным звуком*, «одним из видов проповеди православия в мире..., он служит средством, побуждающим человека к прославлению Бога и вознесения Славы Ему» [19]. Традиционный для православия колокольный звон сопровождает течение времени в бесконечность, свидетельствуя о красоте и величии Божьего мира. Звон колоколов символизирует музыку бытия, присутствие Всевышнего и его Божественной силы в природе и жизни человека. Он призван сопровождать те духовно-нравственные искания, которые осуществляют герои романов Д. Галич Барр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свистухина, А. С. Православие как фактор современных российских трансформаций : дис. ... канд. филол. наук : 09.00.13 / А. С. Свистухина [Электронный ресурс]. – 2009. – 192 л. – Режим доступа : [dissercat.com/content/pravoslavie-kak-factor-sovremennykh-rossiiskikh-transfor-matsii]. – Дата доступа : 02.02.2020.
2. Феноменальность. Феноменальный [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://podskazki.info/fenomenalnost/>. – Дата доступа: 3.04. 2018.
3. Философия. Энциклопедический словарь / ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2004. – 1072 с.
4. Феномен / Словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://classes.ru/all-russiam/dictionary-foreign-term-13740.htm>. – Дата доступа : 3.07. 2018.
5. Blackburn, S. Phenomenon / S. Blackburn // The Oxford Dictionary of Philosophy. Oxford : Oxford Univ. Press. – 1996. – 418 p.
6. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Encyclopedic Edition / chief ed. A. P. Cowie. – N. Y. : Oxford Univ. Press, 1992. – 1081 p.

7. Амбросимова, Ю. А. Сравнительный анализ представлений об интегрированной личности у групп, различающихся уровнем взаимодействия с данным явлением: психосоматический аспект / Ю. А. Амбросимова // Сибирский психол. журнал. – 2010. – № 35. – С. 43–46 с.
8. Франк, С. Л. Непостижимое / С. Л. Франк // Сочинения. – М. : Правда, 1990. – С. 183–559.
9. Колинченко, Ю. В. Сербская православная церковь в 1878 – 1920 гг.: национальная идеология и политическая практика : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – 07.00.03. / Ю. В. Колинченко – М. : МПГУ, 2019. – 43 с.
10. Чарота, І. Спасціжэнне таямніц / І. Чарота // Таямніца часу : выбранае : зб. вершаў / Дж. Нікаліч ; укл., прадм., камент. І. Чароты : пер. з серб. : І. Чарота, Л. Рублеўская, В. Шніп. – Мінск : Белпрынт, 2013. – С. 3–12.
11. Казанцева, И. А. Православная аксиология в русской прозе XX–XXI веков : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / И. А. Казанцева. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2011. – 481 л.
12. Любомудров, А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев : дис. ... д-ра. филол. наук : 10.01.01 / А. М. Любомудров. – СПб. : Рос. акад. наук, Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом), 2001. – 245 л.
13. Святитель Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? / Ф. Затворник. – СПб., 1991. – 352 с.
14. Barr Galic, D. Angels Without Faces / D. Galic Barr. – Belgrade : Literary Magazine, 2005. – 342 p.
15. Barr Galic, D. The Blue Pigeon / D. Galic Barr. – Belgrade : Serbian Writers Association, 2006. – 570 p.
16. Сергеева, Е. В. Избранное : сб. ст. / Е. В. Сергеева. – М. : Директ-Медиа, 2013. – 343 с.
17. Барр, Галич Д. Колокола и ветер / Д. Галич Барр. – М. : Вахазар ; Этерна, 2009. – 304 с.
18. Святитель Николай Сербский о жизни с Богом “Верь больше!” [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://pravoslavie.ru/93046.html>. – Дата доступа : 15. 07. 2020.
19. Музольф, А. От чего уберегает колокольный звон? [Электронный ресурс] / А. Музольф. – Режим доступа : pravlife.org/ru/content/ot-chego-uberegaet-kolokolnyy-zvon. – Дата доступа : 14. 05. 2020.

The article deals with the spiritual and religious content in the fiction by Dojna Galic Barr (1932–2010) – a famous American writer of Serbian origin. The research reveals the writer’s worldviews, presents her faith commitments, and considers her spiritual and religious quests. The genre peculiarities of Barr’s novels are determined and the religious motifs which are introduced in the Barr’s narratives are revealed. The paper also looks at sacramental customs, rites and traditions, as well as sacred collective realities which make an inseparable part of the life of Barr’s literary characters.

Поступила в редакцию 14.12.2020

МАТЫЎ ПАМЯЦІ І ТЭМА БЕЛАРУСІ Ў МІЖВАЕННАЙ ПАЭЗІІ ЛЕАНАРДА ПАДГОРСКАГА-АКОЛАВА

У артыкуле выяўляюцца роля і спецыфіка функцыянавання матыву памяці ў міжваеннай творчасці польскага паэта беларускага паходжання Леанарда Падгорскага-Аколава (1891–1957). На матэрыяле яго зборніка «Беларусь» (1924) разглядаюцца формы і ўзроўні мастацкага ўвасаблення тэмы малой радзімы: успаміны пра сям'ю, міфалагізацыя і ідэалізацыя бацькоўскага дома, лірычныя перажыванні, споведнасць інтанацый, багацце пейзажных замалёвак, патрыятычны пафас, рамантычная традыцыя, топас мяжы, дыхатаміі Тады – Зараз, Там – Тут. Матыў памяці і тэма Радзімы ў паэзіі Л. Падгорскага-Аколава раскрываюцца на аснове шырокага дыяпазону псіхалагічных перажыванняў лірычнага героя праз актуалізацыю матываў і вобразаў польскай паэзіі XIX стагоддзя.

Першая трэць XX ст. пасля вядомых гістарычных і геапалітычных падзей засведчыла месца Беларусі на карце свету як асобнай дзяржавы, дзякуючы чаму ў славянскіх літаратурах з'явіліся творы, у якіх беларусы і Беларусь пачалі прысутнічаць як этнонім і палітонім. Прыкладам гэтаму можа служыць паэзія Леанарда Падгорскага-Аколава (Leonard Podhorski-Okołów), польскага паэта, крытыка і перакладчыка, які быў родам са Случчыны. Літаратуразнаўства Польшчы і Беларусі яшчэ не асэнсавала як след яго творчую спадчыну: на дадзены момант існуе толькі некалькі публікацый, прысвечаных Л. Падгорскаму-Аколаву [1; 2]; паасобныя вершы гэтага польскага паэта на беларускую мову перакладалі І. Багдановіч, М. Гайдук, М. Кавыль, А. Лойка, Я. Семяжон.

Паэзія Л. Падгорскага-Аколава 1920–30-х гг. – цікавая з'ява ў кантэксце беларуска-польскага ўзаемадзеяння, прасякнутая ўдзячнай памяццю пра мінулае і надзеяй аўтара на лепшую будучыню. Менавіта на гэтым заснавана яго паэтычная сістэма, якая адлюстравала не толькі крызіс цывілізацыі, заняпад гармоніі свету, але і пошукі шляхоў выратавання чалавека і грамадства праз зварот да нацыянальных і агульначалавечых каштоўнасцей. Творчая індывідуальнасць Л. Падгорскага-Аколава фарміравалася пад выразным уплывам вопыту літаратурна-мастацкага аб'яднання «Скамандр», у якое ўваходзілі найлепшыя прадстаўнікі польскай міжваеннай паэзіі – Я. Івашкевіч, Ю. Тувім, Я. Лехань, А. Сланіўскі і інш. Але яшчэ ў большай ступені на спецыфіку мастацкага свету Л. Падгорскага-Аколава паўплывала міцкевічаўская традыцыя: «Ён, прыхільнік традыцыйных фармальных патрабаванняў, памяркоўны наватар, у сваёй паэзіі, не падзяляючы скамандрыцкага віталізму і грамадскага бунту, адлюстраваў пачуцці чалавека, які згубіўся ў гарадской цывілізацыі і з настальгіяй звяртаўся да вясковых краявідаў дзяцінства» [3, с. 75]. У творах паэта матывы і вобразы польскай літаратуры, вядомыя яшчэ з XIX ст., знайшлі арганічны працяг і ідэйна-творчае ўзбагачэнне.

Беларускі дыскурс прысутнічае ў паэзіі Л. Падгорскага-Аколава 1920–30-х гг. на розных узроўнях: матывы, вобразы, рэаліі, тапонімы. У творчасці гэтага перыяду паэт досыць шматстайна адлюстравваў жыццё на беларуска-польскім памежжы, якое ў значнай ступені было абумоўлена не толькі супольным быццём некалькіх народаў, але і драматычнымі рэаліямі першай трэці XX стагоддзя. Нягледзячы на складаную грамадска-палітычную сітуацыю Л. Падгорскі-Аколаў заўсёды з любоўю і рамантычнай узнёсласцю апісваў бацькоўскі край, паэтызаваў сваю малую радзіму, пацверджаннем чаму можа служыць кніга пад назвай «Беларусь» («Białoruś») [4], якая набачыла свет у 1924 г. у віленскай друкарні Л. Хамінскага.

Цыкл «Беларусь» Л. Падгорскага-Аколава складаецца з пятнаццаці вершаў, напісаных ім у 1922–1924 гг. Выданне распачынае эпіграф з міцкевічаўскага «Пана Тадэвуша» («Kiedyż nam Pan Bóg wrócić z wędrówki dozwoli, i znowu dom zamieszkać na ojczystej roli...»), адлюстроўваючы тым самым творчыя арыенціры маладога аўтара і перадаючы асноўную эмоцыю цыкла – настальгію па прычыне вымушанай ростані з зямлёй продкаў. Кніга Л. Падгорскага-Аколава і па аўтарскай задуме, і па свайму зместу з’яўляецца зваротам да асабістай, народнай і агульначалавечай памяці. У вершаваным цыкле гэты матыў – важны сэнсава- і структураўтваральны элемент, які аб’ядноўвае ў адно цэлае ўсе лініі зборніка. Значэнне, якое надае Л. Падгорскі-Аколаў памяці як неад’емнаму і важнаму кампаненту экзістэнцыі кожнага чалавека, выяўляецца ўжо ў тым, што многія творы цыкла «Беларусь» – гэта вершы-прысвячэнні, вершы-пасланні ці вершы-ўспаміны. Шматлікія паэтычныя радкі ў зборніку «Беларусь» адрасаваны непасрэдна родным ці блізкім паэта, яго сябрам, з якімі ён дзеліцца сваімі думкамі, пачуццямі, настроем або разважае аб мінулым і сучасным, аб зігзагах лёсу, радасцях і горычы сучаснага жыцця (напрыклад, «*Stryjowi Konstantemu*», «*Ojcu*», «*Władysławowi Zawistowskiemu*» і інш.). У выніку нават агульныя, «вечныя тэмы» трактуюцца паэтам праз прызму памяці, якая ці то непасрэдна актуалізоўваецца ў вершах, ці то прысутнічае ў падтэксце, але ніколі не вызваляе аўтара з-пад сваёй улады і становіцца арганізатарам яго паэтычнага ўяўлення і пачуццяў.

У вершах Л. Падгорскага-Аколава памяць выступае і як катэгорыя асабістага кшталту, і як памяць роду, гісторыі, культурнай традыцыі. Памяць для паэта – гэта не толькі падзеі, факты, імёны, якімі напоўнена мінулае любога чалавека. Яна – пастаянная велічыня, бо прысутнічае ў сацыяльнай свядомасці папярэдніх пакаленняў і сучаснікаў. У індывідуальна-суб’ектыўным плане памяць становіцца апірышчам асабістай і нацыянальнай ідэнтыфікацыі, выбару чалавекам духоўных і грамадзянскіх арыенціраў.

У паэтычным цыкле «Беларусь» аўтар досыць выразна праглядаецца за постаццю лірычнага героя, бо новыя час і рэаліі, жыццёвы вопыт падштурхоўваюць паэта да шматбаковай і глыбокай рэфлексіі, больш яскравай пры-

сутнасці аўтарскага «я». Вершы Л. Падгорскага-Аколава прасякнуты патрыятычным пафасам, тужою па родных мясцінах, напоўнены характэрнымі для беларускай зямлі апазнавальнымі прыроднымі знакамі, без якіх яму немагчыма ўявіць радзіму: «зялёная мая зямля беларуская», «найпрыгожая мая Беларусь», «далёкі і незабыўны край», «разлітыя рэкі блакітныя», «чараты, што дрэмлюць», «сплужаная зямля», «сосны сапфірныя», «шапкі саламяных стрэх», «бор бясконцы», «подых вякоў над сном дуброў» [5, с. 102]. Гэта і «дрыготкі жаваранак» у небе, які адным з першых прылятае з выраю, прыносячы вясну на родныя нівы і палеткі, і «буслава клякатанне» як сімвал шчасця, дабрабыту і злагады ў хаце [Там жа].

У беларускім цыкле Л. Падгорскага-Аколава прысутнічае матыў Дома («дом аднапавярховы з шкляной верандай і драўляным ганкам» [Там жа]), які з'яўляецца алегорыяй Дома духоўнага – Бацькаўшчыны і выразна кантрастуе з рэаліямі варшаўскага побыту паэта (у міжваенны перыяд ён жыў у сталіцы): «Zasłuchamy się chciwie w te wszystkie szelesty i tony, / Zapatrzymy się w siebie i w gwiazdne głębokie migoty... / I daleko tak będzie, jak ciężki sen, dawno prześniony: / Marszałkowska, Skorupki, Skamander – i lata tęsknoty» [3, с. 25], («Чуйным слыхам злаўлю тыя ўсе перамены і тоны, / Углыб сябе зазірну і ў зіхоткія зорак гірлянды... / І далёка так будзе, як сон, у юнацтве прысьнёны: / Маршалкоўская вуліца, смутак, Скарупкі, Скамандр» [6, с. 76]).

У вершах Л. Падгорскага-Аколава асабліва падкрэсліваецца гасціннасць беларускага народа: напалову адчыненыя дзверы ў хатах, якія быццам чакаюць з далёкіх шляхоў-дарог сваіх гаспадароў, сваякоў ці проста падарожных людзей. Аўтар звяртаецца да дому як захавальніка памяці, з дакладнасцю ў рэаліях і фактах, ашчаднасцю ў выбары мастацкіх сродкаў успамінае тагачасны ўклад жыцця. Лірычны герой скардзіцца на тое, што яго там няма, тым самым псіхалагічна завастраючы матыў тугі па роднай зямлі. На гэту адметнасць творчай стратэгіі польскага паэта слухна звярнула ўвагу І. Багдановіч: «Асноўныя настроі цыкла Л. Падгорскага-Аколава – смутак, пачуццё адарванасці ад роднага краю, ідэалізацыя яго, вылучэнне найяскравейшых праяў і ўражанняў дзяцінства і маладосці, пачуццё недаравальнай стратнасці чагосьці найдаражэйшага, сапраўднага ў сваім харакце і дасканаласці. Бясспрэчна, гэта моманты ідэалізацыі як эстэтычнай кампенсацыі за выбар іншых прыярытэтаў у рэчаіснасці» [1, с. 41].

У многіх творах Л. Падгорскага-Аколава з цыкла «Беларусь» успаміны з часоў дзяцінства лакалізуюцца ў канкрэтных тапаграфічных назвах (Капыль, Слуцк, Навагрудак, Нясвіж, Ашмяны і інш.), якія з'яўляюцца свайго кшталту сімваламі роднай зямлі, алегорыяй гістарычна-культурнай супольнасці народаў, якія спакон вякоў жылі на гэтай тэрыторыі. Аўтар параўноўвае бацькоўскі край з іншымі вядомымі краінамі і гарадамі Еўропы і робіць наступную выснову: яго радзіма не горшая за іншыя славутыя мясціны

і ў сучаснай сітуацыі з'яўляецца «абяцанай зямлёй», страчаным раем. Ад верша да верша пашыраецца абсяг памяці паэта, больш насычаным становіцца літаратурны, філасофскі, гістарычны і сацыякультурны кантэкст яго твораў: «Przestała bawić zagranica, / I Rzym marzony, i Hellada... // Bo czemuż one rozwesela, / Gdy stokroć droższy nad Akropol, / Jest dziś, wśród wzgórz kościoła bielą / W błękitnej dali drżący, Koryl» [4, s. 9] («*Не цешыць болей заганіца, / Ні Рым прывабны, ні Элада... // Бо чым яны мяне ўзвяселяць, / Калі мілейшы за Акропаль / Цяпер касьцёл на ўзгорку белы / У сіняй далі любы Копыль*» [6, с. 72]).

Родная старонка для паэта – месца, дзе «*на нівах мір – і Бог на небе*» («*na niwach mir – i Bóg na niebie*» [4, s. 19]). «Як кожнае неспакойнае пачуццё, туга Падгорскага па Беларусі ўтрымлівае ў сабе элементы сублімацыі і ідэалізацыі, – адначасна польскі літаратуразнаўца С. Поляк. – Востра і антытэтычна ён супрацьпастаўляе гораду спакой беларускай вёскі, якая здалёк здаецца яму выратавальным сродкам ад любых пакутаў для чалавека, згубленага ў тлуме цывілізацыі. Поўныя суму вершы пра Беларусь з'яўляюцца распачнай спробай аўтара вырвацца з пагражальнай атмасферы горада» [6, с. 14]. А з іншага боку, успаміны пра радзіму для паэта – незагойная рана, прычына душэўных пакутаў і экзістэнцыяльнага болю: «*Twój głos po posach na mnie woła, / Twój oddech we dnie mnie opala*» [4, s. 21] («*Твой голас па начах мяне кліча, / Тваё дыханне ўдзень мяне апаліць*»¹). Але лірычны герой Л.Падгорскага-Аколава не страчвае надзеі на вяртанне ў бацькоўскую хату: «*Wciąż jeszcze wierzę: dzień powrotu / Zagoi wszystkie nasze rany*» [Там жа] («*Усё яшчэ веру: дзень вяртання / Загоіць усе нашы раны*»). Жаданне вярнуцца ў родны край пасля доўгай вандроўкі, як прылятаюць птушкі пасля выраю, гучыць лейтматывам у цыкле «*Беларусь*»: лірычны герой марыць аб тым, каб «*ruszyć w drogę do swych dalekich gniazd z powrotem!*» [Там жа, s. 23] («*рушыць у зваротны шлях да сваіх далёкіх гнёздаў!*»).

У многіх вершах кнігі «*Беларусь*», як у люстэрку, можна ўбачыць акружэнне аўтара, яго сваякоў, сяброў і знаёмых, краявіды бацькоўскай зямлі, адчуць думкі, пачуцці і перажыванні паэта, яго погляды на мінулае і сучаснае жыццё. Трывушчасць, любоў да малой радзімы ўзводзіцца аўтарам у ранг бясспрэчнай духоўна-маральнай каштоўнасці. Менавіта з сутыкнення супярэчлівай, драматычнай сучаснасці са светлымі ўспамінамі, выкліканымі памяццю, узнікаюць напружаныя перажыванні аўтара, якія нязменна хвалююць чытача сваёй шчырасцю, споведнасцю інтанацый. У цыкле Л. Падгорскага-Аколава асабліва вылучаецца верш з прысвячэннем «*Бацьку*» («*Ојси*»), які прасякнуты лірычнасцю, светлым смуткам аб шчаслівых днях, праведзеных з родным чалавекам. Лірычны герой успамінае штодзённыя клопаты і справы яго сям'і: праца ў полі і на лузе, вандроўкі па ваколіцах, нядзельныя

¹ Тут і далей, калі не ўказана крыніца, падрадкавы пераклад аўтара артыкула.

выезды на кірмаш у Слуцк і Капыль... Але радасць тагачаснага жыцця («dwór szczęśliwy» («шчаслівы двор»), «świat wesóły» («вясёлы свет»)), на жаль, засталася толькі ва ўспамінах. Так у вершах Л. Падгорскага-Аколава ўзнікае і не аднойчы актуалізоўваецца сэнсавая і эмацыянальна-пачуццёвая апазіцыя «тут» і «там»: «Tam był nam raj <...> / Tam, w śnieżnobiałym obrusie... stał długi stół z tysiącem całym / I ciast, i wędlin, i pieczeni // A dziś – ten stolik. Trzy nakrycia / I wiew wielkomiejskiego chłodu, / I – niby ślad tamtego życia – / Butelka “szlacheckiego” miodu» [3, s. 84] («Там быў для нас рай <...> / Там, у снежна-белым абрусе... стаяў доўгі стол з цэлай тысячай / І пячэнняў, і вяндлін, і смажаніны // А сёння – гэты столік. Тры абрусы / І дыханне холоду вялікага горада, / І – нібы след з тадышняга жыцця – / Бутэлька “шляхецкага” мёду»).

У плынь паэтычных успамінаў лірычнага героя ўрываюцца суровыя рэаліі – вайна, мяжа, сацыяльныя праблемы. Польшка-савецкая мяжа стала своеасаблівай прасторай узаемадзеяння сілавых палёў памяці творцы і памяці традыцыі, гісторыі, падштурхоўваючы аўтара да больш глыбокіх высноў і разважанняў (верш «Мяжа (на слуцкай шашы)» («Granica (na szosie słuckiej»)):

Niska łąka, płot liche, dwie z drógów zastawy...
Więc to tutaj? Tak prosto? Nie, jeszcze nie wierzę!
W prawo konie spętane, las w dali sinawy.
Tak jak dawniej... Lecz oto podchodzą żołnierze.

Tak, to tutaj. To tutaj legło straszne słowo,
Co od „ranić” pochodzi i tyle lat rani.
(Cała rozpacz, tłumiona, odżyła na nowo,
Jakiś krzyk chciał z ust wybiec – i zaciął się w krtani!)

I stoimy: ten, który TAM włożył pół życia,
Zapatrzony wraz ze swym niedoszłym następcą!.. [Там жа, s. 80]

(Нізкі луг, занядбаны плот, дзве з жэрдак грэблі... / Дык гэта тут? Так проста? Не, яшчэ не веру! / Справа спутаныя коні, удалечыні сіняваты лес. / Так, як даўней... Але вось падыходзяць жаўнеры. // Так, гэта тут. Гэта тут пралегла страшнае слова, / Што ад “раніць” паходзіць і столькі гадоў раніць. / (Уся распач, што падаўлялася, зноў ажыла, / Нейкі крык хацеў з вуснаў вырвацца – і засеў у горле!) // І стаім: той, які ТАМ пакінуў паўжыцця / уставіўся на свайго наступніка, які не адбыўся!..).

Чытаючы «беларускі цыкл» Л. Падгорскага-Аколава, мы пераконваемся ў тым, што яго назва фарміруе цэлы мастацкі мікрасвет, вызначае галоўную думку міжваеннай паэзіі польскага аўтара. Яскравае гэтаму пацверджанне – радкі з верша «Гасцінец» («Gościńiec», 1939):

Jak szeroko, jak serdecznie i jak smutno:
To Białoruś! To jej dale, jej równiny,
Wsie, rozsiane dłonią skapą, nierozrzutną,
I znów pola, aż po borów rąbek siny.

I znów cisza jest i dal... I tylko w górze
Brzozy szepczą sobie coś po białorusku [3, s. 83].

(Як шырока, як сардэчна і як сумна: / Гэта Беларусь! Гэта яе далі, яе раўніны, / Вёскі, пасеяныя ладонню скупой, ашчаднай, / І зноў палі, аж да сіняга рубца бароў. // І зноў ціша і далячынь... І толькі ўгары / Бярозы шапочуць штосьці па-беларуску).

У творах «беларускага цыкла» Л. Падгорскага-Аколава выразна гучыць матыў вяртання ў родны дом як няздзейснай мары, але падарожжа па знаёмых мясцінах у яго ўяўленні радуе сэрца паэта, а кожны ўспамін, кожная дэталі мінулага жыцця становяцца сімвалічнымі лекамі для душы паэта-вандроўніка: «Nie zamieni go nigdy na żaden kąt świata / I wspomnienia przechowa jak skarby najświętsze» [5, s. 79] (*«Не заменіць яго ніколі на ніводны куток свету / І ўспаміны хавае як найсвяцейшыя скарбы»*).

Такім чынам, матыў памяці арганізуе і аб'ядноўвае ўсе ўзроўні міжваеннай паэзіі Л. Падгорскага-Аколава. Смутак і радасць, настальгія, сум па гадах дзяцінства ў каардынатах паміж Капылём і Слуцкам, эмацыянальныя адносіны да падзей мінулага і сучаснасці, шырокі псіхалагічны дыяпазон успамінаў, краявіды малой радзімы – усё гэта ў сваёй знітаванасці складае багаты свет назіранняў і перажыванняў, якія захаваліся ў памяці ці былі адабраны і пераасэнсаваны аўтарам для спасціжэння важнейшых тэндэнцый індывідуальнага і грамадскага існавання, а таксама варункаў гістарычнага развіцця.

ЛІТАРАТУРА

1. Багдановіч, І. Э. Леанард Падгорскі-Аколаў – міцкевічазнаўца і паэт / І. Э. Багдановіч // Працы кафедры гісторыі беларускае літаратуры Белдзяржуніверсітэта : навук. зб. – Мінск : Права і эканоміка. – Вып. III. – 2002. – С. 41–47.
2. Okółów Leonard // Literatura polska. Przewodnik encyklopedyczny : w 2 t. – Warszawa : PWN, 1985. – Т. 2. – S. 75.
3. Podhorski-Okółów, L. Wybór poezji / L. Podhorski-Okółów. – Warszawa : Polski Inst. Wydaw., 1960. – 241 s.
4. Podhorski-Okółów L. Białoruś. / L. Podhorski-Okółów. – Wilno : Nakł. i dr. L. Chomińskiego, 1924. – 27 s.

5. Напярэймы: ад Буга да Варты. Анталогія польскай паэзіі XX стагоддзя : у 2 т. / склад., пер.: А. Лойка. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2003. – Т. 1. – 2003. – 386 с.
6. Багдановіч, І. Э. Прыватныя рымляне / І. Э. Багдановіч. – Мінск : Triclinium, 2006. – 97 с.

The article considers the types and forms of the ideological and artistic presentation of the memory motif in the interwar poetic works of Leonard Podhorski-Okołów (1891–1957), a Polish poet of Belarusian origin. The conceptual and contextual analysis of the *Belarus* (1924) poetry collection allows identifying the main form of embodiment and functioning of his small homeland theme: family memoirs; home sacralisation; the past-present dichotomy; the border and the road motif; the topos of the village as a psychological Arcadia. The textual levels of reception of the romantic tradition (works by Adam Mickiewicz) have been systematized.

Поступила в редакцию 03.11.2020

А. Л. Церковский, А. И. Жишкевич

ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ КОД В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ С ПОЗИЦИИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ЛИНГВИСТИКИ

В статье художественный текст предстает как поликодовое явление, при этом интермедialность рассматривается в качестве инструмента считывания смыслов, кода прочтения художественного текста. Авторы разграничивают категории интертекстуальности и интермедialности, а также на материале современной детской художественной литературы обосновывают целесообразность интеграции литературоведческого и лингвистического подходов при интермедialном анализе художественных текстов.

Интермедialность – явление, которое широко и ярко присутствует в современной литературе конца XX – начала XXI века. Интермедialный анализ художественного текста в настоящее время все больше привлекает внимание исследователей, поскольку предстает в качестве инструмента считывания смыслов, кода прочтения художественного произведения. Интермедialные включения создают многослойность текста, которая оказывается созвучна стратегии современной культуры, ориентированной на всеобщую коммуникацию дискурсов. Понятие *интермедialность* появилось в конце XX века, но до сих пор остается окончательно не уточненным. Одни исследователи представляют интермедialность как разновидность интертекстуальности и называют данное явление интерсемиотичностью (Л. П. Прохорова) или синкретической интертекстуальностью (И. В. Арнольд), другие разграничивают данные понятия (Н. В. Тишунина, Н. С. Олизько и др.). Различия между понятиями *интермедialность* и *интертекстуальность* четко обозначила Н. В. Тишунина: «В системе интертекстуальных отношений связи выстраиваются внутри одного семиотического ряда, т.е. цитирование происходит внутри одного семиотического кода. А в системе интермедialных отношений, как правило, сначала осуществляется перевод одного художе-

ственного кода в другой, а затем происходит взаимодействие, но не на семиотическом, а на смысловом уровне» [1, с. 152], т.е. исследователь говорит, что в данном случае «мы имеем дело не с цитацией, а с корреляцией знаков», так как «картина “вербальная” никогда не тождественна картине “живописной”, иными словами, происходит не столько взаимодействие искусств, сколько взаимодействие смыслов разных языков искусств. В связи с этим логичнее в данной ситуации говорить не об интерсемиотичности, а все же об интермедиальности, поскольку действительно наблюдается не диалог конкретных тестов в разных формах реминисценций, а диалог разных кодов искусства.

Интермедиальные элементы в тексте выступают равноправными источниками информации. С одной стороны, это словесно выраженные элементы, с другой – они являются частью иного искусства, иного источника информации. Так, название скульптуры, картины, музыкального произведения либо их вербализация – это эксплицитно выраженные наименования, обозначающие объекты, относящиеся к невербальному искусству. В результате образуется смысловое единство в рамках одного текста, представленное в разных плоскостях. Таким образом, установление интермедиальных связей, способов их экспликации в художественном тексте дает возможность увидеть семантическую перспективу включений.

Нами установлено, что в современной художественной литературе для детей авторы часто используют интермедиальные включения. С точки зрения филологического анализа текста при изучении особенностей реализации категории интермедиальности в художественном тексте важны форма фиксации случаев включений интермедиальных элементов в произведения детской художественной литературы, их функции, а также маркеры, указывающие на наличие в тексте интермедиального включения (слова, относящиеся к лексико-семантическим группам «Кино», «Театр», «Музыка», «Скульптура», «Живопись» и др.).

Интермедиальность в контексте литературоведческого анализа художественного произведения мы понимаем как способ организации фактуальной и концептуальной информации текста. Такой способ подразумевает использование как имплицитных, так и эксплицитных средств актуализации подтекстовой информации, что неизбежно стремится к многозначности интерпретации художественного текста и, как следствие, запускает процессы *самопроизводства смыслов произведения*.

Сформировавшаяся и постоянно совершенствующаяся система литературных кодов (как национальных, так и метакультурных) актуализирует функционально-семантическое значение категорий художественности, модальности, метода, стиля и т.д. Именно поэтому интермедиальный код в художественном произведении изучается не только как анализ цитат и аллюзий, но и при помощи исследования *корреляции смыслов* отдельно взятого литературного текста (по Н. В. Тишуниной). Это формирует однозначность / многозначность художественного мира произведения, его открытость / замкнутость.

Однако использование только одного подхода при интермедиаальном анализе художественного текста приводит к поверхностности наблюдений и прямолинейности. Такое изучение текста будет узким, недостаточным. Вследствие этого в последнее время идея интеграции литературоведческого и лингвистического подходов становится все более актуальной. Именно такой подход позволяет сделать анализ художественного произведения более глубоким и многогранным.

Лингвистика изучает формальную сторону, и, чтобы разобраться в особенностях реализации категории интермедиаальности в детской художественной литературе в лингвистическом аспекте, нужно уточнить типологию интермедиаальных отношений в соответствии с исследуемым материалом.

Сегодня существуют различные типологии интермедиаальных отношений. А. А. Хамина выделяет такие типы интермедиаальных корреляций, как референция (тематизация) и трансформация. В трансформации она выделяет следующие подвиды:

- 1) моделирование материальной фактуры другого вида искусства в литературе: соотнесение «внешних» элементов (мелодика поэтической речи, визуальная поэзия – палиндромы, анаграммы, акrostих);
- 2) проекция формообразующих принципов произведений искусства в литературном тексте: попытка воспроизвести технику композиции или типовые формы (музыкализация литературы, роман в манере сценария фильма);
- 3) инкорпорация: включение образов, мотивов, сюжетов произведений одного искусства в структуру другого (экфрасис) [2].

Исследователь С. А. Петрова при анализе произведения предлагает выделять следующий ряд интермедиаальных категорий:

- интермедиаальный элемент – наименьшая составляющая литературного текста, созданного во взаимодействии искусств (например, название какого-либо музыкального инструмента в литературном тексте);
- интермедиаальный герой – образ персонажа, представленный в ракурсе нескольких искусств (например, герой-композитор);
- интермедиаальная композиция – использование структуры произведения другого вида искусства;
- интермедиаальный жанр [3].

Проанализировав данные типологии интермедиаальных отношений, предлагаем типологию, которая будет учитывать особенности детской художественной литературы. Мы считаем необходимым обратить внимание на иллюстрации, сопровождающие практически все художественные произведения для детей.

Иллюстрация является одним из видов изобразительного искусства и также важна для детей, как и текст книги, а для самых маленьких читателей – даже более значима, чем текст. Художник-иллюстратор становится соавтором книги и в какой-то степени несет ответственность за конечный результат

и понимание текста юными читателями, поскольку дополняет в иллюстрациях описательную информацию, которую автор текста опускает, ввиду того что детям такая информация более доступна в визуальном варианте.

Не всегда эмоции можно адекватно передать словами. Изображение в значительной степени расширяет смысловой объем. Художник может заметить моменты, опущенные автором в словесном описании и передать их в иллюстрации. Поэтому мы посчитали возможным расширить типологию А. А. Хаминовой и представить **иллюстрацию** как один из подвидов **инкорпорации**. К этому же типу предлагаем отнести и **цитацию**, так как включение цитат из песен, фильмов и мультфильмов мы считаем одним из типов именно интермедиальных отношений, а не интертекстуальных. Попробуем обосновать данную точку зрения. Включение цитаты из песни в художественное произведение можно было бы считать интертекстуальным включением, поскольку текст песни – это вербальный текст.

Песня воспринимается как симбиоз музыки и слова, семантика музыкального является важной составляющей смысла текста песни и не может быть отделена от него. Н. А. Алексеева определяет характер отношений между вербальным и музыкальным компонентом как синсемантию, т.е. точное значение слов песни может быть выражено только в сочетании с музыкой, на фоне музыки [4]. Можно заметить некоторые различия между литературным и песенным текстами и в плане связности: в обоих случаях связность осуществляется по-разному на просодическом уровне. Отличия наблюдаются и в цельности данных текстов. С точки зрения лингвокультурологии литературный и песенный тексты представляют собой две различные целостности.

В песне большое значение имеют не только слова, но и музыка, ритм, интонация, особенности исполнения, что дает нам основания говорить о феномене песенного текста как самостоятельного художественного текста особого типа, обладающего своей спецификой. Поэтому цитаты из песен мы посчитали возможным отнести к сфере интермедиальности и определить как невербальный код. То же самое можно сказать и в отношении цитат из фильмов и мультфильмов.

Таким образом, в цитировании можно выделить следующие виды:

- цитаты из песен, например: *А бабушка Четверухина уютно пела ему: – Спи, моя радость, усни. В доме погасли огни. Птички умолкли в саду. Рыбки уснули в пруду* (Э. Успенский «Колобок идет по следу»);
- цитаты из кинофильмов и мультфильмов, например: – *Как говорит доктор Хаус, «если болезнь нельзя вылечить, ее можно купировать»!* Молчун шевелил губами, что соответствовало широкой улыбке обычного человека. *Сериал про доктора-наркомана он любил* (А. Жвалевский, Е. Пастернак «Я хочу в школу»).

Одним из подвидов инкорпорации является **экфрасис** (вербализация произведений искусства в художественном тексте). Можно выделить следующие типы экфрасиса:

- экфрасис картин известных художников, например, в рассказе Э. Успенского «Следствие ведут колобки (Ограбление Третьяковской галереи)» встречается вербальное представление картины русского художника Н. Н. Ге «Петр Первый допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе»: – *Что вы скажете об этой картине знаменитого художника Ге? – Эта картина знаменитого художника Ге изображает разговор большого человека, может быть, даже директора интерната, с его подчиненным, может быть, учителем младших классов, – предположил Вася Углов. <...> А картина называется «Петр Первый допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе»;*

- скульптурный экфрасис, например в романе А. Жвалевского и И. Мытько «Порри Гаттер и Каменный философ»: *Каменный Философ, гордость и талисман школы, представлял собой скульптуру, стоящую на постаменте в Зале Трансцендентальных Откровений. Большие всего он напоминал роденовского «Мыслителя», которого Гаттер однажды увидел на сайте, посвященном трехмерной графике. Правда, каменный Философ не подпирал рукой подбородок, как мудловская статуя, а чесал этой рукой в затылке, но в остальном все было очень похоже – и поза, и выражение лица;*

- киноэкфрасис, например: – *А я мультик вспомнила про домовенка Кузьку, – сказала Маша. – Помните, он там говорил, что сначала добра молодца надо помыть, покормить, а потом уже расспрашивать? Вот мы и решили... Кабинетный выглядел абсолютно довольным жизнью, только что не урчал от удовольствия (А. Жвалевский «Гимназия № 13»).*

Подтип **проекция формообразующих принципов произведений искусства в литературном тексте** предлагаем уточнить за счет включения в него вербального представления процесса создания произведения искусства, например: *Вначале Стас сотворил небо и землю. Небо – голубая полоска акварели сверху листа. Земля – зеленая полоска внизу. Пока Земля была пуста, Стас решил сотворить Солнце. Но плохо помыл кисточку. И Солнце получилось грязным. Не желтым, а зеленым, как лайм (Ая эН «Библия в SMSках»).*

Подтип **моделирование материальной фактуры другого искусства в литературе** предлагаем уточнить за счет включения в него словесной имитации звучания музыкального произведения, голоса певца, музыкального инструмента, например: *Потом Нинель вышла на сцену. Такая красивая, уверенная в себе – ей к выступлениям не привыкать, она на них собаку съела. Села за пианино, стала из «Пер Гюнта» играть про троллей. <...> «Пам-пам-пам-пам-РАМ-пам-пам, РАМ-пам-пам, РАМ-пам-пам», – очень музыка у композитора Грига сильная, такая тревожная (А. Никольская «Про Бабаку Косточкину»).*

Таким образом, опираясь на типологию интермедиальных отношений А. А. Хаминовой и типологию интермедиальных категорий С. А. Петровой, представляем уточненную нами типологию интермедиальных отношений, в полной мере учитывающую особенности исследуемого материала. Данная типология будет способствовать установлению форм присутствия интермедиальных включений в художественном тексте (рисунок).

Типология интермедиальных включений
в детской художественной литературе

Для интермедиального анализа художественного текста важны функции интермедиальных включений. Нами выделены следующие функции интермедиальных включений в детской художественной литературе: интертекстуальная (связь с прецедентными текстами); эстетическая (воздействие на мысли и чувства читателя, формирование эстетического вкуса); познавательная (расширение кругозора, активизация культурной памяти; интермедиальные элементы в художественном тексте являются активной познавательной базой); фатическая (установление контакта с читателями — как с детьми, так и со взрослыми); характерологическая (лаконичное дополнение образа героя); конструирующая (создание многослойного, многогранного, объемного текста); развлекательная (создание юмористического эффекта); обучающая (приобщение к знаниям из области культуры); воспитательная (формирование личности

читателя, реализация духовно-нравственного потенциала читателя); символическая (является символом определенной эпохи); посредническая (осуществление связи между различными видами искусства).

Литературоведческий компонент интермедиального анализа художественного текста предполагает изучение произведения как особой эстетической реальности. По классификации Н. В. Исагулова [5], можно выделить некоторые ключевые критерии, уровни и формы интермедиальных включений в детской художественной литературе:

- понимание медиума: *технологическое / семиотическое*;
- композиционные связи: *внутрикомпозиционные* (связи в одном тексте) / *внекомпозиционные* связи (взаимоотношения нескольких текстов. Описание полихудожественного пространства внутри культуры);
- историческое взаимодействие медиа: *горизонтальное* в рамках одной художественной эпохи (прямые ссылки и реминисценции, цитирование собственных работ, заимствование, калькирование (копирование, подражание), кража сюжета, плагиат, рерайтинг, новая трактовка сюжета, переключки сюжетов, авторская копия, дублирование, авторский перевод, переработка и адаптация, списывание, интерпретация художественного произведения) / *вертикальное* – интермедиальное взаимодействие с текстами предыдущих эпох (переключки сюжетов, новая трактовка сюжета, интерпретация, заимствование, копирование, подражание, кража сюжета, плагиат).

Объединив литературоведческий и лингвистический подходы, мы предлагаем интегрированную схему интермедиального анализа художественного произведения:

- 1) определить ключевой критерий выбора интермедиального включения;
- 2) обозначить форму интермедиального включения (см. рисунок);
- 3) установить маркеры интермедиального включения (слова, относящиеся к лексико-семантическим группам «Кино», «Театр», «Музыка», «Скульптура», «Живопись» и др.);
- 4) выявить интермедиальные уровни;
- 5) охарактеризовать функции интермедиального включения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тишунина, Н. В. Методология интермедиального анализа в свете междисциплинарных исследований [Электронный ресурс] / Н. В. Тишунина // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века : к 80-летию проф. М. С. Кагана : материалы Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 18 мая 2001 г. / С.-Петерб. филос. о-во. – СПб., 2001. – Режим доступа : <http://anthropology.ru/ru/person/tishunina-nv>. – Дата доступа : 05.11.2020.

2. *Хаминова, А. А.* Творческое наследие В. Ф. Одоевского в аспекте интермедиального анализа : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / А. А. Хаминова. – Томск, 2011. – 224 л.
3. *Петрова, С. А.* Творчество В. Цоя в контексте интермедиальных традиций русской литературы (на материале первого альбома «45») / С. А. Петрова // *Художественная литература и музыка как отражение культуры народа* / Е. В. Богомоллова [и др.]. – Новосибирск, 2014. – Гл. 8. – С. 171–194.
4. *Алексеева, Н. А.* Музыкальный компонент как составляющая креолизованного текста песни / Н. А. Алексеева // *Вестн. Ленингр. гос. ун-та.* – 2012. – Т. 1, № 2. – С. 180–187.
5. *Исагулов, Н. В.* Интермедиальность как зонтичный термин : попытка классификации [Электронный ресурс] / Н. В. Исагулов // *Культура слова : эл. науч. журнал.* – № 1 (2). – Новосибирск : Грани науки, 2019. – С. 28–39. – Режим доступа : <https://jword.ru/archive/2/26>. – Дата доступа : 04.11.2020.

In the present article, children's literature is presented as a polycode phenomenon. The authors understand intermediality as a tool for reading and interpreting artistic meanings, as well as a code for reading a literary text. The authors do not consider the categories of intertextuality and intermediality to be synonymous. The article presents examples of intermedial inclusions in the literary texts of modern children's literature. The selected works are studied using the methodology of philological analysis of a literary text, which implies an organic interaction of literary and linguistic approaches to the intermedial analysis.

Поступила в редакцию 19.11.2020

НАШИ АВТОРЫ

Будевич Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций Витебского филиала Международного университета «МИТСО». Тел. (+37529) 135-54-02.

Гуркова Ольга Сергеевна – аспирант кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина. Тел. (+37529) 832-82-88.

Гурская Анна Олеговна – преподаватель кафедры второго иностранного языка (английский) МГЛУ. Тел. (+37544) 583-72-07.

Дзігадзюк Валянціна Паўлаўна – аспірант кафедры беларускай і рускай філалогіі Мазырскага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. Тэл. (+37529) 833-06-19.

Жданович Марья Артуровна – аспирант кафедры информатики и прикладной лингвистики МГЛУ. Тел. (+37529) 577-46-29.

Жишкевич Алёна Игоревна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры языкознания и лингводидактики БГПУ им. М. Танка. Тел. 327-80-44.

Зуевская Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Король Юлия Александровна – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.

Курганова Нина Ивановна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры межкультурной экономической коммуникации БГЭУ. Тел. 209-79-11.

Мобаракабади Эбрагим – аспирант кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Тел. (+37529) 576-37-68.

Первушина Любовь Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Тел. (+37529) 318-14-55.

Семян'кевіч Аксана Васільеўна – ст. выкладчык кафедры беларускай мовы і літаратуры МДЛУ. Тэл. 294-71-14.

Степанова Дарья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английской речи МГЛУ. Тел. (+37529) 679-09-15.

Тупик Дмитрий Игоревич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лексикологии французского языка, декан факультета межкультурных коммуникаций. Тел. 294-75-74.

Тур Виталий Викторович – кандидат филологических наук, докторант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.

Хмяльніцкі Мікалай Мікалаевіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры тэарэтычнага і славянскага літаратуразнаўства БДУ. Тэл. 378-63-78.

Церковский Александр Леонидович – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и зарубежной литературы БГПУ им. М. Танка. Тел. 327-78-14.

Цупа Анна Ивановна – аспирант кафедры общего языкознания, МГЛУ. Тел. 288-25-64.

Чайка Наталля Уладзіміраўна – доктар філалагічных навук, прафесар, прафесар кафедры мовазнаўства і лінгвадыдактыкі БДПУ імя М. Танка. Тэл. 327-80-44.

Чжан Аньци – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 6 (109), 2020

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 29.12.2020. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 9,24. Тираж 100 экз. Заказ 49.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172